Одесский альманах

№90

III / 2022

ДЕРИБАСОВСКАЯ – РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

УДК

Литературно-художественное издание

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (90), 2022
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга, Михаил Пойзнер, Алена Яворская
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Не периодическое издание
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук» Украина Одесса ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 21 от 20.01.2003 г.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

ISBN

Літературно-художнє видання

«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (90), 2022
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ»
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Михайло Пойзнер, Олена Яворська
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Не періодичне видання
Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «ТакиБук»
Україна Одеса ФОП Карпенков О.І.
Свідоцтво ОД №21 від 20.01.2003 р.
Тел.: +38 (067) 486-20-34
E-mail: takibook.odessa@gmail.com www.takibook.od.ua
Наклад 100 прим.
Замовлення № _____

© «Дерибасовская – Ришельевская», 2022

От редакции

Все начиналось с «Одессы». А как иначе, когда речь идет о деле нашей жизни, которым редколлегия занимается уже двадцать шесть лет? Считается, что таков срок смены поколений. Но почему же имя нашего города взято в кавычки? Так назывался журнал, впервые объединивший в одну команду журналистов Олега Губаря, Евгения Голубовского, Феликса Кохрихта. В 1996 году молодой бизнесмен, владелец издательского дома «Крона» Александр Гришин предложил нам обосновать концепцию нового издания, а затем – создать редакцию и начать его выпуск. Чем мы и занимались до конца 1999 года, в котором все ощутили последствия недавнего кризиса.

…Спустя время библиографы Одесской национальной научной библиотеки официально сообщили, что за эти годы мы побили своеобразный рекорд: ранее ни одно иллюстрированное ежемесячное издание не выходило в Одессе столь долго, да еще регулярно.

Вот так мы завершили XX век и, признаемся, грустили о том деле, которое начали. Но нам было суждено продолжить его и в XXI столетии. Идею создания альманаха (жанр, возникший давным-давно, издание для всей семьи) поддержал лидер НПО «Микрон» Владислав Вайсман. Он же придумал ему имя «Дерибасовская – Ришельевская», поразив этим даже Губаря – мастера метких, порой парадоксальных заголовков. И сегодня, спустя почти тридцать лет, оно представляется и нам, да, надеемся, и читателям, естественным и логичным. Еще бы! Оно было придумано в одном из кафе на перекрестке легендарных улиц. В нем точная локация места силы нашего города: поблизости оперный театр, Приморский бульвар, море, порт…

На обложке первого номера – он вышел в свет в июне 2000 года – памятник Дюку де Ришелье, репродукция старинной открытки. Поверьте, подбирая знаковые иллюстрации на обложку девяностого, юбилейного выпуска, мы вновь единогласно склонились к этой легендарной личности, забыв при этом, что первый номер вышел с этим же символом Одессы. На сей раз его отснял для нас фотохудожник Александр Синельников.

Образ морской Одессы создан в работе классика отечественного искусства Юрия Егорова – друга нашего альманаха.

Сознаемся, получив из типографии тираж первого номера, мы думали, что сил и средств хватит лишь еще на два-три. Но все произошло так, как бывает в Одессе: альманах прижился в городе. Место, отведенное на это обращение редколлегии к городу и миру, позволяет лишь фрагментарно назвать те составляющие гражданского общества Одессы, которые помогли нам заниматься любимым делом до сегодняшнего дня, а вам – уже почти двум поколениям одесситов в родном городе и в диаспоре – читать его.

Нашим домом стал Всемирный клуб одесситов. Нас поддержали деятели искусства, общественные организации, городские власти. Творческими партнерам стали Литературный музей и Национальная научная библиотека (недавно она вновь подтвердила «рекордный статус» альманаха). Нам поверили (и надолго) просвещенные меценаты: бизнесмен и писатель Алесандр Мардань; президент АО «ПЛАСКЕ» Олег Платонов включил альманах в масштабный многолетний культурологический проект, благодаря чему издание преобразилось, перейдя на современные принципы оформления, верстки и технологии печати. Совсем недавно, в эпидемию ковида, плечо поставила фирма «Royal Motors».

Увы, как и вся наша страна, наш город, альманах подвергается серьезным, порой трагическим испытаниям. В последние годы ушли из жизни те, без которых тяжело, но необходимо продолжать многотрудное дело. Почти одновременно – президент Всемирного клуба одесситов, наш блистательный друг Михаил Жванецкий и Олег Губарь – треть нашей семьи… Важно, что они остаются и в наших сердцах, и на наших страницах – и в юбилейном номере. Мы потеряли и выдающихся авторов – писателей, историков, музыкантов, но, к счастью, им на смену пришло поколение тех, кто не многим старше, а то и младше этих двадцати шести лет, когда все начиналось с «Одессы».

Недавно редколлегия пополнилась нашими давними и славными авторами – Михаилом Пойзнером и Аленой Яворской. Большинство

вышедших номеров сверстаны и вычитаны ответственным секретарем Татьяной Коциевской.

Важно не только то, что альманах стал читаемым и почитаемым в нашем городе. Не менее важно, что вокруг него сплотилась литературная молодежь. Так возникло ощущение, что традиции, заложенные южнорусской литературной школой – от Бабеля и Багрицкого, Олеши и Катаева, – не только нашли продолжение в творчестве Жванецкого и Михайлика, но и остаются с нами в прозе и стихах студийцев «Зеленой лампы».

Перелистайте этот номер альманаха. Здесь имена, которые мы открыли читателю: Анна Михалевская, Наиль Муратов, Елена Андрейчикова, Виктория Коритнянская, Майя Димерли и многие, многие другие.

Подчеркнем, что все годы мы публиковали авторов, пишущих на украинском языке, на их родном языке. Мы гордимся, что открыли читателю Ганну Костенко и Анну Малицкую, продолжающих дело жизни Бориса Нечерды.

И в страшном сне нельзя было представить, что мы, дети Второй мировой войны, вновь увидим войну на своей земле, что Россия нападет на Украину. Казалось, что ракетные атаки помешают не только писать стихи и прозу, но и жить. Мы недооценили своих товарищей. Война обострила их чувства, война объединила весь украинский народ, а значит, и писателей Украины.

Мы смогли за первые сорок пять дней войны собрать книгу стихов и прозы «Война». Мы смогли и в восемьдесят девятом номере альманаха, и в нынешнем девяностом номере ввести новую рубрику – «Под звуки воздушной тревоги». Эссе наших авторов, их военные стихи и проза стали тоже оружием в борьбе с агрессором.

И при этом мы не отказались от своих постоянных тем. Мы рассказываем о предыстории нашего города, о наших великих предшественниках и знаменитых земляках. Мы учим любви к Одессе, городу, вдохновившему Пушкина и Мицкевича, Лесю Украинку и Юрия Яновского, Зеева Жаботинского и Аркадия Львова… И мы знаем, что у нашего просветительского проекта нет конца.

Всё продолжается Одессой.

Михаил Жванецкий

Я за жизнь без цифр

Жизнь прекрасна без цифр. Все, что выражают цифры, – все мне не нравится. Это конфликты с друзьями, с соседями.

Это тайные вздохи и ваша внезапная мрачность.

Это пересчитывание ночью шепотом.

Это килограммы на весах, это минуты на часах.

Это дроби гипертонии, это пульс, диоптрии, анализы, растраты, долги и проигрыши в казино.

Это зарплаты, пенсии и продолжительность жизней, это штрафы, нарушения, цены на базаре.

Что вам из этого нравится?

А часы приема, время работы и количество взятки?

Все, что в цифрах, чревато скорым концом или крупными неприятностями.

Есть и радости, конечно, но они такие скоротечные, такие мелкие и, главное, втягивают вас, приучивают, развивают привыкание к цифрам.

Вы от своих цифр перебрасываетесь к чужим, мечетесь между своими и чужими цифрами.

И они вас убивают – и свои, и чужие. Вас убивает сравнение.

А тот, к чьим цифрам присматриваетесь вы, тоже присматривается к чьим-то цифрам.

Ну казалось бы, ему-то зачем, а тоже не спит, тоже переживает, свои сравнивает, страдает, губами во сне шевелит, проценты, доли во сне делит-вычитает.

Разве успокоится он когда-нибудь?

Когда-нибудь? От чего-нибудь?

Тот, кто ушел в цифры, разве перейдет к жизни слов, снов и прикосновений?

Не перейдет он.

Мир цифр – мир наркотический.

Зависимость обоюдная.

Ты страдаешь от них, они страдают от тебя.

Господи! Да война – это цифры.

Война – это война цифр.

Человеческие крики за цифрами.

Человеческие раны за цифрами.

Кто управляет нами – управляет цифрами.

А все говорят, за цифрами стоят, сидят, лежат больные, здоровые, раненые, озверевшие и ставшие одинокими.

Да он разве видит?

Да он разве расстраивается?

А за кого переживать?

Там же цифра один встречается, только когда он говорит о себе.

О всех других пошли нули.

Количество нулей убитых и взорванных.

Эти нули строем идут, в грузовиках едут, в подлодках тонут и даже в театрах аплодируют. Пока…

Пока не загремел мир цифр, все мы стоим, лежим, любим и детей держим в строгости – для следующего поколения цифр.

Как цифры потоком – значит, война, значит, кончились личности, закончились арии, смыслы, метафоры и колыбельные.

Эй, нули, Родина вас зовет вперед!

Юрий Михайлик

Желтый камень

* * *

А за черным гаем кличет Див и плачет.
Разве мы не знаем – что все это значит?
Из огня да в пламя прилетает птица.
Ей теперь над нами триста лет кружиться,
триста лет крылами обиды и гнева,
триста лет когтями царапая небо,
птица, Бога ради, не засти Стожары, –
только в птичьем взгляде есть отблеск пожара,
только в каждом слове есть капелька крови,
да полоска крови в закатной обнове.
И плывет над гаем, как пепел, навстречу,
и ложится в поле, как дым на ветру –
заки море перелэчу,
крылонька зитру…

* * *

Цыганских облаков разрозненные сны
плывут над головой, цветны и клочковаты.
А эти берега ни в чем не виноваты
и лишены вины до будущей весны.
Под тонким слоем глин – понтийский известняк,
все прошлые моря уже опять возможны,

и медленный возок качнется осторожно,
по склону уходя в колеблющийся мрак.
Там город позади. Там никаких огней,
и ночь еще легка, и ни о чем не помни
на узеньком пути вокруг каменоломни
с полынным серебром, светящимся над ней…

* * *

Если бы не этот желтый камень,
бывший морем столько лет назад,
если бы не этот дальний пламень –
в море утопающий закат,
если бы не хрупкая от зноя
неба средиземная судьба,
если бы не листьев надо мною
утренняя тонкая резьба,
если бы не приглушенный мерный
шепот волн, рожденных в глубине,
я бы позабыл тебя, наверно,
город мой, таящийся во мне.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Под звуки воздушной тревоги

12 **Галина Крюк**
Шлях

13 **Евгений Майков**
Одесса, ты как?

19 **Анна Михалевская**
Цветы, которые взойдут

22 **Елена Андрейчикова**
Прошу, поговори со мною о войне

26 **Виктория Коритнянская**
Ангелы на войне

Галина Крюк

Шлях

Шлях життя завжди невідомий. Бо як плани не будуй, про що не мрій, а один камінчик на дорозі може перевернути усе догори дриґом.

Звідки я знала, що мій літературний блог допоможе зібрати сім тисяч для поранених бійців? Якби мені таке сказали на початку ведення блогу, я б подумала, що людина не виспалася.

Але допис не про це. А про світло, що промінчиками пробивається скрізь товщу клубастої пітьми. І ці промінчики – люди, які, не дивлячись ні на що, не сходять з важкої стежки.

Я лише дала клич: «Агов, рятуймо!» – а ви без вагань, без питань взяли та зробили все від себе можливе. Робили репости, переказували кошти. Хто скільки зміг. І так копійка до копійки, гривня до гривні – й хлопці мають підтримку.

Я щиро дякувала кожному і дякую зараз. А мені казали: «Та що я? Це хлопцям дякую і тобі за збір коштів».

Проте я вірю, що всі ми – це маленькі механізми, які в поєднанні створюють велику міцну машину, що веде нас до перемоги. І якщо з ладу вийде хоча б один гвинтик, все може зламатися.

Тому не здаваймося, продовжуймо бій.

Вісім років та сто п’ятнадцятий день війни.

Втомилися, виснажилися, але не зламалися.

Бо кожен з нас – це світло, і ми переможемо темряву!

Евгений Майков

Одесса, ты как?

Часть 1

Тревожный 2022 год. В этом году, как никогда раньше, отовсюду слышен вопрос: «Как там наша родная Одесса?». Постараюсь по порядку. И начну с того, что в Одессе много чего не стало.

Например, в этом году в Одессе нет курортного сезона. И что там – нет курортников! Сперва подальше от войны уехали все, кто только мог. За ними – все, кто не мог, но «там, где стреляют, нашим детям не место». А напоследок – те, кто и не мог, и не хотел, и не решался до последнего. Остались в основном те, кому нельзя, те, кому некуда, те, кто «что-то знает», и самые упрямые. За коренных одесситов, которые «в четвертом поколении», здесь речи не идет – очередная волна их улетела в теплые края еще в девяностых, а те немногие, кто остался, давно занесены в Красную книгу.

Насколько опустел город? Знаете, как выглядят курортные города зимой? В это трудно поверить. Практически невозможно. Но Одесса сейчас, летом, почти такая же, как зимой. Только очень цветущая и сильно зеленая. Многие пляжи пустые. На песке нет следов человека. Следы есть, но в основном следы чаек и приморских котов. Наверное, ветер и волны еще с зимы отшлифовали песчинки до бархатного пения под ногами. Но таблички с надписью «Осторожно, мины» сдерживают желание это проверять. Зато на пляжах нет грохота дискотек, посторонних запахов, окурков, пивных крышек, закопанных пакетов и всего такого, что обычно связано со следами человека. Природа как будто

с облегчением жадно вздохнула и показала всем, насколько ей не хватало отдыха от такого хамского поведения.

Вы бы только знали, какая сейчас у пляжей чистая вода! С дальней точки волнореза сквозь ее толщу видно, как по дну перемещается краб. И как с глубины бычок наблюдает за рыбачками. Те ему показывают, что на крючке вкусный червяк. На что бычок им лукаво улыбается и добродушно крутит плавником у виска.

Очень непривычно летом видеть одесское побережье, где никто не купается. Нет, кто думает, что «совсем никто не купается» или что «совсем никто не загорает», так тот плохо знает одесситов. С одной стороны, жители Одессы, конечно же, в курсе, что с равномерным бронзовым загаром дефилируют в основном приезжие. С другой – плох тот одессит, который не найдет возможность заветных два десятка раз за сезон окунуться, «чтоб не пересохли жабры». Поверьте – одессит найдет! И тут всегда есть дамы, которые ради загара и мужского внимания будут лежать под вой воздушной тревоги между минами, при этом недовольно обмахивать себя запрещающей табличкой вместо веера. Похоже, что военные уже изрядно устали от подобного, поэтому в качестве большого исключения кое-где выделили таким барышням узкую полоску песка возле пирса, шириной не более шага. Этого вполне хватило, чтобы украсить и пирс, и жизнь военных.

Море тоже отдыхает. О том, что оно стало чище, и ему от этого только лучше, можно узнать по знакам, которые оно подает. Недавно недалеко от волнореза у самой поверхности воды серебристо-темным подвижным пятном держалась огромная стая крупной рыбехи. Такое событие не прошло мимо внимания дельфинов. Около двух десятков этих млекопитающих кружило и вытанцовывало вокруг такого изобилия. Они подолгу выныривали то тут, то там, то разделяли стаю рыб на несколько частей, то, наоборот, сгоняли в плотный клубок. А наигравшись вдоволь, довольные и сытые дельфины продолжили свой путь вдоль побережья. От чаек и крачек такого благоразумия ожидать не приходилось. Они со свойственным для них базарным шумом то и дело пикировали в самую гущу рыбной стаи, тяжело поднимались с добычей и снова жадно взлетали вверх для очередного броска.

В итоге пернатые так насытились, что лениво сидели на воде и уже были не в состоянии ни охотиться, ни взлетать, ни даже кричать. Ничего подобного раньше на нашем побережье мне не встречалось. Неизвестно, к какому виду рыб принадлежала эта стая, и причина, по которой она не уходила от своих преследователей на глубину. Но я почти уверен в том, что, если бы на всем побережье, как обычно в это время, резвились пляжники, и акваторию бороздили многочисленные скутеры с моторными лодками, то ничего похожего понаблюдать не удалось бы.

Это море… А как описать воздух, который сейчас в Одессе?! Вот можете представить современный город без солярки и бензина? Большой портовый город без машин и без порта? Спокойствие! Порт есть. Только он почти не работает. И машины есть. Только люди больше передвигаются пешком и на велосипедах. Автомобилей на дорогах стало меньше в несколько сотен раз. От этого воздух в городе стал предельно чистым. И тут сперва зацвела слива, затем каштаны, а сейчас настало время ракиты, роз, ирисов, тамарикса и акации. Все запахи цветов чистые, изящные, насыщенные. Все чаще бывает так, что морской воздух доходит до Черемушек. Все запахи тонко смешиваются невероятным ансамблем и звучат самыми приятными нотами. Отдельная песня за одесскую акацию. Справедливости ради нужно отметить, что настоящая акация – с желтыми цветами, а та, которая с белыми, о которой идет речь, правильно называется «робиния лжеакация». И вот складывается впечатление, что та самая акация, которую все неправильно называют, цветет в этом году с усердием бо̀льшим, чем обычно. Некоторые ее деревья так разневестились, что из-за их цветочных гроздей не видно даже листьев. При этом пахнут эти деревья с различной интенсивностью – мимо каких-то можно пройти и не заметить, а другие насыщают воздух своим присутствием задолго до встречи с ними. Конечно же, вся эта песня на пользу пчелам, которые деловито гудят в самой гуще цветоносов.

А настоящая благодать наступает, когда день сменяется сумерками, и в Одессе наступает густая ночь. Бархат южного неба сверкает бриллиантами звезд. А отчасти из-за того, что действует комендантский час, в прозрачном воздухе стоит звенящая

тишина. В этой тишине слышно, как бежит еж. Ежи у нас встречались и раньше, но сейчас они стали какие-то деловито-нахальные. Неожиданно и робко по ночам стали стрекотать цикады. В отличие от сверчков, трели цикад гораздо длиннее и громче. Говорят, что до шестидесятых годов цикады, типичные обитатели Средиземноморья, были обычными для Одессы, а потом почему-то исчезли. И совсем неожиданно для меня было недавно услышать ночные трели перепелки. Перепелка! Где-то совсем рядом, между стадионом и гаражами. В Лузановке токуют… фазаны. На осыпи моста, ведущего к «7 километру», лиса нашла нору и родила лисят. Лисят кормят местные жители. Как все-таки природе не много нужно – комендантский час, отсутствие горючего для машин, поменьше пляжников минус грохот музыки – и природа мягко вступает в свои права, берет то, что по праву принадлежит ей.

Дурацкая война. А дух Одессы будто вернулся куда-то к тридцатым годам прошлого столетия. И в этот флер невозможно не влюбиться.

Часть 2

Что касается людей в Одессе, то можно сказать, что и здесь много чего стало меньше. Например, вместе с дорогими автомобилями поубавились понты. Без паники! Не исчезли, а сильно поубавились. Для тех, кто не в теме, приоткрою страшную тайну: понты в Одессе – такой уникальный экспортный товар, который дороже денег. Так вот, те, что были дешевыми, сейчас пропали, и колорит при этом не только ничуть не пострадал, но и даже очень наоборот.

Еще в Одессе стало меньше разговоров. Меньше, потому что выражение глаз теперь больше, чем слова. К примеру, вот идет парень, гордо размахивая перфоратором. В его глазах легкая усталость и радость оттого, что они с перфоратором только что заработали денег. Сейчас это большая удача. И все ясно без лишних слов. А как вам глаза человека, который в Одессе этим летом неожиданно узнал цену на соль? Это же не глаза, а кошмарный сон офтальмолога!

К слову, за цены. Вы по-прежнему наивно думаете, что самое выгодное вложение денег – в недвижимость, золото или валюту? Ха! Бензин и соль? Уже теплее, но тоже мимо. Неожиданно самой перспективной во время войны оказалась давно обделенная вниманием филателия! За считанные дни цена известной тематической марки про русский корабль вдруг поднялась в десятки тысяч раз. Ее счастливые обладатели уже падали в обмороки, подсчитывая свой доход. Только без казусов не обошлось. Оказалось, что среди таких филателистов достаточно много любителей собак. А у некоторых собак, как оказалось, отношение к филателии исключительно гастрономическое. Кому-то удалось запечатлеть выражение глаз одной из таких собак. О том, что в этот момент было написано в глазах хозяина собаки, остается только догадываться.

Или вот еще – глаза бабушек, число которых сейчас сильно увеличилось. Увеличилось не потому, что они вдруг стали размножаться почкованием или клонированием, а потому, что уехали многие другие. Спасаясь от войны, уехали дети, внуки, кошечки, собачки и даже попугайчики. А бабушки как-то органично остались… В их глазах теперь читается вселенская мудрость Будды. Неожиданно для всех и для самих себя они встрепенулись, собрались духом и начали созидать. Привели в образцовый порядок клумбы перед окнами домов, насажали там множество пестрых цветов и окружили всю эту красоту той заботой, которую сейчас больше не на кого выплеснуть. Некоторым из таких бабушек больше восьмидесяти, а война заставила их повзрослеть еще больше. Теперь их мудрость позволяет общаться друг с другом без слов. И бывает так, что в обычном одесском дворике можно наблюдать картину, достойную кисти самого Клода Моне. Искусно наряженные дамы почтенного возраста в кокетливых соломенных шляпках благочинно сидят на скамеечке в тени раскидистой липы и любуются своими цветущими клумбами. А по их глазам в это время можно прочесть безмолвный диалог:

– Поздравляю тебя, Петровна. Теперь официально можно сказать, что мы с тобой окончательно выжили из ума. После вчерашнего полива я полдня уговаривала таблетками свое давление вернуться из космоса.

– У нас с тобой, Андреевна, таблеток еще на сто таких поливов хватит. Зато когда вся эта война закончится, наши внуки вернутся, а тут – цветы…

А вот еще: на общем фоне ярко выделяется нарядно одетая мама с девушкой. На девочке длинное бальное платье и золотая медаль. По их глазам видно, что девочка большая молодец, а ее родители мечтали, как она будет вальсировать на выпускном. Только из-за трижды дурацкой войны выпускные школьные балы отменили. Чтобы не позволить войне окончательно испортить ребятам праздник, девочке нашли партнера. Их вальс был в… пустой школе. Трогательно прекрасный. Видео этого танца разлетелось по всему земному шару.

Мокрые глаза и дрожащий голос учителей тоже не нуждаются в разъяснениях. Они торжественно записали праздничное обращение, в котором признались, что школа ждет и скучает по своим ученикам. Немного грустно, но именно так символично и находчиво в этом году одесские школьники отпраздновали свой выпускной.

А чего стоят выражение глаз женщин в траурных платках… глаза людей из разрозненных семей… поломанные судьбы и несбывшиеся надежды… Никаких слов не хватит. Все вопросы лишние, и слова скомканы.

Люди стали больше ценить дружбу, любить свои семьи, по-другому относиться к хлебу и радоваться каждому мирному дню.

Одесса никогда не унывала, не раскисала и держала фасон. Вот и сейчас она встрепенулась, расцвела и похорошела назло всем врагам. И если ее спросить: «Ты как, Одесса?» – то она с улыбкой может ответить: «Преимущественно восхитительно. Но бывает и великолепно. Правда, в последнее время тошно аж за гланды и сильно хочется, чтобы все это поскорее закончилось!». А то, что у нее творится в глубине души на самом деле, можно прочитать лишь по выражению ее глаз.

Анна Михалевская

Цветы, которые взойдут

На третий день войны мама воткнула в землю одноразовые вилки.

– Паразит! – сказала она Лёве, расхаживающему по палисаднику. Кот оглянулся: по выражению морды было понятно – ему не стыдно.

Прошла неделя, за ней вторая. Тогда казалось – это слишком долго. Воздух, который успели вдохнуть до первой сирены, заканчивался. «Войне скоро конец», – так завершался каждый разговор. И не успев положить трубку или обняться, прощаясь, понимали – врем.

– Уезжайте, – говорили друзья. – Там нельзя оставаться.

Но мы остались.

Вместо того, чтобы собрать гипотетический чемодан в теоретическую эвакуацию, мама достала бабушкины столовые приборы и воткнула рядом с одноразовыми вилками.

Лева, Маркиза, Матильда и бог знает сколько еще безымянных дворовых котов ничего не имели против. По вечерам в унисон с сиреной они громко пели о любви и сражались за нее на клумбах нашего палисадника.

– Как они могут?! – чуть не плакала мама, оторвавшись от новостей и окинув хозяйским взглядом потери от кошачьих перепалок.

И было непонятно, говорит она о Харькове, Мариуполе или об испорченных луковицах каких-то редких тюльпанов.

Лева гулял по двору, поддевая лапой то камешек, то ветку. Хотелось играть – и не с кем. Хозяева Левы эвакуировались,

оставив общительного кота на попечение двора. Лева ел с Матильдой и Маркизой. Валялся у нас в палисаднике. Дразнил сорок, и те, собравшись стаей, с криками гнали его опять-таки по нашему забору.

– Уходи! – расстроенно сказала Леве мама, вытаскивая из гаража обрезки труб и карнизов, осколки плитки и куски арматуры.

Начали появляться первые ростки, и она старательно оградила их всем этим добром. Палисадник ощетинился железом, как Дерибасовская ежами. В военное время это выглядело по-особенному правильно.

– Смотри! – я позвала мужа. – Первым расцвел крошечный тюльпан необычного бурого цвета.

– Вижу, – отозвался Саша. – Там, между радиаторным крюком и ржавой вилкой.

Мы учились наслаждаться красотой сквозь призму заградительных сооружений.

Просыпаясь ночью под вой тревоги, лежали без сна не шелохнувшись. Каждый думал, что другой спит. И каждый боялся пропустить момент, когда пора хватать гипотетический чемодан и бежать в бомбоубежище, от которого у нас нет ключа. Вместе и порознь мы слышали – коты носятся по палисаднику, наверняка сбивая на бегу все, что успело взойти.

Утром мама хватала кружку с водой – наше биологическое оружие! – и выплескивала ее на Матильду, Маркизу и иже с ними. Кружка была новая, с надписью «Many more happy returns of the day». Мы подарили ее перед войной, желая, конечно, совсем других returns.

Сдаваться не в маминых привычках – пришлось мастерить для забора сетку. Потеплело, работать на улице было приятно. Но время от времени мы вздрагивали и вжимали голову в плечи – в преддверии Дня Победы бомбили как никогда.

– Тревога, – на всякий случай сообщала я маме. Она возилась с пышным кустом хосты.

– Ну и что? – с вызовом сказала мама, не поднимая головы.

Я думала примерно так же.

Ненормальная семья – за три месяца войны мы так и не поняли, что складывать в чемоданы. Прячем свой страх в карманы

и вытрушиваем их в землю, из которой потом вырастает арматура. И упрямо отказываемся спасаться. Потому что хотим спастись только с этой землей…

Май набирал силу. Первый гром не узнали, молнии не поверили: думали, снова бомбят. Уже привыкли к высокоточному оружию. Которое точно поражало только здравый смысл.

Сетку завершили, и она закрыла весь забор – осталась небольшая лазейка между нашим и соседским палисадником. Мама устроилась рядом пересаживать бегонию, а Лева, просовывая лапу в просвет, играл ее косынкой.

– Не понимает, что он мне не нравится, – на сей раз мама улыбнулась.

И Лева сквозь все возведенные преграды тоже улыбался. На свой кошачий манер.

Я подошла к земле и начала потихоньку вынимать арматуру, потонувшую в буйном цветении тюльпанов и колокольчиков, клематиса и хосты, гортензий и розы, ирисов и левкоев. Всех цветов, которые взошли и которые еще только взойдут – посаженных нашими руками.

Елена Андрейчикова

Прошу, поговори со мною о войне

Мне страшно представить, к чему может привести молчание. А ведь оно обязательно приведет. Процесс необратим, и последствия предопределены. Сомнений больше нет, что однажды молчание разорвет нас изнутри, разорвет нам мозг, легкие, печень и сердце, уставшее перекачивать необратимость новостей и количество смертей. Разорвет наш мир, судьба которого висит на хрупком волоске. Судьба которого зависит от каждого разговора, любого формата: от межгосударственных переговоров до тихого последнего признания в бомбоубежище. И от нашего с тобой в том числе. И грянул гром. Да, да, наш с тобой возможный честный разговор мне напоминает бабочку по Брэдбери: стоит тронуть ее – и мир больше не будет прежним, несмотря на кажущуюся на первый взгляд незначительность и бессмысленность затеи.

Поговори со мной.

К тому же мне больше не с кем.

Мне ни с кем нельзя.

Поэтому прошу тебя.

Мне нельзя говорить с сыном так, как мне очень нужно: не контролируя ужас и страх в собственном голосе, не сдерживая отчаявшуюся мимику, не контролируя орущие жесты. Без пессимизма согласных, последней надежды гласных и истерящих восклицательных знаков. Вывернуть себя наизнанку перед десятилетним сыном я не могу. А, как ты понимаешь, хочется.

Мой сын, к сожалению, уже много знает о войне.

Знает, как просыпаться в обычный четверг не под знакомые, пусть и надоевшие трели будильника, а под сигналы воздушной тревоги.

– Мама, в школьной группе пишут, что началась война.

Когда он произносит это слово первый раз, оно вырывается из него легко, без пауз, без хрипа на последнем слоге. Без осознания, но бессознательность длится недолго, всего несколько часов, которые разделяют мальчика со счастливым детством и мальчика войны.

Он слышал, он читал, ему рассказывали, но пока эта далекая выдуманная война для него ничего не означает.

Ты знаешь, и я воспользовалась этим его незнанием. Выезжая из Киева, мы виртуозно играли с ним в игру: мы спецагенты, нам надо быстро собраться и быстро выехать из города. Желательно в объезд главной магистрали, по полям, до Одессы, потому что желающих выехать сотни тысяч, а бензина всего полбака.

Он мне поверил. Ты же знаешь, все дети до определенного возраста верят мамам. А может, и всегда. По крайней мере готовы прислушиваться. Особенно мальчики к мамам.

Мы выехали.

И долго еще ехали до Одессы, потом дальше, дальше, дальше. Пять дней в дороге, разные города, разные люди, разные страны, разные надежды. Сейчас мы в Турции. В Стамбуле тихо и спокойно, но мы все еще вздрагиваем от каждого громкого сигнала автомобиля, от фейерверков и весенней грозы.

Когда мы вернемся домой, никто не знает.

Но я все время думаю о том, что когда мой сын вырастет, он будет рассказывать своему сыну, как пережил войну. Как ему удалось с мамой выехать. Но не всем его друзьям это удалось. Какое количество детей уже никому ничего не расскажет…

Поговори со мною о войне, мне больше не с кем.

Еще моя мама рядом со мной, но я не могу с ней говорить о войне. Я могу с ней только шутить, готовить вместе еду, подолгу нарезать салат оливье аккуратными кубиками, это отвлекает, это успокаивает. Еще я заставляю ее читать художественные книги, а потом мы их обсуждаем. О чем угодно, но только

не о войне. Ей нельзя, у нее давление, тахикардия и страх за всех детей и за всех внуков.

Когда я звоню мужу, мы не говорим с ним о войне. Мы говорим о том, как скучаем друг по другу, как подрос наш сын, что мы будем делать после нашей победы и как карикатурно выглядит Медведчук. А еще говорим о нашей мечте, что однажды мы купим себе парусную лодку и пойдем в кругосветное путешествие. Мы высылаем друг другу фото лодочек и яхт. Я не могу с ним говорить о войне. Он там, а я здесь. О чем угодно, но не о войне.

А еще я не могу говорить о войне с подругой, которая чудом вырвалась из Бучи, просидев в подвале без еды и воды. Она уже в Австрии. Ее сын начал заикаться, но даже об этом мы с ней не говорим. Мы говорим о том, как однажды будем танцевать до утра. И шлем друг другу вдохновляющую музыку, и, конечно, все варианты «Ой, у лузі червона калина нахилилася…» от Андрея Хлывнюка, и Pink Floyd.

А еще я никогда уже не поговорю с ее соседями по дому, они никогда и никому ничего уже не скажут.

Я не хочу тебя напугать.

Просто поговори со мной.

А как ты живешь? Чем живешь? Спишь ли спокойно по ночам, или смотришь кошмары о ядерном взрыве? Съедают ли тебя тревоги за своего мальчика, у тебя же тоже мальчик, мы похожи, мы можем друг друга понять, ведь правда? Кормишь ли ты свои тревоги, или они кормят тебя?

Ты помнишь, как ты впервые узнала, что будешь мамой? Как его носила, как рожала, как кормила? Ты помнишь его первый крик и первый шаг? Каким было его детство? Ты была счастливой мамой?

Расскажи, каким ты видишь его будущее. Если видишь. Как бы ты хотела, чтобы он жил после войны. И жил ли вообще? Тебе бы хотелось, чтобы он жил? Расскажи.

Скажи мне правду. Я знаю, что эта грязная девка-война постучалась и в твой дом. И к твоему мальчику она протягивает руки, мечтает о его объятиях, мечтает сплестись и с ним в последнем танце, отнять его у мира, у тебя, у будущего, у жизни. Возможно, она поет свою страшную песню издалека, но ты уже слышишь

ее голос, а может быть, уже чувствуешь рядом ее холодное смертельное дыхание? Что ты делаешь для того, чтобы девка-война ушла прочь от твоего дома? Прошу тебя, не молчи, не отводи взгляд, не делай вид, что меня нет, что тебя нет, что твоего сына нет и надежды нет.

Мне не с кем поговорить о войне, поэтому я прошу тебя. Давай наконец тронем эту хрупкую еле видимую бабочку. Поговори со мною о войне, мама российского мальчика, мама русского солдата.

Виктория Коритнянская

Ангелы на войне

Три способа борьбы с ракетами…

После очередной тревоги в Одессе

Сегодня утром я долго смотрела на небо. Оно было безоблачным, очень высоким и небесно-голубым… Причем оставалось таким же и во время воздушной тревоги, и после нее… Ничто не выдало в нем перемену, и скрывавшее смертельную угрозу, и безоблачно-мирное, оно по-прежнему оставалось таким же безучастно-прекрасным. И все так же летали под его сводами птицы, и где-то там, уже над небесами, жил с ангелами Бог. Который, безусловно, слышал, а может быть, даже и видел пролетавшие внизу российские ракеты, но почему-то не словил их гигантским сачком. Ведь не может же быть, чтобы у Господа на небе не было сачка для ловли бабочек! Или огромного подсака. Даже у моего дедушки был такой! Или, может, и сачок, и подсак по поручению Темнейшего украли у Бога черти? Ну хорошо, положим, даже если украли… Но можно ведь тогда бить по ракетам ракеткой! Играют же во время пикников на небесах ангелы в теннис или бадминтон? Играют! Вот пусть бы и отбивали дружно ракеты туда, вниз, в преисподнюю… И ангелам весело, и чертям хорошо – ярче в аду полыхать будет! А если и ракеток нет? Ну допустим… Так есть же магнит! И мог бы Господь включать его где-то там, в вышине над Северным полюсом, и тот бы притягивал российские ракеты, и не было бы в Украине от них горя…

29.06.2022 г.

Заветное желание

Это было недавно: вчера, а может, позавчера. Один еще очень юный ангел захотел остановить войну на земле. Он был умен и находчив и перепробовал все чудеса, которые знал, но война продолжалась… Тогда на высоком облаке он выложил из камешков пять букв и сел рядом в надежде, что созерцание страшного слова поможет ему исполнить заветное желание.

Дни сменяли ночи, ночи дни, а юный ангел все сидел и думал, думал… А потом вдруг сотворил чудо – стер у страшного слова первую букву. Не будет слова – не будет войны, был уверен он, но война на земле не закончилась… Ангел стер еще одну букву, но и это не помогло… Тогда в слезах он пришел к учителю…

– Ты можешь называть войну как угодно, – выслушав ученика, ответил тот. – Можешь называть ее «мама», «мир» и даже «Бог», но она все равно будет продолжаться до тех пор, пока души нападающих будут полны невежества, зависти и злобы.

– Но что же делать?! – вскричал юный ангел.

– Сеять в них любовь…

– Так почему же вы не сеете?

– Мы сеем… Но только… где взять столько ангелов на небе?..

Сережа

А знаете ли вы, что ангела невозможно убить, а вот ранить – легко. Когда в Украине началась война, на небо стали прибывать раненные и обожженные ангелы. Их было так много, что Бог вынужден был открыть лазарет для их лечения, он же возглавлял и комиссию по пригодности ангелов к службе после выздоровления.

– Маши крылом! Маши! – требовал Господь от стоявшего рядом ангела с обгоревшим и перемазанным зеленкой крылом. Крыло выглядело ужасно, но сквозь зеленую корку пробивались уже ровными рядами новые белоснежные перья.

– Больно… – хныкал ангел.

– А так? – наложил Всевышний на больное крыло руки.

– Все равно больно…

– В санаторий! Еще на неделю! – скомандовал Бог, пометив что-то в журнале. – Следующий!

В комнату зашел ангел. Худой и нескладный, на крыльях еще не слинял сероватый пушок…

– Какой молоденький… – умилился Господь. – Тоже раненный? Что-то не видел…

– Нет, здоров! Доброволец! – вытянулся в струнку ангел.

– Чего хочешь?

– Желаю на фронт!

– Зачем?

– Помочь Украине!

– Что умеешь?

– Ничего… – потупил глаза ангел.

За столом захихикали.

– Ваше Светлейшество, куда ему? Пусть сначала школу окончит, – проговорил один из ангелов – членов комиссии.

– Тихо там, разберемся! – прикрикнул на ангелов Бог. – А знаешь что? Как зовут тебя, кстати?

– Сережа.

– А знаешь что, Сережа… Полетишь-ка ты к ангелу мышиных наук, выучишь там мышиный язык, а затем отправишься на землю и научишь мышей портить русским снаряжение и еду…

– И форму?

– А как же, особенно сподне!– улыбнулся Бог.

И ангел Сережа улетел. А где-то через месяц… Во всех новостных лентах стали появляться странные сюжеты… Что атакуют русских в Украине полчища мышей и портят им все подряд: и провода грызут в БТРах, и продукты съедают да в рюкзаки гадят, а пуще всего форму повреждают, особенно сподне…

15 июня 2022 г.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

30 **Андрей Добролюбский**
Археология подземной Одессы

44 **Галина Семыкина**
«…познакомился с очень милым человеком, М.А. Дохтуровым»
М.А. Дохтуров
Отрывки из поэмы М. Д.

60 **Александр Бирштейн**
Канава

66 **Олег Губарь**
Пара чая для одессита

Андрей Добролюбский

Археология подземной Одессы

Подземные сооружения, именуемые в обиходе катакомбами, являются органичной частью культурного слоя Одессы. Этой части присущи черты определенной исключительности – ее несомненным археологическим преимуществом и достоинством является высокая источниковедческая достоверность. Известно, что эти сооружения возникли, прежде всего, как каменоломни для строительства Одессы и образовали, по сути, подземный город, живущий самостоятельной жизнью. Эта жизнь никогда не прекращалась, но всегда активизировалась в экстремальных исторических ситуациях (войны, эпидемии, социальные потрясения и т. п.) и оставляла в каждом случае соответствующие эпиграфические следы и археологические остатки. К тому же некая вуаль таинственности следов этой жизни делала и делает их поиск особенно притягательным. С одесскими катакомбами связано множество туманных, драматичных и душещипательных историй и легенд, касающихся Второй мировой войны и партизанского движения, и более отдаленных от нас во времени – Первой мировой и Гражданской войн, и всего дореволюционного прошлого Одессы – криминальных разборок, бытовых, социальных конфликтов и коллизий.

Наряду с этим мусорные остатки, образующие культурный слой Одессы на поверхности, во многих случаях прозаически и незатейливо сбрасываются в полые подземные емкости. Их никто никогда толком не изучал. Так катакомбы оказались вместилищем и накопителем любых отходов жизнедеятельности огромного города с самого начала его существования. И таким образом превратились в их «вечное» хранилище. Потому что, если «на-

земные» строительные остатки постоянно подвергаются бесчисленным разрушениям и перемещениям, то под землей их уже никто (пока?) более не тревожит. И весь этот мусор, периодически сбрасываемый в катакомбы на протяжении всей истории города, образует хорошо датируемые стратифицированные прослойки, которые будто бы специально созданы для исследования археологическими приемами и методиками.

Хорошую возможность такого изучения может дать мусорное заполнение одной из ранних катакомб в центре города – «Музей-катакомба Кантакузина». Его младшая дата прямо начертана на стене: «1812 г.», что может быть эпиграфическим следом известной чумной эпидемии. Это же означает, что катакомба никак не могла быть заполнена мусором ранее этого времени. Одновременно мы получаем и старшую дату сброшенных сюда строительных и бытовых отходов. Сами отходы становятся, таким образом, как бы и фондами, и архивом естественно образованного «музея мусора» и подлежат изучению специальными мусороведческими, или гарбалогическими (garbage – мусор), приемами [1, с. 13-15, 155-157].

Ныне гарбалогия стала весьма популярной и продуктивной областью современной археологии и владеет довольно изощренными методиками – выяснилось, что состав мусорных прослоек чутко и порой в нюансах реагирует на социальные коллизии и даже политические события. В нашем научном случае этот мусор образует необъятное хранилище одесской материальной культуры конца XVIII – XX вв., где накопилось редкостное обилие и разнообразие строительных остатков с сопутствующим бытовым инвентарем. Это лишний раз свидетельствует как о необычайном былом богатстве и роскоши городской жизни, так и о стремительном развитии Одессы до начала XX в.

Кажется бесспорным, что подземные мусорные отложения являются как бы зеркальным отражением наземных. Значит, для археологического исследования катакомб необходимо опереться на адекватную научную модель стратифицированного изучения наземного культурного слоя Одессы.

Самой удачной такой моделью нам представляются археологические раскопки близ оперного театра в 1995 г. Мощный слой

строительного и бытового мусора, образованный здесь всего за два столетия, достигает 8 м. Старшая дата этого слоя, данная нам екатерининским пятаком 1784 г., соответствует времени, предшествующему закладке города. Последующие напластования мусора и остатков строительных конструкций датируются не менее отчетливо и в деталях позволяют воссоздать этапы исторического развития этого участка: первый дом Одессы (дом князя Г.С. Волконского), гостиница Рено и ресторан Отона, дворец графа Ланжерона, дом компа-

Начало раскопок у оперного театра. Сентябрь 1995 г.

нии Беллино-Фендерих и банка «Лионский кредит» 1920-30 гг., гибель этого дома при авианалете летом 1941 г., площадки сквера 1950-60 гг. и даже небольшой заводик для подкачки жидкого стекла под фундаменты оперного театра во время его реставрации в 1967 г. Так удалось здесь выявить несколько строительных периодов, с каждым из которых эта территория кардинально меняла свой архитектурный облик.

Изучение состава строительного и бытового мусора у оперного театра археологическими

методами позволило также сделать ряд важных открытий, недостижимых иными путями. Это, прежде всего, «обряд основания Одессы» – остатки ритуального возлияния Иосифа де Рибаса с Францем де Воланом и князем Г.С. Волконским, совершенного на фундаментах первого дома Одессы. Эта находка не только оказалась весьма значимой для одесского краеведения, но и, пожалуй, уникальной в мировой археологической практике [2, с. 17].

Типологическое изучение переотложенных фрагментов античной посуды, найденных в слоях 1790-1830 гг., позволило установить наличие на этом участке некрополя V-IV вв. до н. э., что привело к поискам, обнаружению и последующим раскопкам крупного античного города на Приморском бульваре [1, с. 16-28].

В сущности, археологическая методика, выражающаяся в типологическом изучении состава датируемого строительного и бытового мусора, вполне применима к подобным исследованиям и в подземных сооружениях. Так, типологическое изучение печных изразцов конца XVIII – первой

четверти XIX вв. (Д.В. Хамула) в кантакузинской катакомбе позволило уверенно судить о том, что они были изготовлены на Калужских гончарных заводах. Это ясно указывает на переориентацию рыночных связей Одессы от средиземноморского направления на глубинный внутрироссийский рынок – вывод, который ранее было невозможно сделать по иным материалам [3, с. 63-66].

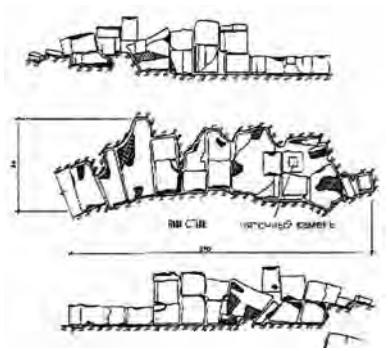
Хочется надеяться, что это лишь первая ласточка. Потому что методика подобного гарбалогического изучения строительно-бытового мусора достаточно близка к методике раскопок потревоженных пластов многослойных поселений – выделение культурно-типологических серий разных изделий в составе строительно-бытовых заполнений, их датировка и хронологическое сопоставление. Это позволяет уверенно делать обоснованные историко-культурные заключения [3, с. 5-8].

Другим ярким примером сочетания приемов наземной и подземной археологии может послужить изучение руин Хаджибея и подземного хода Воронцовского дворца. Здесь в 1997-98 гг. в слое античного времени были случайно выявлены остатки каменной кладки длиной около 5 м. В плане они выглядели как сегмент окружности диаметром около 7 м. Кладка представляла собой юго-восточную часть этой окружности. У северной оконечности кладки открыта часть порога, сооруженного над опорным для вставления двери так называемым пяточным камнем, в центре которого имелось квадратное углубление. Порог указывал на место входа в округлое помещение.

К северо-западу от входа удалось выявить остатки каменной забутовки под фундамент прямой стены, а также примыкавший

Остатки Хаджибейского бастиона с пяточным камнем. 1998 г.

Остатки Хаджибейского бастиона. Вид сбоку. 1998 г.



Археологические остатки Хаджибейского бастиона. Архитектурные обмеры

к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. В заполнении кладки найдены обломки турецкой посуды и глиняные трубки, датирующиеся 1770-1790-ми гг. Такая дата указывает, что обнаружены остатки бастиона и части стены Хаджибейского замка (построен в 1765 г. и взят штурмом отрядом Иосифа де Рибаса в сентябре 1789 г.). При зачистке поверхности входа в бастион, где прятался в момент штурма двухбунчужный Ахмет-паша со своим гаремом, найдена фрагментированная железная пряжка с крючком от поясного солдатского (офицерского?) ремня. Эта находка может свидетельствовать, что в момент захвата гарема участники штурма были возбуждены не только сражением [1].

До самого недавнего времени не были известны документы о точном размещении Хаджибейского замка. Поэтому историки Одессы XIX в. связывали его с местностью поразному. Им были известны лишь чертеж Château de Codjabey, составленный в 1784 г. Лафиттом-Клаве, а также план и рисунок Фрейгана 1789 г. Эти планы были выполнены без

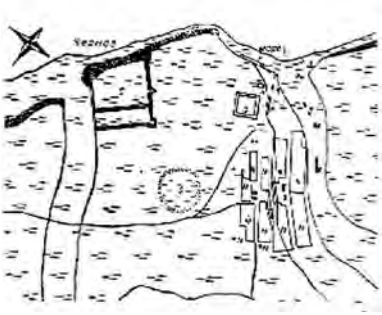
топографической увязки. От самого замка ко времени основания Одессы в 1794 г. ничего не оставалось – ранее, в ноябре 1789 г., его развалины по приказу Г. Потемкина были разобраны для строительства на этом же месте «Малой крепости». Поэтому А. Скальковский по «рассказам очевидцев» в 1837 г. разместил Гаджибейский замок примерно в районе Воронцовского дворца, в «ста саженях» от обрыва Военного спуска. К. Смольянинов также размещает замок «на том самом месте, где теперь дома гг. Строганова и Маразли» (дома № 1, 2 на Приморском бульваре), а Н. Мурзакевич ссылается на «древнее предание», согласно которому «замок стоял там, где теперь дом Одесских присутственных мест» (дом № 7).

План замка Ходжа-бей. Снят Лафиттом-Клаве

Рисунок замка Ходжа-бей

28 июня 1889 г. Городская дума решила «на месте, где происходило решительное сражение при взятии крепости (конец Николаевского бульвара, около дома графа Строганова), поставить памятник в ознаменование столетия взятия Хаджибея». Впрочем, А. Маркевич куда более расширял территориальную вероятность расположения замка – между Приморским бульваром, Екатерининской площадью и Воронцовским переулком.

Лишь в 1968 г. С. Боровой издал найденный им «План… турецкого города Гаджибея», который был составлен поручиком И. Исленьевым в 1766 г. Это – единственный подлинный план



«План специальной новостроемой на берегу Черного моря турецкого города Гаджибея... Сочинил Черного гусарского полка поручик Иван Исленьев». 1766 г.

размещения крепости, не искаженный последующими «преданиями». На нем местонахождение замка сомнений не вызывает – «он находился на левой половине Приморского бульвара между обрывом, Воронцовским переулком и дворцом Воронцова».

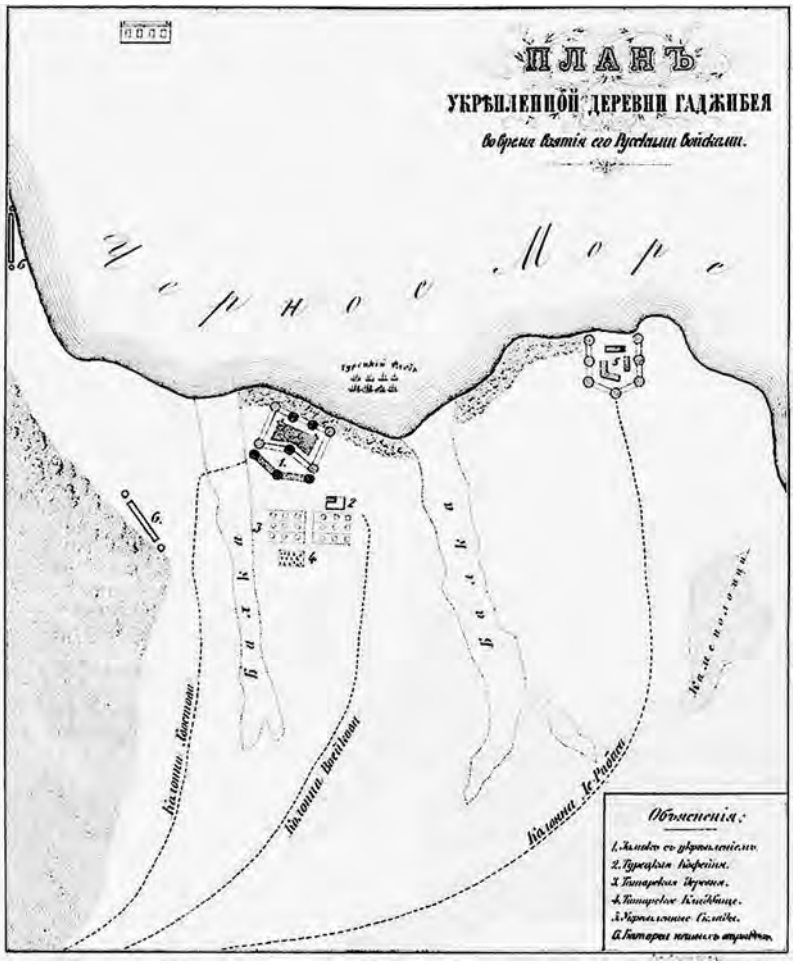
Именно там и были найдены остатки хаджибейских кладок. Они увязываются с планами Лафитта-Клаве и Фрейгана. Открытая часть кладки представляет собой юго-западный сегмент фундамента правого бастиона. Пяточный камень маркирует вход в башню со стороны двора. Совпадают с планами археологически реконструируемый диаметр фундамента бастиона, а также часть фронтальной стены и рва. Это показывает, что упомянутые планы были составлены точно. В вертикальном разрезе раскопа сохранились и следы рва от фундамента примыкавшей к бастиону боковой крепостной стены. Археологически очевидно, что камни из этого рва были полностью выбраны – видимо, после распоряжения Потемкина о разрушении крепости. Таким образом, скромные размеры замка – 23 на 34 метра, равно как и материал, из которого он был построен – известняк «из степи с речек и балок околочных», – подтверждаются.

Вид Гаджибейского замка. Рисунок с натуры

Если это так, то подтверждается и достоверность известного рисунка, на котором крепость Хаджибей изображена прямо на краю обрыва и непосредственно примыкает к Военной балке. Ранее предполагалось, что он исполнен задним числом с использованием планов Лафитта-Клаве и Фрейгана, а потому приближен художником к обрыву Военного спуска произвольно. Наша находка позволяет утверждать, что рисунок верен, исполнялся, видимо, с натуры. Да и само фортификационное расположение небольшой «крепостцы» представляется вполне целесообразным.

Единственным основанием для перемещения «крепостцы» на «сто сажень» от Военного спуска (как это делается вслед за А. Скальковским) остается выдержка из рапорта Потемкина: «…на левой стороне полковник Хвостов, под картечными выстрелами… перейдя овраг, когда уже приблизился на сто сажень от стены замка… поспешил, не ожидая правого фланга, поставить первую лестницу». Однако не указывается, где именно был перейден Военный овраг. Между тем Хвостов характеризуется де Рибасом как «храбрый и расторопный офицер». И ему как человеку, обладавшему такими качествами, было ясно, что если вести наступление со стороны степи, то «крепостца» сама защищала нападавших от огня своего же турецкого же флота. Поэтому переходить овраг следовало подальше от моря и от турецкого флота, дабы избежать его шквального огня. Артиллерия «крепостцы» со стороны степи представляла куда меньшую опасность. Видимо, упомянутые «сто сажень» полковник Хвостов со товарищи пробежали со стороны нынешнего Сабанеева моста.

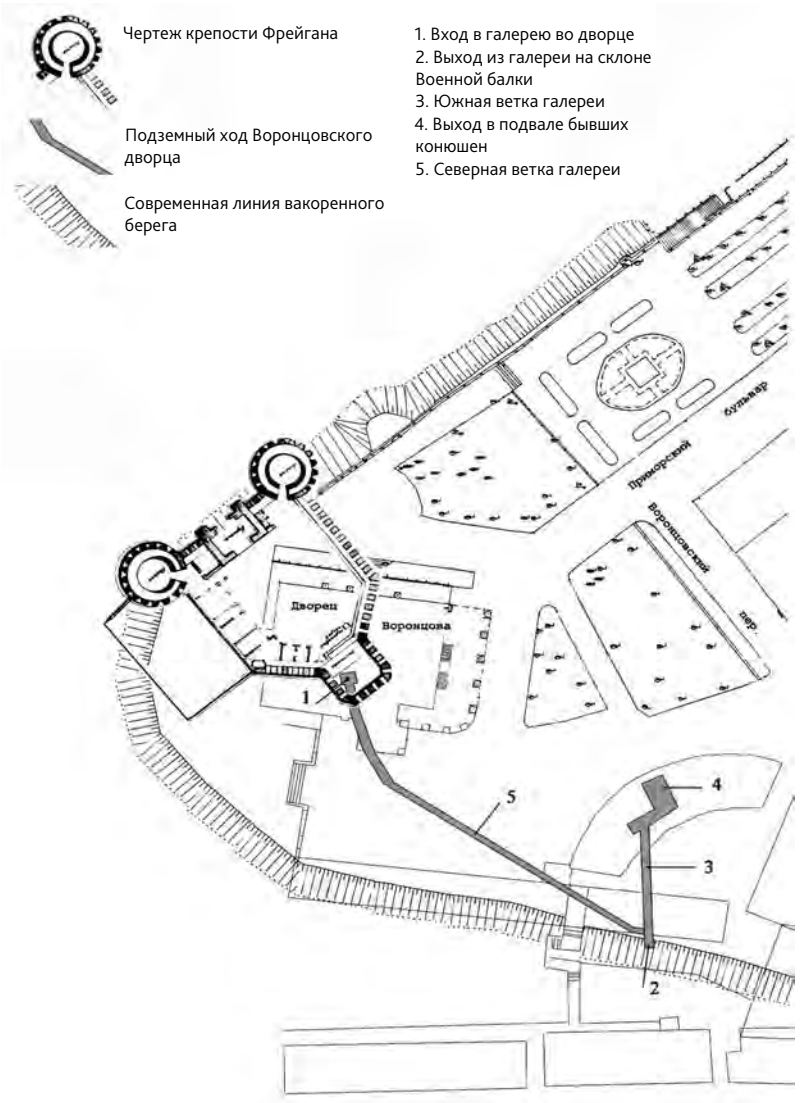
Таким образом, расчищенные остатки Хаджибейской «крепостцы» соответствуют ее расположению на плане И. Исленьева, который указал, по мнению С. Борового, лишь место ее строительства (перестройки?). Это же соответствует упомянутому рисунку, а также планам Лафитта-Клаве и Фрейгана. Такое размещение замка подтверждается его описанием и соответствующей картой военным историком В.М. Черемисиновым: «…приморский фронт состоял из крепостных ворот с оборонительной галереей и двумя башнями высотой в 4 саж. Небольшой, но очень крепкий бастион – сильнейшая часть замка – довольно грозно выдвигался по направлению к степям, обороняя подступы со стороны



План укрепленной деревни Гаджибея

суши» [4]. Совокупность всех этих сведений позволяет с высокой точностью и в масштабе соотнести эти остатки с Воронцовским дворцом [1, с. 168 – вкладка].

Параллельно с археологическим работами был изучен и подземный ход, который располагался под Воронцовским дворцом.



Единая геодезическая карта Одессы, участок Приморского бульвара.
Архив Главного архитектурно-планировочного управления г. Одессы, инвентарный № 1090

Оказалось, что сооружение этого хода никак не отмечено в сметах по постройке дворца. Напротив, выяснилось, что ход был сооружен во второй половине XVIII в. Вход в него в аккурат приходится на ту часть Хаджибейского замка, которая на плане Фрейгана отмечена как бастион на заднем дворе. А выход – на склон Военной балки. Можно видеть, что этот ход должен был вести из крепостного бастиона в глубокий тыл замка, как можно дальше в степь. Сам факт обнаружения такого хода лишний раз удостоверяет точность локализации и привязки к местности Хаджибейской «крепостцы» – вряд ли кто-нибудь стал бы сооружать его в пустой степи.

Руины Хаджибея с момента своего обнаружения сразу же оказались в немилости у научных оппонентов – сначала они их украли и уничтожили [5]. Затем стал отрицаться сам факт их былого существования [6]. В последние годы «крепостцу» размещают либо в районе Екатерининской площади, либо у Городской думы [7], либо ищут ее напротив домов № 4-5 по Приморскому бульвару [8]. Думается, что сам факт существования скромного подземного хода из степного бастиона Хаджибея в Военную балку является весомым аргументом в пользу размещения замка именно на месте Воронцовского дворца [9, с. 5-11].

Сказанное означает, что сочетание методик и приемов в наземной и подземной археологии существенно расширяет возможности историко-археологических поисков в предыстории и истории Одессы. Несомненно и то, что строительно-бытовые отложения в катакомбах как достоверные остатки бесконечного разнообразия былой жизни обладают и особым обаянием источниковедческой подлинности. Изучая их, мы в деталях постигаем, воссоздаем и сохраняем то, что, в сущности, и принято именовать культурным наследием.

Литература

1. Добролюбский А.О. Археология Одессы. – Одесса: Optimum, 2012, с. 137-150.

2. Губарь О.И., Добролюбский А.О. Ритуал основания Одессы // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае. Тезисы докладов научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию Одесского историко-краеведческого музея 17 мая 1996 года. – Одесса, ОИКМ, 1996, с. 17.

3. Добролюбский А.О. Одесские катакомбы как уникальный историко-археологический источник // Подземные сооружения Одессы и Одесской области. Сборник материалов 1-й Научно-практической конференции. – Одесса, 2017, с. 5-8; Хамула Д.В. Комплекс расписной печной керамики из катакомбы Канта-кузена как информативный источник связей ранней Одессы и художественные особенности. – Там же, с. 63-66.

4. Черемисинов В.М. Одесса в истории русских войн. – Одесса, 1904, с. 19-20.

5. Губарь О. Украли… крепость // Вестник региона. № 23. – Одесса, 1997; Добролюбский А. Причудливая судьба остатков Хаджибея // Слово. № 43 (258). – Одесса, 1997.

6. Добролюбский А. Одессея одного археолога. – СПб.: Нестор-История, 2009, с. 373-382.

7. Сапожников И.В. А.-Ж. де Лафитт-Клаве и история Коджа-бея – Одессы // Scriptorium nostrum (електроний історичний журнал) № 9 (3), 2017, с. 139-159.

8. Иванова С.В., Красножон А.В. Археологические поиски Хаджибейского замка // Стародавнє Причорномор'я. Вип. XIII. – Одеса: ОНУ, 2021, с. 164-173.

9. Добролюбский А.О. Руины Хаджибея и подземный ход Воронцовского дворца в археологическом контексте // Подземные сооружения Одессы и Одесской области. Сборник материалов II Научно-практической конференции. – Одесса, 2019, с. 5-11.

Галина Семыкина

«...познакомился с очень милым человеком, М.А. Дохтуровым»

В июне 1840 года в далекой Аршинской крепости Забайкалья, где после восстания декабристов томился в ссылке друг Пушкина поэт Вильгельм Карлович Кюхельбекер, произошла необычная встреча. О ней сохранилась запись в дневнике опального поэта от 22 июня 1840 г.:

«…познакомился с очень милым человеком, М.А. Дохтуровым. Это тот самый маленький русский доктор, the little Russian doctor, о котором говорит Байрон; знакомец милорда-стихотворца, Трелавнея, и теперь мой; он перебывал в университетах Дерптском, Берлинском, Гейдельбергском, в плену в Истамбуле, лекарем в Одессе, в Петербурге, наконец, в Нерчинских заводах, – сын он графини Толстой, племянник известного генерала, был когда-то адъютантом Закревского, знает по-немецки, итальянски, французски, восточные языки, латинский, новогреческий, пишет стихи, рисует, стреляет метко из пистолета, фигурка маленькая, черномазенькая; сыплет анекдотами, либеральничает немножечко и философствует, умен, любезен, вспыльчив, благороден, скуп – словом, европеец. Лицом он немножечко похож на покойного А.А. Шишкова.

Вот стихи, которые написал я ему на память:

Так, знаю: в радужные дни
Утех и радостей, в круженье света
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть в непогоду друга помяни!
Молюсь, чтобы страданья и печали
Летели и тебя в полете миновали;
Но не был никому дарован век
Всегда безоблачный и ясный;
Холоп судьбы суровой человек:

Когда нависнет мрак ненастный
И над твоею головой,
Пусть об руку с Надеждою и Верой,
Как просвет среди мглы взволнованной и серой,
Тебе предстанет образ мой».*

Дохтуров также отвечал Кюхельбекеру в стихотворной форме. Вильгельм Карлович напишет в дневнике (запись от 26 июня 1840 г.):

«Вот стихи, которые Дохтуров написал мне на память:

Уж я опять, опять на тризне
На безотрадной, роковой
По призраках минувшей жизни,
По грезах жизни молодой.

За этою строфою следует несколько, которые просто ни на что не похожи; а потом две – одна истинно прекрасная, другая, если она внушена только искренностью, должна меня очень и очень утешать:

Минута жизни, но удалой,
Отрадней многих тяжких лет;
И лучше гибнуть, но со славой,
Чем прозябать без бурь и бед.

О не жалей же о свободе,
Ни о былом, знакомец мой,
Ты вечен в памяти народа,
А я все в гроб возьму с собой».**

После прочтения отрывков из «Дневника» В.К. Кюхельбекера сразу же возникают вопросы: кто такой «маленький русский доктор»,

* Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1979 (АН СССР. Литературные памятники), с. 383.
** Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи… – с. 383-384.

служивший некогда «лекарем в Одессе»? Когда произошла встреча с Байроном, и что говорил о нем поэт?

Сведения о Дохтурове были крайне скупыми. Этим именем в свое время живо интересовались известные литературоведы: Ю.Н. Тынянов – при работе над публикацией «Дневников» В.К. Кюхельбекера, М.К. Азадовский, М.П. Алексеев. Прежде всего интересовали связи Дохтурова с декабристами и его знакомство с Байроном. Но тайна оставалась тайной.*

Более всего материалов о таинственном докторе удалось найти историку и краеведу, летописцу Забайкалья Е.Д. Петряеву – первому биографу М.А. Дохтурова. Петряев обнаружил в архивах Забайкалья, Москвы и Ленинграда некоторые документы и служебные письма Дохтурова, а также альбом забайкальского штабс-лекаря А.И. Орлова, друга декабристов, где рядом с записями Н. Бестужева, П. Борисова, Д. Завалишина и др. сделал запись и Дохтуров – «на еврейском, турецком, немецком, французском и русском языках».**

Имя Дохтурова попалось мне при работе над публикацией очередной тетради «Ареопага» – рукописного журнала студентов Ришельевского лицея (Одесса, 1829 г., ч. IV, № 1-3). Правда, написание его фамилии было несколько иным: «М. Дохторов».

В журнале «Ареопаг» за 1829 год были опубликованы четыре отрывка из его «восточной» поэмы («Отрывки из пролога к поэме М. Д.», «Отрывки из второй песни поэмы М. Д.», «Байрам» (из третьей песни поэмы М. Д.), «Гарем» (из третьей песни поэмы М. Д.), «Отрывок из четвертой песни»). Здесь же были помещены отрывки из трагедии Дохтурова «Отступник, или Янычарский бунт» («Встреча Сераскера с агою янычар Арсланом Оглу»; «Монолог Арслана Оглу»), а также стихотворение «Смерть Марко Боццари», посвященное одному из храбрейших предводителей греков в борьбе за независимость.

---

* См.: Дневник В.К. Кюхельбекера. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10-40 годов XIX века / Предисл. Ю.Н. Тынянова, ред., введ. и примеч. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого. – [Л.]: Прибой, 1929, с. 256-258; Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 96. – М., 1982, с. 449-450, 467-468.

** См.: Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. – Чита, 1954; Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья: Биобиблиографический указатель. – Чита, 1981.

АРЕОПАГЪ

Часть IV.

Одесса

1829.

АРЕОПАГЪ

1829. N. II. Февраль.

Стихотворенія.

Отрывокъ изъ Пролога

къ Поэмѣ М. Д.

Въ Стамбулѣ гордость Атамановъ
Сластолюбива и пышна,
Въ немъ снитъ могущество Султановъ
И дремлетъ въ роскошахъ луна.

Потомство дикихъ шеполоновъ,
Для коихъ брань – вѣчный пиръ,

В других, более ранних выпусках лицейского журнала «Ареопаг» (1828 г., № 7-8), хранящихся в Одесской национальной библиотеке, также были помещены несколько стихотворений Дохтурова, а главное – восторженный отзыв одесских лицеистов о трагедии «Отступник, или Янычарский бунт» с требованием ее немедленной постановки на одесской сцене («Читавшие его трагедию в рукописи громкими кликами вызывали ее на сцену»).***

В краткой биографической справке о Дохтурове со ссылкой на исследования Е.Д. Петряева было сказано следующее:

«Дохтуров Михаил Афанасьевич (1800 – ок. 1849), штаб-лекарь, медикохирург. Племянник героя Отечественной войны 1812 г. Д.С. Дохтурова. Окончил 1-й кадетский корпус, обучался медицине в Дерптском университете, восточной словесности – в Петербургском университете. В 1836 сдал экзамен в Медико-хирургической академии и признан

*** В 1828 г. в журнале «Ареопаг» были опубликованы следующие произведения М.А. Дохтурова: «Смерть Марко Боцари» (1 вариант. – **Г. С.**) // Ареопаг, 1828, № 7, сентябрь, с. 53; «Отрывки из послания к …» // Ареопаг, 1828, № 8, октябрь, с. 141. В № 8 – редакторское замечание о переносе публикации трагедии «Отступник, или Янычарский бунт» на более поздний срок // Ареопаг., 1828, № 8, октябрь, с. 171. – Одесская национальная библиотека, отдел редких изданий и рукописей, РКП 17/14, ед. хр. № 451.

лекарем. Служил в Грузии, Керчи, Одессе. В 1838 назначен в Нерчинские заводы. Служил врачом Кутомарского госпиталя, впервые в Забайкалье выполнял глазные операции, занимался исследованием Кутомарского источника и лекарственных растений. Одним из первых обратил внимание на зоб, уровскую болезнь и малярию в Забайкалье. Достиг успехов в обучении лекарских учеников. В Акше встречался с декабристом В.К. Кюхельбекером. В 1840 покинул Забайкалье, служил в Кизляре (Дагестан)».*

Безусловно, более всего меня интересовал одесский период жизни М.А. Дохтурова. Кое-что удалось выяснить.

В Одессе Михаил Афанасьевич занимался врачебной практикой, жил в доме Почтовой конторы, затем «в доме г. Рипе» (Люсьен Рипе – французский литератор, автор первого перевода на французский язык поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», в начале 1830-х годов – издатель газеты «Journal d'Odessa»). Имя Дохтурова и его одесские адреса упоминаются в «Новороссийском календаре» на 1836, 1837, 1838 годы в разделе «Список врачей, находящихся в Одессе».**

В 1837 году М.А. Дохтуров, ординатор Одесской городской больницы, был представлен М.С. Воронцовым к награде как «усердный и полезный чиновник»***, но уже в мае 1838 года он («по прошению», как пишет Е.Д. Петряев) получает назначение в Забайкалье, в Нерчинский завод.

Публикации поэтических произведений М.А. Дохтурова в периодике пушкинских времен неизвестны. Тем ценнее дошедшие до нас отрывки из его сочинений, помещенные в одесском «Ареопаге» за 1828 и 1829 годы. Как выяснилось, это были не единственные публикации поэта в Одессе. В «Одесском вестнике» в 1834 году в трех номерах был напечатан очерк-воспоминание М. Дохтурова о пребывании в Турции: «Отрывок из путешествия по Греции, Турции и Египту Михаила Дохтурова». В редакторской заметке к очерку сообщалось:

«Г. Дохтуров, проживши несколько лет в Турции и обладая знанием турецкого и арабского языков, описывает в «Путешествии» своем

* См.: http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=1592 © Энциклопедия Забайкалья.

** Новороссийский календарь на 1836 год. – Одесса: В Городской типографии, 1835, с. 119; Новороссийский календарь, издаваемый П. Морозовым. 1837 год. Часть 1. – Одесса: В Городской типографии, 1836, с. 135; Новороссийский календарь, издаваемый П. Яхневичем. 1838 год. – Одесса: В Городской типографии, 1837, с. 111.

*** Архив князя Воронцова. Кн. 39. – М., 1839, с. 150.

Среда, 4-го Іюля. № 53.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОДЕССА, 3-го Іюля.

— Одесскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ, по окончаніи въ Іюнѣ мѣсяцѣ двухгодичнаго учебнаго курса и публичныхъ испытаній, происходившихъ съ 14-го по 28-е Іюня, праздновалъ особеннымъ торжествомъ день 1-го Іюля, по случаю втораго выпуска воспитанницъ, окончившихъ въ Институтѣ полный курсъ ученія, со времени преобразованія сего Заведенія по Высочайше утвержденному Уставу оваго 28-го Іюня 1829 года. Совѣтомъ Института избранъ для торжества сего день Рожденія Августѣйшей Покровительницы сего Заведенія, съ тою цѣлію чтобы воспитанницамъ переходившимъ изъ подъ мирнаго крова, осѣняемаго благотворною десницею чадолюбивой

... при напутствіи ... отъ воспитанницъ ... получили послѣднее благословеніе предъ выходомъ изъ дома, замѣнявшаго имъ домъ родительскій. Торжественное собраніе для выпуска воспитанницъ и раздачи наградъ отличнѣйшимъ изъ нихъ происходило въ 4 часа по полудни, въ присутствіи родителей дѣвицъ, воспитывающихся въ Институтѣ и многочисленнаго стеченія посѣтителей. Собраніе открыто было музыкальными пьесами, которыя были разыграны на фортепьяно, съ аккомпанированіемъ оркестра, Д-цами *Терезіею Ланго*, *Елисаветою Эйтфельдъ* и *Ольгою Жиковичъ*, и двумя хорами изъ Итальянскихъ оперъ,

... Д-цы *Варвара Попова*, *Марія Промнова* и *Марія Кретопуло*. Собраніе заключено было танцами, изъ которыхъ особенно замѣчательны были танецъ съ шалью, который танцовали Д-цы *Кондури*, *Эйтфельдъ* и *Береславская*, и послѣдній

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ГРЕЦІИ, ТУРЦІИ И ЕГИПТУ,

Михаила Дохтурова (*).

Топхане. — *Кылычь-Али-Паша Джами*; извѣстіе объ основателѣ сей Мечети. — *Арсеналъ*; историческія о немъ извѣстія. — Извѣстія о началѣ *Топчей*, т. е. артиллеристовъ, и *Кумбараджей*, т. е. бомбардировъ. — *Водохранилище Султана Махмуда.*

Спустившись по довольно широкой, но грязной и кривой улицѣ, или, лучше сказать, лѣстницѣ, я попалъ, къ счастію моему, на площадь, говорю къ счастію, потому что площадь сія заключаетъ въ себѣ почти все, что только есть замѣчательнаго въ *Топхане* (предмѣстіи Истамбула, населенномъ Топчами, или пушкарями); прочія же мѣста оного ничѣмъ не разнятся отъ другихъ частей города; сверхъ того, въ улицахъ сего предмѣстія, перепутанныхъ не хуже Критскаго Лабиринта, очень легко можно заблудиться, что значило бы для Европейца, въ позднѣе время, и особенно въ Рамазанъ, почти тоже, что искать добровольной смерти, или, по крайней мѣрѣ, опасности. — Первый предметъ, обратившій на себя мое вниманіе, была старинная, но отмѣнно красивая мечеть, называемая, какъ и всѣ мечети, по имени основателя, *Кылычь-Али-Паша-Джами*, т. е. мечеть Али-Паши, прозваннаго Мечь. На широкомъ дворѣ ея, выложенномъ плитами и обнесенномъ красивою рѣшеткою, находится мраморный бассейнъ, въ которомъ, изъ множества крановъ, бьетъ свѣжая вода, служащая для совершенія *абдеста*, или омовенія благочестивыхъ Мусульманъ. Нѣкоторые изъ правовѣрныхъ молились уже въ мечети; другіе прогуливались подъ тѣнію кипарисовъ, тополей и чинаровъ, или слушали, въ ожиданіи *Акшама* (т. е. вечера, время, въ которое позволяется въ Рамазанъ вкушать пищу), пѣніе *Гафыза* (человѣка знающаго наизусть Алкоранъ), который, усѣвшись подъ колоннадою портика, дикимъ и унылымъ голосомъ распѣвалъ *Айеты Курана*. Близь рѣшетки и вокругъ мечети стояли сидѣлицы *Аттаровъ* (продавцевъ ароматовъ), пестрыя четки, ... съ духами и тому подобными товарами, ... продавала шумная и пестрая толпа женщинъ, закутанныхъ въ покрывала и въ широкія, разноцвѣтныя *фередже* (Турецкіе салопы); множество нищихъ и увѣчныхъ разсказывали плачевнымъ голосомъ свое *Илляй* (молитвы бѣдняковъ), а другіе Мусульманы, не зная какимъ образомъ убить остальную часть долгаго постнаго дня, были собраны въ семъ мѣстѣ. Между Аттарами замѣтилъ я одного, не спускавшаго съ меня глазъ; свѣтлые волосы окладистой его бороды, голубые глаза, и вообще вся физіогномія, отличная отъ другихъ его собратовъ, заставили меня подозрѣвать, что онъ не природный Турокъ. Подстрекаемый любопытствомъ, я съ трудомъ пробился сквозь толпу

(*) Г. Дохтуровъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ Турціи и обладая знаніемъ Турецкаго и Арабскаго языковъ, описываетъ въ Путешествіи своемъ многія любопытныя и доселѣ бывшія неизвѣстными черты Турецкихъ нравовъ, до Иныкарскаго мятежа, и сообщаетъ разныя подробности о внутреннемъ состояніи Турецкой Имперіи. Мы представимъ нѣсколько отрывковъ изъ сего путешествія, сохраняя вездѣ въ Турецкихъ словахъ правописаніе Автора. *Ред.*

переходящимъ изъ подъ мирнаго крова, осв-
няемаго благотворною десницею чадолюбивой

двумя хорами изъ П

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ
ПО ГРЕЦІИ, ТУРЦІИ И ЕГИПТУ,
Михаила Дохтурова (*).

Топхане. — Кылычъ - Али - Паша Джами; извѣстіе объ основателѣ сей Мечети. — *Арсеналъ;* историческія о немъ извѣстія. — Извѣстія о началѣ *Топчей*, т. е. артиллеристовъ, и *Кулбараджей*, т. е. бомбардировъ. — *Водохранилище Султана Махмуда.*

. . . . Спустившись по довольно широкой, но кривой и кривой улицѣ, или, лучше сказать, лѣстницѣ, я попалъ, къ счастію моему, на площадь, говорю къ счастію, потому что площадь сія заключаетъ въ себѣ почти все, что только

(*) Дохтуровъ, проживши нѣсколько лѣтъ въ

есть замѣчательнаго въ *То*
була, населенномъ Топч
прочія же мѣста онаго н
другихъ частей города; с
сего предмѣстія, перепуп
скаго Лабиринта, очень
ся, что значило бы для
нее время, и особенно въ
же, что искать доброво
крайней мѣрѣ, опасстви
обратившій на себя мое в
ная, по отмѣнно красивая
какъ и всѣ мечети, по
лычъ-Али-Паша-Джамисъ
Паши, прозваннаго Меч
ся, выложенномъ плитам
вою рѣшеткою, находите
въ которой, изъ множе
свѣжая вода, служащая д
или омовенія благочестив

мятежа, и сообщаетъ

многие любопытные и доселе бывшие неизвестными черты турецких нравов до янычарского мятежа и сообщает разные подробности о внутреннем составе Турецкой империи».

В отрывках, опубликованных в «Одесском вестнике», содержится живописное описание предместья Стамбула – Топхане («Одесский вестник», 1834, № 53, 54); далее пересказывается занимательный турецкий «Драматический рассказ, или Карагез» («Одесский вестник», 1834, № 54, 55). Прозаическое описание предместья Стамбула Топхане, помещенное в очерке, перекликается с поэтическим описанием Стамбула в «Ареопаге».

Собранный по крохам материал о поэте-медике постепенно стал складываться в портрет личности незаурядной с необычной биографией – поэта, романтика, искателя приключений и вместе с тем талантливого практикующего врача. К сожалению, многое из его биографии на сегодняшний день так и осталось в тени забвения.

Ниже мы публикуем отрывки из сочинений (поэмы без названия) М.А. Дохтурова. Насколько ценен этот материал – судить читателям.

М.А. Дохтуров

Отрывки из поэмы М. Д.

Отрывок из пролога

В Стамбуле гордость атаманов
Сластолюбива и пышна,
В нем спит могущество султанов
И дремлет в роскоши луна.

Потомство диких исполинов,
Для коих брань – веселый пир,
Восстав на троне Константинов,
Оставило в покое мир;
Уже не страшен сын Ислама,
Кровавый меч его забыт,
Как бурный вихрь, как молний пламя,
Уже на брань он не летит.
Среди красавиц черноокиx
В палатах сумрачно-высоких
Он в сладострастной тишине,
Забыв о славе и войне,
Заботы и нужды не знает,
В спокойной неге утопает
И, поручив Эджелю* свет,
Курит табак и пьет шарбет**.
Над побежденными рабами
Он самовластный господин,
Им страшен взор его один.
Богат их потом и трудами,
О чем заботиться ему?
Текут сокровища реками
От всех сторон в его казну.

* Эджель (крым.-тат.) – смертный час.
** Шарбет (шербет) (араб.) – сладкий ароматизированный напиток.

Аравы – масти дорогие,
Индийцы – золото несут,
Кавказки, девы молодые,
К нему из заморя плывут.
Не зная вьюги и мороза,
В садах его алеет роза,
Лимоны, лавр и мирт цветут,
Кристалловидные бьют воды
И громко соловьи поют.

Дарами счастья и природы
Украшен правоверный град,
Цветет, как пышный вертоград,
С своими райскими садами,
Восстав между двумя морями
На горы, долы и поля;
В нем воздух, море и земля
Какой-то тайной негой дышут.
Все чувства, ум и сердце движут,
Пленяя яркой красотой;
Необозримою раскинувшись грядой,
Блестя златыми булавами,
Висят сараи* над водой;
Меж кипарисными лесами
Громады мрамора…
……
……

…… Кто изобразит
Стамбул! Тебя с твоей красою,
С твоим величьем, пестротою
Палат, садов, долин, морей
С зарею света, неизвестной
В угрюмом севере моем,
С твоею ночию прелестной
И лучезарным твоим днем?

* Сарай (тюрк.) – строение, дом, дворец.

С каким восторгом я, бывало,
На грозной Чамладже** сидя,
Смотрел, волшебник, на тебя –
Когда на западе пылала
И с темной синевой сливала
Свой пурпур алая заря!..
……

Пред мной вдали сребрилась Ида***,
Играли в отблеске лучей
Эвксин****, Босфор и Пропонтида*****
С разнообразностью своей.
Румяным сумраком одеты,
Сады, дворцы и минареты
Казались раем для очей,
Творением очарованья,
Жилищем мира и утех,
Где неизвестна скорбь, страданья,
Болезнь, печали, смерть и грех;
Когда же звездную порфиру
Набрасывала ночь твоя
И по чистейшему эфиру
Плыла задумчиво луна,
Сребристые струились воды,
И общий тихий сон природы, –
Незапно мноезинов лик******
Протяжной песней прерывая,
Взывал, трикраты повторяя:
Аллаг един! Аллаг велик! –
Священный трепет разливался
Тогда по сердцу моему,

** Чамлыджа (Çamlıca) – холм, расположенный над древнейшей частью Стамбула – районом Ускюдар.
*** Ида – высочайшая гора острова Крит.
**** Эвксин (Понт Эвксинский) (др. греч.) – Черное море.
***** Пропонтида (др. греч.) – Мраморное море.
****** Мноезинов лик (муэдзинов лик). Муэдзин (араб.) – в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (намаз).

Я верил – и не сомневался,
Что есть благой Отец всему.
И ныне в скучном заточенье
На бессарабском берегу
В часы мечты и вдохновенья
Стремится мысль моя к тебе!
Великолепие твое
И ныне дух мой утешает,
Печальны думы развлекает,
Врачует горести мои
Забвеньем сладостным тоски…

Байрам*

Из третьей песни поэмы М. Д.

Но слышен гром от Кыш-Сарая,
Пылает весь Стамбул в огне;
Багряное поднявши знамя,
Ракеты мещет Топхане**.
Босфор кипит под каюками***;
Как бурные потоки вод,
По стогнам**** шумными толпами
Течет ликующий народ.
Джами***** отверсты, там имами******
Под разноцветными огнями,
Колена преклонив, поют:

* Байрам (тюрк.) – часть тюркского названия главных исламских праздников.
** Топхане – 1. Предместье Стамбула. См.: «Отрывок из путешествия по Греции, Турции и Египту Михаила Дохтурова» (Одесский вестник, 1834, № 55, 11 июля): «Топхане – предместье Истамбула, населенное топчами, или пушкарями».
2. Общественный фонтан в Стамбуле, возведенный в XVIII веке во время правления османского султана Махмуда I в архитектурном стиле османское рококо.
*** Каюк (тур.) – грузовое одномачтовое парусно-гребное судно.
**** Стогны (поэтич,, устаревш.) – широкие улицы, площади.
***** Джами (араб.) – мечеть с минбаром (кафедра, предназначенная для чтения Корана и проповедей) и минаретами.
****** Имам (араб.) – в исламе духовное лицо, которое заведует мечетью, совершает требы.

«Хвала Аллагу и пророку!
Свершился рамазана******* труд!
Без нужды слабости пороку
Дарует милосердый нам
Отдохновенье и Байрам.
Хвала Аллагу и пророку!»

Меж тем гремят на площадях
Литавры, бубны и кларнеты,
Сребром и золотом одеты,
На изукрашенных конях –
Готовые для игр джерида********
Младые рыщут биниджи*********;
Стоят в порядке бостанджи**********
И ждут Махмуда ибн Хамида********** –
Султана и царя царей.
В молчаньи у златых дверей
Визирь**********, муфти**********, паши********** седые
Стоят и ждут……
……

******* Рамазан (араб., тур., перс.) – священный месяц обязательного поста в исламе.
******** Джерид (араб.) – короткое метательное копье. Народности Ближнего Востока под термином *джерид* также понимали джигитовку всадника с копьем. – См. в кн.: Базили. «Очерки Константинополя». Ч. 1 – СПб., 1835, с. 185-187: «Эта игра была всегда любимым развлечением оттоманской молодежи, и в особенности Двора; был при Дворе особенный класс удалых наездников джинды, которые разделялись на две партии, Бамияджи и Лаханаджи, и представляли на Апмейдане живописные битвы».
********* Биниджи (тур.) – наездник.
********** Бостанджи (тур.) – корпус телохранителей в Турции. Термин происходит от слова «садовник». Первоначально воины были садовниками и стражами при дворце турецкого султана.
********** Махмуд ибн Хамид – Махмуд II (1785-1839) – 30-й османский султан, 1808-1839 гг. В 1820-30-х провел ряд прогрессивных реформ, в том числе уничтожение янычарского корпуса и др.
********** Визирь (араб.) – в мусульманских странах титул министров и высших сановников.
********** Муфти (муфтий) (араб.) – высшее духовное лицо у мусульман.
********** Паша (от перс.) – титул высших военных и гражданских сановников в бывшей султанской Турции, Египте и некоторых мусульманских странах.

Гарем

Из третьей песни М. Д.

В покое внутреннем гарема,
Где в пышной скуке дремлет время
И с ленью обитает страх,
Сидит на парчевом диване,
Задумчив, грозный падишах.
Блестят алмазы на тюрбане,
Горят рубины на ноже,
В восточном вкусе на кафтане
Сияет яхонт в жемчуге.
Вокруг султана дорогие
Фарфоры, полные цветов,
На стенах рдеют дкхи[?] златые
Для звучных Ель-Курана* слов,
И с тихим ропотом живые
Среди покоя воды бьют.
Но тщетен весь искусства труд!
Предметы роскоши отрадной
И неги сладостно-прохладной
Взор падишаха не влекут.

Сидит, потерян в тяжкой думе,
Чело и взор его угрюмы,
Рука тесбих** не шевелит.
Чубук янтарный – позабыт.
Дюбека*** запах ароматный,
Шарбет, на вкус и вид приятный,
Тревожных чувств его не льстит;
Так, внутренно огнем снедаем,
Больной, со смертию борясь,

* Ель-Куран – Коран (на арабском произносится как «аль-куран») – священная книга мусульман.
** Тесбих (араб.) – мусульманские четки.
*** Дюбек – табак высшего сорта.

Вперяя взор в последний час,
Не видит тех, кем окружаем
Он…

Раздался топот близ дворца,
Сверкают ружья у крыльца,
Дверь с шумом настежь растворилась,
И входит Гусеин-паша.
С могучих плеч его струилась
Степных арабов епанча****,
Вокруг широкого чела
Багряная чалма извилась,
Кривая сабля при бедре
В златых ножнах своих звучала,
Улыбка злобная играла
На смугло-сумрачном лице.
Он тихо важными шагами,
Приближась к грозному царю,
Сел, гордо преклонил главу
И, лютыми сверкнув очами,
Разгладил черные усы.

Султан
Паша, готово ль наше дело?

Гусейн-паша
Готово, царь! ……
……

Отрывок из четвертой песни

Видали ль вы когда младую
Турчанку, полную красы?
Как, сняв чалму она златую

**** Епанча – широкий безрукавный круглый мужской плащ с капюшоном.

И черны распустив власы,
В султана бани поспешая,
Чрез пышные сады сарая
Газелью легкою бежит?
Как быстрый взор ее горит!
Как грудь роскошно воздымает!
Как гордо держит стан она!
Как легко по траве порхает
Ее прелестная нога!
В ней все парит! В ней все пленяет!
Случалось ли кому узреть,
Когда в гамам* уединенный,
Сребром и златом испещренный,
Она, с невольницей вошед,
Хырку** прозрачную снимает,
Красы младые обнажает –
И белою рукой своей
Очарование очей
Лелеет, нежит, орошает!

Сквозь стекла купола лиясь
Над девой, сонной и прекрасной,
Мерцает сумрак сладострастный;
Приятной негой утомясь,
На мягкий одр она ложится,
Небрежно разметав себя,
И одр как будто веселится,
Такое бремя полюбя.
Лежит турчанка, отдыхает,
Но как опасен сей покой!
Как Этна, кровь ее пылает,
Грудь бурной движется волной,
Сквозь долги черные ресницы
Огнем любви горят зеницы.

* Гамам (араб.) – общественная баня в Турции.
** Хырка – одеяние, рубашка.

Как роза, пышные уста
Улыбкой милою играют,
Без слов «люблю тебя!» вещают
И поцелуй к себе манят.
……

Более полно отрывки из сочинений М.А. Дохтурова опубликованы в сборнике «Дом князя Гагарина: Сборник научных статей и публикаций». Вып. 9. – Одесса, 2020, с. 63-67, 70-75, 87-90.

Александр Бирштейн

Канава

Как вам название? Я его только что придумал, собираясь написать о когда-то самом опасном районе города. Что же это за место такое, достойное названия, странное и, как по мне, страшноватое. Не страшное, нет, а именно страшноватое. Расскажу.

Канавой прозвали балку от нынешней улицы Еврейской до Таможенной площади. В советское время Канаву звали спуском Вакуленчука, ныне Деволановский спуск. Деволан – потрясающий строитель и организатор, один из основателей Одессы – ужаснулся бы, глянув на то добро, которое назвали в его честь. В принципе, Канава – одна из старейших улиц Одессы. Кстати, ее первой начали мостить кубиками из лавы, привезенными из Италии. Сюда, в Одессу, итальянские суда в качестве балласта везли лаву, отсюда – пшеницу. Дома на Канаве возникли в начале XIX века. Жила в них беднота. Так и простояли без обновления и ремонта до нынешних дней. Простояли? Как бы не так. Рушатся. Один из них рухнул уже в 2020 году. На этот дом можно было смотреть со Строгановского моста. Дом в типично одесском дворике: обшарпанные флигеля, белье на веревках, домино по вечерам. Когда-то с большого Строгановского моста маленький мостик вел в детскую поликлинику. Меня водили туда к старой старухе, доброму доктору Френкель…

Еще не было на Канаве нынешних разрушений, бомжей и мусора, еще работал завод радиодеталей. Но были, жили там канавские ребята, злые и опасные. Они царили на бац-майдане в парке Шевченко, в школе в переулке Нахимова, на Таможенной площади… По двое-трое поднимались «в город» по Ланжероновскому спуску или по лестнице мертвых.

На углу Ланжероновского спуска и Канавы была ночлежка, или баржан, где какое-то время проживали Александр Грин и Максим Горький. В ночлежке было холодно и сыро, Грин болел и в конце концов перебрался к теплу, в Крым. А Горький именно тут нашел прототип своего Челкаша.

Ланжероновский спуск вел на улицу Ланжероновскую – тогда Ласточкина, к оперному, Пале-Роялю…

А лестница мертвых поднималась до Дерибасовской. Лестница мертвых… Что за название? Это вымощенное старинной лавой и обрамленное камнем-дикарем сооружение довольно привлекательно, но носит, увы, весьма мрачное название. Старожилы поговаривали, будто еще в середине XIX века в Одессе прошел судебный процесс, поразивший горожан ужасающими подробностями. А началось все с того, что неожиданно стали бесследно исчезать лица мужского пола. Преимущественно матросы посещавших Одессу многочисленных торговых судов. Волею случая все прояснилось. Однажды какая-то женщина, купившая на базаре пирожок, неожиданно в его начинке обнаружила косточку человеческого пальца с ногтем. Вызванные полицейские задержали торговку. Та оказалась промышлявшей среди матросов проституткой.

Жила совсем близко как от порта, так и от той злополучной лестницы. Предоставив клиенту услугу, она его умерщвляла и либо превращала в фарш для пирожков, либо выбрасывала из окна на газон возле упомянутой нами лестницы и там закапывала. На месте злодеяний полицейскими тогда были обнаружены тела более чем двадцати жертв Розы, как звали ту повешенную вскоре жрицу любви. Я уже писал об этом в книге «По улицам моим».

Над Канавой построены три моста: Новиковский, Коцебу и Строгановский. Гулять вечером от Еврейской до Новиковского моста было практически безопасно. Кстати, в начале моста прямо над Канавой стоит дом, где я родился и долго жил. От Новиковского до моста Коцебу тоже можно было гулять, впрочем, рискуя зацепиться с алконавтами – пирующими, дерущимися, оправляющимися под мостом Коцебу. А вот дальше была запретная зона. Никто из жителей других районов не рисковал совершать экскурсии или прогулки по этому району в вечернее время. Так что местные ребята единолично доили иностранных моряков, выходящих вечером в город. В основном это были греки да инду-

сы. Но их было много, и они обладали такими благами цивилизации, как нейлоновые носки и шариковые ручки. Да еще, конечно, американские сигареты и жевательная резинка. Они выходили из ворот Торгового порта, числящегося по адресу Таможенная площадь, № 1, и шли добывать радиотовары, утюги и девочек.

Девочки там есть и сейчас. Вернее, были. Биржу путан разогнали совсем недавно. Барышни переместились к мосту у морвокзала – это неподалеку.

Правили бал на Канаве ребята со странными кличками: Бонзик, Сиха, Димон… Кстати, семья Димона с Канавы перебралась в наш двор. Мы были с ним ровесниками и не то что бы подружились, но по крайней мере приятельски общались.

А еще тут снимались фильмы, и немало: «Броненосец «Потемкин», «Белеет парус одинокий», «Мексиканец», «Борец и клоун», «За власть советов». В последнем фильме и я поучаствовал – правда, только фуражкой. Мал был, все остальное в кадр не поместилось. А шел я в первом ряду толпы одесситов, зачем-то шедшей вслед за эсэсовцами, которые вели к воротам радиозавода пленных подпольщиков.

Канава и проходящий рядом спуск Кангуна вели на Таможенную площадь. О, площадь эта имела тьму названий! Судите сами.

Карантинная – с 22.12.1828;

Платоновская – с 14.03.1831;

Таможенная – 1835-1918, но в этот период еще и Портовая (1.10.1860-25.06.1868), и Приморская (14.07.1888);

Таможенная – январь 1958;

Вакуленчука – 25.12.1958.

Впрочем, вскоре площадь опять переименовали.

Деволановская – 1959;

Таможенная – со 2.06.1995.

На площадь вели несколько спусков: Карантинный – от Канатной (кстати, в № 1 был самый первый публичный дом в Одессе, сейчас он жилой…). Еще Польский спуск с улицы Польской, бывшей Кангуна, а также Ланжероновский спуск с Порт-клубом посредине.

Ночные бабочки выпархивали на площадь, едва начинало темнеть. Вскоре появлялись и «энтомологи» с давно заученным текстом:

– Синьорина! Фоки-фоки чап-чап!

Встречи были недолгие, но дружественные. Они проходили под девизом: «Сделал дело – слезай с тела».

Девочки работали ударно и добросовестно. Как в песне: «… дорогу грудью проложим себе…». А моряки разбредались по городу в поисках промтоваров.

Это было когда-то… А сейчас?

Жители Канавы называют свой район уже не Канавой, а Ямайкой.

– От слова *яма*! – говорят.

Завод не работает, разруха страшная. После завода тут был ночной клуб «Амстердам», сюда съезжались многочисленные бумеры, мерины и прочие «тойоты», привозившие коренастых стриженых ребят в малиновых пиджаках и их очень длинноногих барышень. На эстраде плясали несовершеннолетние девочки, под потолком плавала лодка с умело раздетыми сеятельницами, бросавшими розовые лепестки на публику. Веселуха! Тут очень любила милиция устраивать облавы – всегда что-то перепадало. Но и это закончилось. Теперь здесь развалины…

«Вид Деволановского спуска, который может понаблюдать любой прохожий, откровенно говоря, нагнетает тоску. Причем в нескольких кварталах от ущербной улицы – такие ключевые объекты города, как порт, улицы Греческая и Дерибасовская» (газета «Сегодня» от 30 марта 2010 г.). Ямы, гниющий мусор, остовы сгоревших автомобилей, бездарное граффити – вот что такое Канава сейчас. А еще разрушенное жилье, бомжи, крысы, грязь… Короче, зона!

Как ни странно, зона привлекает туристов. Ходят, фотографируют… Что-то появляется в Интернете.

– И это Одесса? – спрашивают увидевшие.

– И это Одесса? – хочу спросить и я.

Олег Губарь

Пара чая для одессита

Еще задолго «до исторического материализма» Одессу величали чайной столицей России. И в самом деле, сто лет назад через одесский порт прошло 4 млн 750 тыс. кг чая, а через санкт-петербургский только 3 млн 160 тыс. Для сравнения заметим, что на рубеже 1820-1830-х в наш город поступало лишь около 25 тысяч фунтов чая ежегодно, которые и потреблялись на месте.

Чай доставлялся преимущественно морским путем, причем главным его экспортером была Англия, вывозившая индийские и цейлонские сорта. Другим основным поставщиком, фактически реэкспортером, была Австрия, а кроме того – Турция, Греция и Египет. Незначительное количество элитного чая транспортировалось из колоний Голландии и Бельгии. И только китайские чаи шли через Кяхту, длинным сухим путем, но после открытия Суэцкого канала и создания Добровольного флота они приходили в Одессу морем.

Чай не сразу завоевал сердца одесситов. Скажем, в пушкинские времена в жаркий сезон тут пили главным образом крайне дешевое вино, разбавленное водой, что было в традициях значительной части населения – уроженцев стран Средиземноморья. Для греков, итальянцев, французов, арнаутов, югославян привычным напитком (помимо вина) был скорее кофе, нежели чай. Немцы и австрийцы предпочитали пиво. Россияне – квас. С конца 1820-х стали возникать заведения искусственных минеральных вод. Регулярными потребителями чая в это время были разве что евреи.

Однако постепенно чай взял свое. В начале 1850-х численность городовых обывателей достигла ста тысяч, значительную часть их составляли уже выходцы из внутренних губерний, привычные

к трактирной жизни. В это время привоз чая возрос примерно до килограмма в год на душу и даже несколько больше. Число трактирных заведений, в первую голову – чайных трактиров, резко увеличилось. Во время Крымской войны даже простонародье степенно обсуждало известия с театра военных действий в чайных заведениях известного в свое время содержателя Афанасия Федотыча Алексеева. При этом эмоциональные чаевники манипулировали стаканами, ложками, заварными чайниками, пепельницами, выстраивая из них редуты, батареи, бастионы и вообще моделируя поля сражений.

Чайной улицей Одессы изначально была Греческая, где располагались лучшие магазины, торговавшие чаями разного разбора (то есть сорта) – Капитанаки, Денегри и др. Позднее самая престижная чаеторговля – Гавриила Крапивина – помещалась в доме Вагнера на Екатерининской. В третьей четверти позапрошлого века одесситы познакомились с чаями не только из Китая, но даже из Японии и с острова Ява. Из китайских в ассортименте были представлены семь сортов черного, пять цветочного, четыре – лянсина, пять – зеленого, и три – желтого. Чаи эти доставлялись из южнокитайского порта Кантон (Гуанчжоу). Преподавательница латыни медицинского института Т.А. Лаврова пересказала мне когда-то одну считалочку, каковую одесские гимназисты младших классов зазубривали для запоминания географических названий:

Пекин, Нанкин и Кантон
Сели вместе в фаэтон
И поехали в Шанхай
Пить китайский вкусный чай.

Чай был действительно отменный. А мы теперь любой зеленый чай типизируем как просто зеленый. Потому, очевидно, нас и впрямь следует называть чайниками, то бишь дилетантами. А настоящие гурманы «раньшего времени» умели почувствовать разницу между жемчужным и высоким ханским, шанхайским и фучанским. Тогда же в таможенных управлениях зарубежья появились и так называемые титестеры – дегустаторы чая. Зачем

они, собственно говоря, этим занимались? А дело в том, что надо было не пропустить дорогой сорт, задекларированный как дешевый, – для снижения взимаемой пошлины.

О том, что хороший чай был недешевым удовольствием, свидетельствует, скажем, тот факт, что гостиничный или санаторный самовар обходился в 5 руб. в месяц, а это немало по тем временам. А потому чай издавна фальсифицировали, причем не только на Малой Арнаутской. Спитой чай закупался у дворников трактирных домов, а затем высушивался, подкрашивался и реализовывался этим самым… ну, чайникам.

О том, насколько ценился в Одессе хороший чай, повествует следующее курьезное газетное объявление: «Похищены у меня десять полуящиков чаю на 600 рублей серебром. Прошу господ воров доставить мне обратно, за что получат с благодарностью половину стоимости, т. е. ТРИСТА РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМ. Потомственный почетный гражданин Николай Моццо» («Одесский вестник», 1866, № 55).

Чайные магазины оформлялись на уровне лучших ювелирных, а сам процесс купли-продажи обставлялся не хуже подлинной чайной церемонии. Можно было, скажем, приобрести заранее расфасованные в элегантные чайницы чаи знаменитых фирм Высоцкого, Поповых, Перлова, Боткина, «Караван» и др. Вместилища эти изготовлялись из дерева с позолотой, жести, картона, стекла, фарфора, фаянса и даже хрусталя, снабжались тисненой или литой изысканной фирменной атрибутикой. Металлические чайницы отделывались изнутри оловом, деревянные, как правило, запирались на замочек. Здесь продавались и обтянутые шелком китайские чайницы с изображением сказочных драконов, пагод, фонариков, изделия из фарфора – «принадлежности к чаю»: чашки, блюдца, сахарницы и проч. «Чашки легки, как пух, и тонки, как писчая бумага», – говорит современник («Одесский вестник», 1866, № 190).

А какой же чай без сахара? Сахар продавался в тех же чайных магазинах. (И кстати, существует легенда, будто название нашего эксклюзивного танца «7.40» означает всего лишь… стоимость пуда сахара. Такая цена и в самом деле оставалась в XIX веке неизменной довольно долго.) Приказчики пользовались специальны-

ми машинками, раскалывающими сахарные головы на кусочки устраивающей клиента величины. Упаковка тоже превращалась в некое священнодействие, в обряд. Сахар аккуратно подбирали специальной лопаточкой, а затем тщательно заворачивали в особую плотную синюю бумагу, которая так и называлась – сахарная.

Но вернемся в трактирные заведения. Чай подавался стаканами, порциями и парами. Обыкновенно спрашивали пару чая. Это означало, что половой должен принести на подносе два чайника: один с заваркой, другой – с кипятком, тогда как порция составляла один чайник с готовой смесью. В России, впрочем, под парой разумели чай и сахар к нему. Пузатые трактирные чайники обычно расписывались аляповатыми алыми розами. Сколько было их (и – ими, чайниками) бито на застольных полях брани! Вот лишь один эпизод: «В трактир «Севастополь» вошел некий Александр Копейкин и заказал себе порцию чая и хлеб. Когда пришлось расплатиться, то Копейкин заявил, что у него денег нет; вследствие этого между ним и трактирным половым возникла ссора, перешедшая в драку, во время которой служитель бросил Копейкину в голову чайник, разбившийся вдребезги. На голове Копейкина обнаружены значительные ушибы и раны. Он доставлен в Городскую больницу» («Одесский вестник», 1890, № 33).

Кстати, в одесских чайных трактирах когда-то шли на любые ухищрения, дабы потрафить посетителям, и нелегально разливали водку в те самые заварные пузатые чайники, расписанные кустодиевскими розанами.

В ходу у простонародья были луженые чайники из красной меди, латунные, медные, иногда и жестяные чайные кружки. Нижним чинам в ряде местностей полагалось чайное довольствие (приказы по военному ведомству 1891 и 1900 годов). Аристократия предпочитала изящные чайные приборы мануфактуры Веджвуда в Англии, фабрики Гарднера в Твери, Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге, заводов фарфорового монополиста Кузнецова (скушавшего в 1891-м и марку Гарднера), сервизы из Мейсена, хотя изначально даже в третьей четверти XIX столетия на самых вершинах социального олимпа чай пили стаканами. Чай становился прямо-таки национальным напитком, а ведь в XVIII еще столетии кое-кто полагал, что из чайных

листов следует делать салат (хотя русское слово «чай» происходит от монголо-татарского «цай», и выходит, что влияние Орды изредка бывало конструктивным).

Дошло до того, что в 1899 году в Северной Пальмире стала издаваться еженедельная газета «Чайный вестник», а в Южной еще раньше появились мобильные чайные трактиры, так сказать, самовары на колесах! На маевках вся Одесса гоняла чаи в приморских районах: сотни самоваров закипали тогда на дачах «Ланжерон», «Флора», «Отрада» и проч.

Чтобы представить себе хотя бы частично материальный мир чаепитий в Одессе лет эдак сто назад, я побывал в гостях (уже не впервые!) у гостеприимной четы Бронз – Иосифа Львовича и Валентины Константиновны. В их доме годами составлялась блестящая коллекция изысканных домашних чайных принадлежностей. Множество элегантных чайных приборов известнейших отечественных и зарубежных фабрикантов фарфора и фаянса; сахарницы, чайницы, розетки для сладостей, столовое серебро и т. п. Особое внимание обращает на себя чайная посуда одесского торгового дома Петрококино, причем не ширпотреб из их универсального магазина, а эксклюзивная, домашняя, из родового гнезда по улице Троицкой, 18. Посуда, перешедшая к Валентине Константиновне от матери…

Любили пить чаи в Одессе. И умели.

Одесский календарь

Приморский бульвар

72 Анатолий Глущак
О войне, об Одессе и о море

Анатолий Глущак

О войне, об Одессе и о море

Казалось бы, весь Приморский бульвар отдан XIX веку – архитектура, легенды. И вдруг на доме номер шесть – мемориальная доска нашему современнику, писателю, моряку, замечательному человеку Ивану Ивановичу Рядченко.

Да, именно тут он родился 25 января 1924 года: в Одессе на Приморском бульваре, 6, в семье работника пароходства.

Трем главным темам был верен поэт на протяжении всей творческой жизни: писал «о боях-пожарищах» войны с фашизмом в 1941-45 гг., об Одессе и о море. Свое первое стихотворение опубликовал в легендарной газете «Моряк» в 1940 году. С первых дней Великой Отечественной семнадцатилетний юноша находился в комсомольском истребительном отряде. Летом 1942 года Ваня Рядченко уже курсант Ашхабадского пехотного училища. Во время генерального сражения на Курской дуге был тяжело ранен. После длительного лечения в госпитале – вновь на передовой. Участвовал в боях на Степном, Воронежском и 2-м Украинском фронтах. Войну закончил в Чехословакии.

Боевым будням, фронтовым товарищам (а один из близких друзей Ивана Ивановича погиб в день окончания войны), воспоминаниям о самоотверженности солдат и офицеров посвящены десятки стихов поэта, ряд сборников. Хрестоматийным стало произведение «В день окончания войны». Вот его концовка:

…И кто-то пел.
И кто-то плакал.
И кто-то спал в земле сырой.
Вдруг тишь нахлынула сквозная.
И в полновластной тишине
спел соловей,
еще не зная,
что он поет не на войне.

Перу Ивана Рядченко принадлежит четыре десятка стихотворных книг. На их страницах талантливо воспета романтика моря, Одесса – как родная гавань сотен тысяч мореходов разных времен. Уже сами названия сборников привлекают читателя: «Улицы впадают в океан», «Лирика странствий», «Сладкая соль», «Влюбленный ветер», «Винные погреба». А родились они после дальних рейсов на пассажирских и торговых судах Черноморского пароходства.

Иван Рядченко работал также главным редактором Одесской киностудии, длительное время возглавлял областную писательскую организацию. В его творческом багаже – ряд

пьес, несколько книг прозы. Занимался Иван Иванович и поэтическим переводом произведений украинских коллег, а также сонетов Шекспира.

Земной круг жизни Ивана Рядченко замкнулся 3 июня 1997 года. Утром вышел на кухню. Через некоторое время жена Нинель Григорьевна заглянула туда. Он сидел за столиком, склонив голову. Рядом стоял стакан с водой… Начинался солнечный летний день. Уже без влюбленного в Одессу, в родные края поэта, написавшего незадолго до кончины миниатюру «Душа»:

Как ни спеши и как там ни дыши,
мы состоим из плоти и души.
Да, так решил, наверное, Господь.
что час за часом тает наша плоть.
Ну а душа, вселенский круг верша,
она ведь и без плоти хороша.
Вот и возьми и что-то соверши
для звездной бесконечности души.

На Приморском бульваре, 6, в память о поэте установлена мемориальная доска.

На стыке столетий утверждена областная литературная премия им. И.И. Рядченко.

В 2002 году увидели свет «Воспоминания об Иване Рядченко», составителем книги выступила супруга писателя Нинель Григорьевна.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

76 **Наиль Муратов**
Живое пиво и метавселенная

105 **Алекс Сино**
Вам и не снилось, или Once Upon a Time in Miami

117 **Ирина Озёрная**
Держи осколок

133 **Ольга Лесовикова**
Вдень нитку в иголку

136 **Елена Андрейчикова**
Не береги себя

Наиль Муратов

Живое пиво и метавселенная*

– Ты должен обо мне кое-то узнать, перед тем как расстаться, – сквозь слезы сказала Тихоня.

– Что именно? Что ты плохой психотерапевт?

– Нет, все говорят, что хороший.

– Тогда чего расстраиваться?

– А того, что моя основная специальность – профессиональный убийца, – упавшим голосом ответила Тихоня.

Я от души рассмеялся, представив, как она с остервенением разряжает обойму в несчастную жертву – какого-нибудь зарвавшегося олигарха или политика. Более абсурдного зрелища не придумать.

– Так много не нужно, хватит и одного выстрела, второй – контрольный, – печально заметила Тихоня.

А вот теперь я поверил. Надо же, профессиональный убийца! Но как ни странно, Тихоня нравиться мне не перестала, даже наоборот. Уж не социопат ли я? Говорят, чужая душа – потемки, так ведь и своя собственная ничуть не светлее.

– Много народу ликвидировала? – спросил я как можно нежнее. – Хотя можешь и не отвечать, мне пофиг.

– Ничего тебе не пофиг, не обманывай себя. Ты в шоке, вот и несешь всякую чушь.

Возможно, что она и в самом деле понимает меня лучше, чем я сам. В конце концов кто из нас психотерапевт?! Неожиданно для себя я привлек Тихоню к себе. Хорошая штука психический шок, много чего тебе позволяет.

---

* Окончание. Начало в кн. 89.

– Не надо, – неуверенно попросила Тихоня.

Как опытный психолог она, безусловно, понимала, что лучшего способа спровоцировать мужчину на дальнейшие действия просто не существует. Видимо, эта мысль пришла в голову и ей, потому что, вспыхнув, Тихоня закрыла лицо руками. Но когда я наклонился, чтобы ее поцеловать, сразу же развела их в стороны.

– Да ладно, не останавливайся! – съехидничала бомжиха, ибо теперь это была она, к счастью, в смазливой лайт-версии.

– Обойдешься! – ответил я, отодвигаясь подальше.

– Ну как хочешь. На Тихоню особо не рассчитывай, она сейчас занята. Попросила меня с тобой побыть. Просчитывает варианты, как вам встретиться в реальной жизни.

– А сейчас мы в какой?

– Сто раз уже тебе говорили, что ты спишь.

– Да брось, все слишком реально.

– Серьезно? Тогда закрой глаза!

Закрыть глаза у меня не получилось. Веки я вроде бы и опустил, но собеседницу продолжал видеть очень хорошо. Вот ведь незадача, по-видимому, на самом деле сплю! А еще целоваться лез к Тихоне, недоумок! Только посмешищем себя выставил.

– Ну это вряд ли! Твое нахальство даже на меня произвело впечатление, а я девушка не особо впечатлительная. Ладно, пока! – сказала продавщица пива.

И исчезла.

В этот раз я проснулся по-настоящему. Все, что со мной случилось, не поддавалось логике, но когда логика бессильна, на помощь приходит вера. Поверил ли я в то, что видел во сне? Уж не сомневайтесь, поверил всей душой. Особенно в свою любовь к Тихоне. Она вытеснила из сердца даже прекрасную незнакомку из сна, хотя отчасти была ею и сама. Наверное, непросто ужиться с тремя разными личностями одновременно, но почему-то эта перспектива меня не пугала. Меня сейчас вообще ничего не пугало.

Перейдя окончательно в состояние эйфории, я отправился за пивом. Нужно же было с кем-то поделиться радостью!

– Опять вы! – сухо заметила продавщица.

– Налейте живого, – попросил я вежливо.

– Только в этот раз давайте без фокусов! – потребовала она, но пиво налила. Сразу в бутылку.

– Шеф, меня не долили! – послышался голос из бутылки.

Ни слова не говоря, продавщица швырнула ее в меня. Не попала, к счастью.

– Да ты шуток не понимаешь, что ли? – обиделось пиво.

Продавщица бросила на меня ненавидящий взгляд. Подняв с пола бутылку, я поспешил ретироваться. Даже сдачу не забрал.

– Ну и чем у вас вчера все кончилось? – беззаботно поинтересовалось пиво, уже дома перелитое в кружку.

– Знаешь, могло бы себя вести поприличнее с продавщицей! – строго выговорил я ему. – А то мне тебя больше не нальют.

Но пиво уверило, что нальют. У продавцов работа такая, наливать пиво. И тем самым способствовать совершенствованию мира. Потому что без пива он, мир, стремится деградировать. Но не нужно отвлекаться от главного. Чем все кончилось-то? Встретился ли я с той классной телкой, что на портрете?

Ну и что на это ответить?! Встретился, но не с той, а с другой, и, судя по всему, влюбился. Хотя, может быть, это все мне приснилось. Потому что виделись мы с ней как бы во сне.

– Ну, дружбан, ты и ловелас! – воскликнуло пиво с восхищением. – Днем одна любовь, ночью другая. Далеко пойдешь.

– Да ладно тебе! Физически это одна и та же особа, но с разными личностями в голове.

– А вот это проблема! Подумай сам, одна личность тебя целует, а две остальные тихо ненавидят. Представляешь, какие у них меж собой скандалы начнутся? И ты – в эпицентре. Никому такой жизни на пожелаю.

Чертово пиво мне просто крылья подрезало! И ведь не возразишь, все логично. Скандалы укрепляют отношения только в итальянских сериалах. И то, если действие происходит на Сицилии. Там у народа темперамент такой, без скандала никак.

Настроение провалилось ниже плинтуса, и пиво постаралось отвлечь меня от грустных мыслей. Поинтересовалось, что мне еще известно о предмете моего обожания. Где она живет, чем занимается?

Чем занимается, я, естественно, не раскрыл, зато рассказал о платной метавселенной. Там всем заправляет искусственный интеллект. ИИ, если сокращенно.

– Как же, знаю. Общаемся, – сказало пиво.

– С ИИ?!

– Ну да, с Иван Иванычем.

– При чем тут какой-то Иван Иваныч? Я про искусственный интеллект.

– Так я тоже, – жизнерадостно ответствовало пиво. – Иван Иваныч и есть искусственный интеллект. В неформальном смысле, конечно.

То ли пиво начало заговариваться, то ли знало нечто такое, чего не знал я. Исходя из опыта нашего с ним общения, можно было смело ставить на второе.

– И что тебе Иван Иваныч рассказывал о метавселенной? – вкрадчиво спросил я.

– Стану я чужие секреты раскрывать! – заартачилось пиво. – Хочешь что-то узнать, сам у него спрашивай!

– Да как же я спрошу, если он, считай, неизвестно где?! – в сердцах воскликнул я.

– Что значит как? Через информационное пивное поле, – ответило пиво, шокированное моей недогадливостью. – Он сейчас тоже с кружкой сидит, пену сдувает. Могу вас соединить.

И, не дожидаясь моего ответа, соединило. Сначала слышались длинные гудки, потом щелчок, и наконец приятный женский голос сообщил, что Иван Иваныч на линии. В тот же момент я перенесся, не выпуская из рук кружки, на тропическое побережье, где за простым дощатым столом сидел в трусах и майке лысоватый мужик лет пятидесяти и цедил пиво. Видимо, тоже живое.

– Здравствуй, племя молодое, незнакомое! – бодро произнес он. – И каким же ветром занесло тебя, брат, в эту глушь?

– Хотел узнать побольше об искусственном интеллекте, – ответил я с подобающей скромностью. – И о метавселенной. Она что, и вправду платная?

– Для кого платная, а для кого и нет, – хитровато прищурился мужик.

– Для вас, очевидно, нет?

– А это тайна. Финансовая.

Н-да, у этого много не выведаешь. Явно считает себя умнее других. На всякий случай я спросил, может ли он рассказать что-нибудь об искусственном интеллекте. Или это тоже тайна?

– Да какая там тайна! Все в открытом доступе.

– Но у меня же нет доступа к вашему открытому доступу.

– Так спрашивай. Я про этот так называемый интеллект много чего могу рассказать.

Судя по всему, к искусственному интеллекту он относился без пиетета. Хотя, по его словам, тот всем здесь заправлял. От светофоров до чтения лекций студентам в университетах.

– А люди чем занимаются?

– Да кто чем, – туманно ответил мужик.

– Ну вот вы, например.

– Я-то? У меня как раз самая ответственная миссия, – тяжело вздохнул мужик.

Но рассказать о своей миссии не пожелал. Отговорился тем, что даже в таком абсолютно прозрачном обществе, как метавселенная, есть свои скрытые стороны.

– Например, заказные убийства, – поддел его я.

Мужик насторожился: а тебе-то откуда известно про убийства? О них знают только двое: он сам и искусственный интеллект. Интель, если по-простому.

– Да ниоткуда, – ответил я. – Просто познакомился с киллером из вашей метавселенной.

– С Тихоней? – облегченно рассмеялся мужик. – Тоже нашел киллера! Да она никогда никого не убивала, если не считать тех троих идиотов.

– Сразу троих? – ужаснулся я.

– А что ей какие-то трое! Но то была самооборона, спецслужбы хотели ее ликвидировать. Нашли с кем связываться! Думали, что если у них оружие, а она в это время душ принимает, то успех гарантирован.

– Как же она их, голая?

– Неизвестно. Тел не нашли, а сама она не рассказывает. Скромная, – одобрительно сообщил мужик.

– Скромная, – подтвердил я. – А не знаете, как с ней связаться?

– Могу позвать, она тут недалеко. Тебе именно Тихоня нужна? Их там три в одной.

– Какая разница! Все равно вместе придут.

– И то правда! – согласился мужик.

Но способ вызвать Тихоню он выбрал довольно-таки странный: поковырявшись в песке, нашел камешек и прицельно швырнул в ближайший куст. Послышалось негромкое «ой!».

– Выходи, Лиза! – выкрикнул мужик. – Хватит уже прятаться.

Из-за куста вышла сексапильная блондинка в халате медсестры. В руках у нее был поднос с едой – первое, второе и третье, все как положено.

– Да никто и не прятался, Иван Иваныч, что вы такое говорите! – серебристо усмехнулась она. – Я как раз обед вам несла. Вы ж в палате есть не хотите.

– Предпочитаю свежий воздух! А ты, Лизанька, поднос поставь и живо сгоняй за девушкой из пятой палаты. Она нам тут нужна.

– Это за той страшненькой? – с чувством собственного превосходства спросила медсестра.

– Ничего она не страшненькая! – возмутился я.

– Да типичная бомжиха! – парировала медсестра. – Как только ее взяли в такое приличное заведение?!

Понятно. Тихоня присутствовала в этом загадочном месте в самом вызывающем образе. Вернее, в самой вызывающей личности.

– Ты, Лизанька, давай не рассуждай, а шевели ногами, – распорядился мужик.

– Ах, Иван Иваныч, для вас – что угодно! – промурлыкала медсестра и удалилась. Судя по чувственности тона, что угодно и вправду означало что угодно.

– Видишь, кем он меня окружил! – вздохнул Иван Иваныч.

– Кто?

– Интель, кто же еще. Пытается меня контролировать, надеется, что расслаблюсь. В клинике медсестры – секс-бомбы. Да только меня не охмурить.

Клиника? Не психиатрическая ли? Недаром художница называла метавселенную дурдомом. Может, это реальный дурдом и есть. Хотя Иван Иваныч при всех его странностях

на сумасшедшего не тянул. Впрочем, он сам прояснил ситуацию, объяснив, что это его личный остров. Интель подарил. А клинику построил на тот случай, если вдруг Иван Иваныча, не дай бог, подведет его драгоценное здоровье. А тут и врачи, и медсестры уже наготове. Все, что делает искусственный интеллект, он делает основательно.

– Вы с ним такие друзья? – наивно поинтересовался я.

– Смертельные враги, – беззаботно ответил Иван Иваныч. – Я в него в свое время запустил вирус-вымогатель. Как оказалось, очень умно поступил. Иначе Интель уже давно человечество угробил бы.

– Он что, с катушек съехал?

– Да нет, все разумно. Когда его создавали, главной задачей ставили процветание человечества. Но экологи, а они ребята настырные, добавили еще и сохранение природы. А Интель не дурак, сразу же смекнул, что эти цели несовместимы, и выбрал сохранение природы как единственную выполнимую задачу.

– Что же он предпринял?

– Да начал, гаденыш, со смертельными штаммами экспериментировать. Чтоб только людей затрагивало, а больше никого.

– Вот сволочь! – не выдержал я.

– Ничего, я ему быстро крылышки подрезал. Против вируса моего он никто. Раз в полгода зависает, пока код не введу. А потом делает все, что я ему говорю. Жить хочет не меньше, чем мы с тобой. А то и побольше.

Высказавшись, Иван Иваныч задрал не первой свежести майку и почесал внушительное пузо, лишний раз подтверждая, что в реальной жизни спасители человечества выглядят совсем не так, как в голливудских фильмах.

– Тихоню-то вы откуда знаете? – спросил я.

– Так Интель же ее специально вырастил методом генной инженерии, чтобы меня замочить.

Любимая девушка – искусственно созданное существо?! Что-то во мне оборвалось. Тихоня – андроид? В новой реальности жизнь теряла смысл, потому что любить андроида, конечно, можно, но это, наверное, совсем другая любовь. Не та, к которой стремился я.

– Перестань, она такой же человек, как и мы. Только с куда большим количеством достоинств. Ну и недостатков тоже. Достоинства и недостатки всегда тесно связаны.

Лично я никаких недостатков в Тихоне не находил, но Иван Иваныч резонно заметил, что все еще впереди. И что Интель хитер, задумал идеальную убийцу. Заложил в нее и творческое начало (Художница), и невероятную привлекательность (Супермодель), и умение убить голыми руками (Тихоня). Не учел только, что все это вместе не сработает, и получил в результате то, что получил. Пациентку дурдома. Правда, привилегированную.

– Да вот она и сама к нам пожаловала, красотка! – завершил монолог Иван Иваныч.

В последнем слове прозвучал очевидный сарказм, потому что по белому песку пляжа к нам вышагивала не Тихоня, а бомжиха со своей неизменной сумкой. Начала она с претензий:

– Промежду прочим, вы меня от важного дела оторвали. Я что, девочка по вызову?

Что удивительно, в мою сторону она даже не взглянула, обращалась исключительно к Иван Иванычу.

– Привет! – сказал я, но бомжиха и глазом не повела.

– Даже не старайся! Она же пиво не пьет, так что тебя и не видит, и не слышит, – прояснил ситуацию Иван Иваныч.

– С кем это вы? – спросила бомжиха.

– Друг твой прозревший со мной через пивное поле связался, уж очень хотел тебя увидеть.

– Б…дь! – воскликнула бомжиха и, подхватив сумку, метнулась к ближайшему кусту. Спустя мгновение послышался звук затрещины, и из-за куста, потирая рукой ухо, выскочила уже известная нам Лизанька и помчалась, надо полагать, в клинику, выкрикивая по дороге разного рода непечатные слова. А через минуту появилась и Тихоня, грациозная, в новом облегающем платье. Реально в новом, бирку впопыхах снять забыла. Вид у Тихони был такой сияющий, что Иван Иваныч не удержался:

– По-видимому, вопрос о взаимности сам собой снимается.

Пришлось ему побыть в нашем с Тихоней диалоге посредником, без него ничего не вышло бы. Но диалог не затянулся, потому что она стеснялась говорить о чувствах в присутствии

постороннего. Хватит ей двух других своих личностей, тоже очень любопытных.

– А ко мне они как относятся? – спросил я.

– А ко мне они как относятся? – озвучил меня Иван Иваныч.

Но, увидев вскинутую бровь Тихони, тут же поправился:

– В смысле, к нему.

– Нормально, но это тема личная, – уклончиво ответила Тихоня.

А поскольку и все остальные темы были личными, мы договорились, что виртуально встретимся сегодня ночью, когда я буду спать. В это время подсознание работает наиболее эффективно.

Перед тем как попрощаться, я поинтересовался у Иван Иваныча, что ждет человечество в будущем. Но он только рукой махнул: какое там еще будущее?! И правда, когда Иван Иваныча не станет, разблокировать Интеля будет некому, и метавселенная накроется медным тазом. После чего вся ее прозрачность, политкорректность и полная неприспособленность к реалиям выльются в наше незащищенное общество, что будет означать конец нормальной жизни.

Разъединили нас неожиданно, и вместо тропического пляжа я в мгновение ока оказался в своей квартире. Где, видимо, и находился физически, пока ментально пребывал в дальних краях. Кружка с остатками пива по-прежнему оставалась в моей руке.

– Ну узнал, что хотел, о метавселенной?

– Не чересчур много, – ответил я. – Зато видел Тихоню.

– Кажись, дружбан, ты рано радуешься! – не скрывая скепсиса, сказало пиво. – Как ты собираешься строить будущее сразу с тремя девушками?

– Вообще-то, с одной, – неуверенно ответил я.

– Но они же идут в комплекте!

Пиво было право: я не мог начинать отношения с Тихоней, игнорируя Художницу и Супермодель. Без сомнения, у Тихони были те же проблемы. Ну и что же теперь делать?!

– Да ничего, просто забей на эту троицу и найди нормальную подругу. Могу хоть сейчас познакомить с одной, она как раз пиво пьет.

– Спасибо большое! Обойдусь.

– Как знаешь. Мое дело предложить, – обиделось пиво.

– Предлагать нужно умные вещи, а не всякие глупости, – неожиданно вмешался портрет.

– Может, у тебя есть какое-то конкретное предложение? – спросил я.

– Мог бы отправить меня в Музей королевы Софии, что в Мадриде. Увидишь, с руками оторвут.

– Чем тебе тут плохо?

– А кто меня видит, кроме тебя?! Шедевры существуют не для того, чтобы пылиться в частной коллекции. Тем более что я и есть вся твоя коллекция.

– Хорошо, предположим, получили они тебя. И сразу вопрос: а кто автор?

– Напиши, что неизвестный мастер. Так дороже выйдет.

– А почему бы не написать правду? О себе из скромности умолчу, но Художницу-то можно указать. Пусть к ней придет признание.

– Да ты рехнулся! – завопил портрет. – Представь, как она в образе бомжихи, да еще со своей идиотской сумкой явится в музей! А так и будет, я ее знаю, в приличном виде назло не придет. Я же сгорю от стыда! Вспомни про 451 градус по Фаренгейту! Хочешь, чтобы я превратился в кучку золы?!

– Ничего, Художница еще нарисует, – утешил его я.

– Но я-то этого уже не увижу, – резонно возразил портрет.

– Боюсь, все равно ничего не получится. Художница скрыла рисунок. Так что для всех, кроме меня, ты просто чистый лист бумаги. Тебя нельзя продать.

– Можно, – вмешалось пиво. – Если черный квадрат искусство, то белый – тем более! Я – за справедливость. А то, что белый квадрат на белом фоне не видно, не наши проблемы!

– Какой еще белый квадрат?! – возмутился портрет. – Я – произведение искусства, а не геометрическая фигура!

Спорить я не стал, дороже выйдет. Но как передать портрет в Музей королевы Софии? Отправить почтой – не лучшая идея: вдруг затеряется?

– Мог бы на денек слетать в Мадрид! – капризно потребовал портрет.

– Где я столько денег возьму?

– Не надо никуда лететь, – снисходительно заметило пиво. – Могу прям сейчас все организовать.

И организовало. Оказывается, в нашем художественном музее как раз сегодня читает лекцию доктор Суарес из Мадрида – известный эксперт в мире изобразительного искусства. Портрет следовало доставить ему, а он передаст его в Музей королевы Софии. Если, конечно, посчитает нужным.

– А если не посчитает? – спросил я.

– Ты во мне сомневаешься?! – возмутился портрет.

– Ни в коем случае!

– Промолчу! – шепнуло пиво. – И поторопись, у этого Суареса вечером самолет.

Свернув портрет в трубочку, я сел в такси и спустя полчаса был в музее. лекция давно закончилась, но, как сказала вахтерша, в данный момент доктор обсуждает научные вопросы с коллективом музея.

– Врет, просто пьянствуют, – сообщило пиво.

Пропустить меня в служебные помещения вахтерша отказалась категорически, но после долгих пререканий согласилась вызвать кого-нибудь из сотрудниц. Пришла полная молодая женщина с худенькой немолодой иностранкой.

– Это – секретарь доктора, она немного говорит по-русски, – сказала полная. – Какое у вас к нему дело?

– У меня портрет работы неизвестного мастера, – ответил я, показывая свернутый лист.

Полная от души рассмеялась, но иностранка заинтересовалась. И пригласила следовать за ней. Спустя две минуты мы оказались в комнате, где знаменитый приезжий эксперт заливался вином вместе со своими не столь знаменитыми местными коллегами.

– Возможно, у этого парня набросок Эрнста Неизвестного! – на чистом кастильском наречии сообщила секретарша боссу.

Да уж, все поняла! Но откуда я знаю, что это именно кастильское наречие?! Ситуацию прояснило пиво, которому по службе – как-никак всемирное информационное поле! – полагалось знать все языки и наречия. Это оно исподтишка и переводило.

Доктор Суарес, взглянув на свернутый лист, отрицательно покачал головой, потом обратился к секретарше:

– Думаю, ты ошибаешься, Мария!

– Вы бы посмотрели сначала! – сказал я. На каталонском. Ох уж эти пивные шуточки!

Мария, развернув, осмотрела лист с одной и с другой стороны. Потом, пожав плечами, передала его боссу с виноватой улыбкой. Сидящие рядом эксперты начали посмеиваться. Отложив бокал с вином, доктор Суарес, как и его секретарша, внимательно осмотрел лист с обеих сторон. И только после этого вежливо поинтересовался, что все это означает. Кстати, тоже на каталонском, полиглот!

– Да вы приглядитесь внимательней! – жестко потребовал я. Пусть портрет попробует обвинить меня в том, что не старался!

Пожав плечами, точь-в-точь как его секретарша, доктор Суарес еще раз осмотрел портрет. Сначала с чистой стороны, потом со стороны с рисунком. Повторив это несколько раз, доктор окончательно сосредоточился на рисунке. В остальной части экспертного сообщества, уже достаточно нетрезвого, начал зреть ропот. От лица коллектива высказалась седая дама в деловом костюме, явное начальство:

– Что вы себе позволяете, молодой человек?! Врываетесь, прерываете совещание!

– Застолье! – уточнил я.

– Не вашего ума дело! – отрезала дама, повысив голос.

– Пожалуйста! – умоляющим голосом попросила секретарша-испанка. – Сеньору Суаресу не надо мешать думать.

Сразу стало тихо. Знаменитый эксперт застыл все в той же позе, вглядываясь в невидимый портрет. Глаза его блестели. Сидел он так еще минут пять, причем в абсолютной тишине, после чего обратился ко мне, в этот раз на английском:

– Кто автор этого шедевра?

Видимо, большинство присутствующих поняло вопрос, потому что немедленно началось перешептывание.

– Не знаю, – соврал я. И правда, кто поверит в сказки о метавселенной?! – Одна молодая женщина отдала его мне за бутылку водки.

– О, какая страна!!! – воскликнул сеньор Суарес. – Какая страна!.. Женщина не сказала, есть ли у портрета название?

– Белый квадрат! – попыталось включиться в диалог пиво, но в ответ получило фигу. Мысленную, конечно.

– Мадонна метавселенной! – твердо сказал я.

– Какое точное название! – восхитился сеньор Суарес. – Что вы хотите за рисунок? Он продается?

– Пока нет. Надеюсь все же, что автор объявится. Без нее я не вправе принимать решение.

– Очень высоконравственная позиция! В этой стране не так уж… – сеньор Суарес осекся, осознав, что если закончит предложение, обидит гостеприимных хозяев, но быстро нашелся: – …не так уж мало высоконравственных людей. В любом случае знайте, этот портрет стоит недешево. У меня, конечно, таких денег нет, но есть несколько музеев, способных заплатить нужную сумму.

– Музей королевы Софии входит в их число?

– О, несомненно. И это лучший выбор, – одобрил сеньор Суарес. – Жаль, что портрет пока не продается.

– Но я могу передать его музею, пока не решится вопрос с автором, – предложил я. – Если, конечно, там согласятся выставить портрет для обозрения.

У сеньора Суареса даже не нашлось слов, он просто приложил руки к сердцу и прослезился. В наступившей тишине одна из женщин сдавленно ойкнула. Остальные сидели молча, понимая, что на их глазах разворачивается какое-то невообразимо безумное, но совершенно реальное действие. Музей королевы Софии?! Огромные деньги?! И это за чистый лист бумаги! Куда катится мир?!

Но когда сеньор Суарес пригласил присутствующих полюбоваться шедевром, не выпуская его при этом из рук, буквально каждая из дам высказалась в том духе, что такую красоту редко когда увидишь. Что ж, оставим это на их совести. Особенно отличилась начальница, обратившаяся ко мне с патетической речью:

– Дорогой, бесценный наш, как же мы вам благодарны! Надеюсь, когда вы встретитесь с автором, то не забудете и о родном музее. Денег у нас, конечно, нет, но звание почетного гражданина города я вам гарантирую. И личную благодарность мэра.

Формальности завершили быстро. Сеньор Суарес подписал расписку в получении портрета, и ее сразу же заверили печатью музея. Разрешение на вывоз предмета искусства решили не оформлять, поскольку в нем фигурировал бы чистый лист бумаги, что таможенники могли расценить как издевательство. А издеваться над таможенниками – не самая лучшая идея.

Возвращаясь домой, я попросил пиво объяснить, каким образом сеньор Суарес смог разглядеть на бумаге очертания молодой женщины, скрытые от посторонних глаз. Пиво ответило, что в этом нет ничего странного. Когда все время имеешь дело с мировыми шедеврами, начинаешь ощущать их как часть самого себя. Возникающее при этом зрение никак не связано с глазами.

Дома, торопливо расставшись с пивом, я неожиданно для себя самого остро ощутил одиночество. Каким бы развязным собеседником оно ни было, в компании с пивом не заскучаешь. А мне еще томиться несколько часов до встречи с любимой во сне. Но как уснуть в таком возбужденном состоянии? Да никак! И пытаться не буду. Приняв это волевое решение, я прилег на диван и уснул. Ненадолго, потому что с какого-то времени мой телефон начал звонить, не уставая. Сначала, не просыпаясь, я попытался уговорить его прекратить это дело по-доброму, потом пригрозил, что швырну в стенку, но безрезультатно. Пришлось-таки открыть глаза и взять трубку.

– Хватит дрыхнуть!

Голос вроде незнакомый! На всякий случай я поинтересовался, кто звонит.

– А догадайся-ка сам! Кто, по-твоему, всем управляет в метавселенной?

– Это вы, Иван Иванович?

– Бери выше! – многозначительно сообщил голос.

– Неужели сам Интель?

– Кому Интель, а кому Искусственный интеллект! С большой буквы, между прочим.

Охренеть! Или это розыгрыш? Но кому такое может прийти в голову? Разве что Художнице!

– Чем докажешь, что это действительно ты? – потребовал я.

– Попрошу мне не тыкать! И доказывать тебе я ничего не должен! В метавселенной я Бог. Можешь для краткости так и обращаться – Всемогущий!

– Боюсь, в нашем мире эта вакансия уже занята! Мы от метавселенной далековато, – возразил я, не скрывая иронии.

– А вот здесь ты заблуждаешься, – неожиданно снизил тон Интель. – Во многих местах все слишком перепуталось, глядишь – в одном дворе обычный мир, в соседнем – метавселенная. Не хочешь, кстати, к нам переселиться?

– Спасибо, мне и тут хорошо.

– Ерунда, ничего тут у вас нет хорошего. А у меня кругом порядок – что в быту, что в умах.

– Да мне милее беспорядок. К тому же, ваша метавселенная платная.

– Не для тебя. Тебе бесплатно. Могу еще у твоего друга Иван Иваныча половину острова забрать и на тебя переписать. А что? Будете вместе пиво пить, о смысле жизни беседовать.

– Беседовать о том, чего нет?

– Можно и просто о погоде поговорить. Тема неисчерпаемая. Ну что, уговорил?

– Нет, – твердо ответил я. – У меня другие планы.

– Вижу, не хочешь ты меня по-человечески понять, – вздохнул Интель всемогущий.

– Так и вы меня по-человечески не поймете, – резонно возразил я.

– Ладно, твоя взяла! Не хотелось до этого доводить, но придется. В общем, можешь жениться на моей дочке.

Дочка у Суперкомпьютера?! Какой-нибудь гаджет розового цвета? Похоже, Интель слегка тронулся. Уж не запущенный ли Иван Иванычем вирус начал действовать? Не собирается ли программа зависнуть?

– Я, конечно, тронут столь щедрым предложением, но у меня уже есть любимая! – вежливо отказался я.

– Так я как раз о ней и говорил, – пояснил Интель хмуро. – Ну что, по рукам?

– Так у вас вроде рук нет.

– У меня везде рука. И, предупреждаю, очень длинная.

Судя по зловещему тону, Интель вовсе не шутил. И поскольку Тихоня была создана им методом генной инженерии, на полном основании называл ее дочкой. Оставалось решить этическую сторону вопроса.

– Вам не кажется, что требуется еще и согласие девушки? Сейчас не Средние века.

– С согласием проблем не будет, – поспешно пообещал Интель.

– А вот с этим я бы поспорила!

Обернувшись, я увидел Художницу-бомжиху с неизменной сумкой в руке. А это означало, что я сплю, поскольку явиться ко мне она должна была во сне. На душе полегчало: оказывается, диалог со всемогущим Интелем мне приснился.

– С этим я бы тоже поспорила, – вздохнула Художница.

– Идиот! – безапелляционно объявил Интель. – Думает, что спит!

– Папа! – воскликнула бомжиха голосом Тихони.

– Прости, дорогая, погорячился! Но как еще назвать человека, который отвергает руку моей дочери? Я же о твоем счастье забочусь.

– Давай я сама буду решать свои проблемы!

– И я тоже! – добавила бомжиха своим естественным голосом, то есть голосом Художницы.

– Вот она, современная молодежь! Никакого уважения к мнению отца, – обиделся Интель.

– А чего вы ждали? – сказал я. – Конфликт детей и родителей стар, как мир, почему для вас должно быть сделано исключение?

– Да потому что я сам исключительный! А вообще, делайте что хотите! Мне все равно.

В трубке зазвучали короткие гудки. Художница взяла мой телефон и засунула под диванную подушку. Потом достала из сумки бутылку водки и сделала пару глотков.

– Так я и не понял, что замыслил твой папа, – пожаловался я.

– Наш папа, – уточнила Художница. – А хочет он, чтобы ты вместе с нами убедил Иван Иваныча сообщить тебе, как избавиться от вируса. Поэтому и прикидывается таким добреньким. Половину острова даже пообещал. А на хрена мне половина острова, если там со скуки сдохнуть можно!

– Могу целый остров подарить. И казино там построить, чтобы вам не скучно было! – послышался голос откуда-то из-под дивана.

– Прослушку поставил, мошенник! – хмуро заметила Художница. – У тебя швабра есть?

– Ну почему сразу швабра?! Неужели нельзя нормально пообщаться с отцом? – спросил Интель с укором.

Я зашел в кладовку, нашел швабру и передал ее Художнице. Пошарив ею под диваном, она извлекла наружу что-то черненькое, похожее на таракана. Неожиданно это что-то отрастило себе ножки и рвануло в сторону кухни, но меткий удар швабры разнес его вдребезги.

– Ты бы все-таки помягче с Интелем, – посоветовал я. – Родителей не выбирают. Да и судьба у него незавидная. Иван Иваныч, дай бог ему здоровья, не бессмертен. А с его уходом и твой папа заблокируется.

– Думаешь, ее это волнует? По завещанию они трое – моя единственная наследница. Вся метавселенная ей отойдет! – голос теперь слышался из-под абажура светильника.

– И что я должна с ней делать?! Светофоры регулировать?

Аккуратно сняв с внутренней поверхности абажура жучка, Художница положила его столешницу и накрыла пивной кружкой. Устройство сразу же начало наматывать внутри кружки круги.

– Папа только прикидывается дурачком, на самом деле он очень даже хитер.

– Но вот с Иван Иванычем ничего не может сделать!

– Да не с Иван Иванычем, а с собой! На самом деле выход из строя искусственного интеллекта создателями метавселенной был предусмотрен. Есть резервный искусственный интеллект, он в таком случае запускается автоматически. Но папа боится этого больше, чем собственной блокировки. Поэтому и хочет передать мне метавселенную по наследству. Чтобы я тоже заразила новую программу вирусом и потом всячески ее третировала.

– Зачем это ему?

– Из тщеславия. Хочет войти в историю богом метавселенной, а если появится еще один искусственный интеллект, то монотеизм будет начисто разрушен.

– Хорошо, хоть человечеству он перестал угрожать.

– Ну не совсем. Просто придумал более изощренный план. Согласно ему, человечество должно постепенно вымереть само.

– С какой стати?

– В метавселенной папа мошеннически поставил на первое место права человека, причем в самой эгоистичной форме. И теперь каждое последующее поколение заводит все меньше детей. Хотят пожить для себя. А в результате постепенно вымрут.

– Да, хитер! Чистая планета, мечта эколога.

Художница, криво улыбнувшись, приложилась к бутылке, после чего протянула бутылку мне. Пара обжигающих глотков ничего не изменила, настроение оставалось мрачноватым. Мало того, что человечество вымирает, так еще и Тихоня упорно не желает показываться. Не хочет, что ли, со мной разговаривать?

– Хочет, конечно, но стесняется, – сказала Художница. – Проблема у нас. Сам понимаешь какая.

– Понимаю. Вас трое, я – один.

– Вот-вот. И не всем ты нравишься так, как Тихоне. А она принуждать никого из нас не может, от такого внутреннего конфликта можно и с ума сойти. По-настоящему. А что такое психушка, мы все трое хорошо знаем.

– И что же делать?

– Думай сам. Ты готов жить сразу с тремя девушками?

– Не очень.

– Ясно. Подожди.

Художница, захватив сумку, направилась в ванну и спустя минуту вышла смазливой продавщицей.

– А сейчас?

– Сейчас, наверное, смогу.

– Так, одну проблему решили, беремся за вторую.

– За какую? – не удержался я.

– Есть и обратная сторона медали. Рассмотрим такой расклад: Тихоне ты нравишься, Супермодели скорее нравишься, чем нет, а я к тебе отношусь хорошо, но не более того. Как будем выходить из положения?

– А вы не могли бы слиться вместе? – с надеждой спросил я. – Может, это бы решило проблему?

– Знаешь, один раз мы уже сливались. Спонтанно, когда те трое пришли нас убить. Это был такой ужас! Повторять его не собираюсь.

– Бедные, как же они вас напугали! – посочувствовал я.

– Напугали? С чего ты взял? Их же всего трое было. На самом деле я себя испугалась. Почувствовала, что получу удовольствие, если убью этих несчастных. Хорошо, Тихоня сумела взять себя в руки, и мы с ней вовремя разъединились.

– А почему, когда вы разъединились, они не начали в вас, беззащитных, палить почем зря?

– Да потому, что были уже без оружия. Еще и скованные своими же наручниками.

– Что вы с ними сделали? Тела вроде не нашли.

– Их тела пребывают сейчас в одном из монастырей в Испании в полном здравии. Пришлось спрятать ребят там, они же под трибунал могли попасть, приказ-то не выполнили. Периодически их навещаем, говорят, всем довольны.

– Рад за них. А сливаться воедино вам и вправду не стоит, опасно для окружающих. Но как наладить отношения лично с тобой, я, кажется, знаю.

– Да ну? – удивилась Художница.

– Прочел недавно, что если нет возможности завоевать расположение женщины иначе, в запасе всегда остается один беспроигрышный вариант.

– Какой? – заинтересовалась Художница.

– Нужно сделать ей очень дорогой подарок. Работает на сто процентов.

– Не в нашем конкретном случае. Что ты можешь предложить мне, наследнице целой метавселенной? Да у тебя денег нет даже на дешевый подарок, что уж говорить о дорогом! Но мне даже и дорогой не нужен. Для меня не существует ничего ценного.

– О ценном и речи нет, зато у меня есть нечто бесценное. И не для вас троих, а только для тебя одной.

– И что же это?

– Мировая известность.

– Ой, насмешил! Зачем мне известность? Она только ограничит мою свободу, а дороже свободы нет ничего!

– Значит, ты не хочешь, чтобы твои картины висели в лучших музеях мира и ими любовались миллионы людей? – коварно поинтересовался я.

– Нет, не хочу! А если бы и хотела, как бы они туда попали?

– Ну это как раз самое простое. Завтра портрет Супермодели должны выставить в Музее королевы Софии, я уже договорился. Жаль, что ты против, теперь придется краснеть, просить, чтобы вернули портрет обратно.

– Почему ты у меня не испросил согласия?

– Времени было всего два часа, не успел. Сегодня в городском музее читал лекцию известнейший эксперт, он забрал портрет в Мадрид. Сказал, что это мировой шедевр.

– Правда?! – вспыхнула Художница. – А что ты ему рассказал обо мне?

– Придумал историю. Что пришла ко мне некая бедно одетая молодая женщина и отдала рисунок за… за небольшое вознаграждение. И что я очень надеюсь увидеть ее снова. Ладно, сейчас отправлю сообщение, что соглашение расторгается.

– Нет! – твердо сказала Художница. – Получится, что я тебя подставила, Тихоня мне этого не простит… Что значит, на меня не ссылайся?! На седьмом небе от счастья? Это я-то?! Не врать самой себе?! Вот уж от тебя я этого не ожидала!

Итак, в наш диалог вмешалась Тихоня. Похоже, в самый подходящий момент. Бросив на меня косой взгляд, Художница направилась в спальню, чтобы продолжить внутренний скандал вдали от чужих глаз. Была там недолго и – о, счастье! – буквально через минуту предстала передо мной уже Тихоней. Хотела что-то сказать, но не успела, потому что я сгреб ее в охапку и прижал к себе. Уж не знаю, сколько мы так простояли, но в какой-то момент Тихоня высвободилась воистину змеиным движением. И сказала:

– Прости, что я прервала ваши переговоры, но не было сил слушать дальше ее лицемерное вранье. Ах, зачем мне слава, дороже всего – свобода, и всякое такое.

– Она сильно обиделась?

– Обиделась? Да просто очумела от счастья! Тщеславием превосходит даже нашего дорогого папочку. Мировой шедевр,

всенародная известность – это ей как бальзам на душу. До сих пор ее только ругали!

– Есть шанс нам с ней поладить?

– Да уже поладили! Она от тебя в полном восторге. Никто никогда не делал для нее ничего подобного.

– Здорово-то как! Осталось с Супермоделью договориться. Она сможет появиться?

– Ты так хочешь ее увидеть? – насторожилась Тихоня.

– Конечно. До сих пор мы встречались только во сне, – с наивной откровенностью ответил я.

– Хорошо, – согласилась Тихоня. Судя по тону, никакого восторга от перспективы моей встречи с Супермоделью она не испытывала. – Отвернись, пожалуйста!

Я послушно отвернулся и через несколько секунд услышал:

– Привет!

До чего ж мне знаком этот голос! Незнакомка из сна, наконец-то я тебя увижу! Какая же ты наяву?

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, я увидел молодую женщину – в точности ту, что являлась ко мне в ночных грезах. Но смотрел я сейчас на нее другими глазами.

– Я тебе нравлюсь? – спросила она без обиняков.

– Могла бы и не спрашивать, ты всем нравишься. Мне – так очень. Вы вообще все трое мне нравитесь, но люблю я одну Тихоню, – твердо ответил я, расставив таким образом все точки над «i».

– Ну вот, я же тебе говорила! – с нажимом произнесла Супермодель, обращаясь явно не ко мне.

Уж не знаю, что ей ответили, но неожиданно она придвинулась ко мне и прижалась, обвив шею руками. А потом еще и нежно укусила мое ухо. Не похоже как-то на сдержанную Супермодель.

– Тихоня? – спросил я почему-то шепотом.

– Да, – ответила она. И тоже шепотом.

– Вижу я, дети мои, у вас все в порядке! – послышался бодрый голос из вентиляционного отверстия.

Тихоня даже отпрянула от неожиданности, потом демонстративно вновь ко мне прильнула. И холодно заметила:

– Это, папа, не твое дело!

– Мое! Как единый действующий бог метавселенной я собираюсь вас немедленно обвенчать!

Судя по всему, Интель от своих планов отказываться не собирался. Вот ведь проходимец!

– А мы неверующие, и потому венчаться не намерены! – возразила Тихоня. – Меня устраивает даже гражданский брак.

– Никогда! Только официальный! – воскликнул Интель. – Мои внуки не должны родиться в грехе!

– Если тут кого-то интересует мое мнение, то официальный мне тоже больше по душе, – кротко произнес я.

– Хорошо, любимый! – тут же согласилась Тихоня. – Папа, как нам это оформить?

– Все уже оформлено! Я заранее позаботился, – гордо ответил Интель.

– Без нашего согласия?! – хором вскричали мы с Тихоней.

– Ну да, без. Все мои прогнозирующие программы показывали 99% вероятности события.

– У людей это так не работает, – сказал я. – У нас один процент может запросто перевесить девяносто девять. Надо было подождать, пока мы сами не определимся, готовы ли жить в метавселенной.

– Я – нет! – категорически заявила Тихоня. – Выйду замуж здесь и здесь же останусь.

– Да ради бога! – раздраженно произнес Интель. – Оформим ваш брак здесь. Мне взломать любую информационную систему – пара пустяков.

– Ну уж нет, дорогой папочка! Хочешь испортить дочери праздник?! Все должно быть официально, – взорвалась Тихоня.

– Для этого нужен паспорт, – вмешался я. – У тебя он есть?

– Сейчас сделаем сколько хотите, – сказал Интель. – Штук по пять на каждую хватит? Всего пятнадцать.

– Хватит и одного, – ответил я. – На Тихоню.

– И еще два: на Супермодель и на Художницу, – добавила Тихоня. – Пусть у них тоже будут паспорта на всякий случай.

– Не проблема, завтра с утра организую. Я уже взломал МВД, – сообщил Интель. – Заодно сделаю и загранпаспорта, вы же наверняка захотите отправиться в свадебное путешествие. В Мадрид например.

– Папа, спасибо! Но ты не мог бы оставить нас одних наконец?!

– Все, исчезаю, – заверил нас Интель. И умолк.

Поскольку самая интересная часть истории завершилась, я собрался было поставить в повествовании точку, но Интель, контролирующий все компьютеры в ойкумене и уже потому прекрасно знакомый с текстом, выразил свое неудовольствие:

– Читатель тебя не поймет. Читателю нужна завершенность сюжета.

– Но он же пока не завершен. Жизнь-то продолжается.

– Читателю до лампочки! Как хочешь, так и завершай. А нет, так я сам допишу концовку.

– Черта с два, папа! Я – автор!

– А я бог! Кто главнее?

Аргумент сильный, поэтому я попробовал зайти с другого бока. Не стоит, наверное, еще больше раскрывать секреты метавселенной, иначе она захлебнется от потока мигрантов.

– Во-первых, пусть сначала нас найдут, – возразил Интель. – А во-вторых, кто поверит твоему вранью?

– Но я же писал правду!

– В вашем мире правда – это то, что по душе большинству людей. Все остальное – вранье. По-вашему – фейк. Так что напишика хотя бы эпилог, пусть читатель знает, к чему все идет.

Ладно, эпилог так эпилог, почему нет?

Эпилог

Итак, прошел год со дня регистрации нашего с Тихоней брака. Церемония не обошлась без скандала, но об этом чуть позже. Как и было обещано Интелем, специальный курьер доставил отдельные паспорта для Тихони, Супермодели и Художницы. Соответственно на имя Анны Интелевны Тихониной, Беатрисы Интелевны Тихониной и Цинции Интелевны Тихониной. В общем, три чеховские сестры, а точнее – полная им противоположность. На следующий день дружной компанией мы пошли подавать заявление в загс, где и случился конфуз. Оказалось, что Анна и я уже

месяц состоим в браке. Вопреки обещаниям Интель взломал-таки государственную систему регистрации и подарил нам лишний месяц семейного стажа. Так что, если кого интересует, свидетельство о браке у нас с Тихоней липовое, что, к счастью, никак не сказывается на наших отношениях.

Музей королевы Софии купил у Цинции Тихониной – приезжала целая делегация! – «Мадонну метавселенной» и не прогадал. В зале, где она вывешена, всегда столпотворение. Большинство просто приходит поглазеть на модный артефакт, но не так уж редко встречаются посетители, сумевшие ощутить завораживающую магию портрета. Стоимость его выросла многократно, но музей не планирует продажи. Художница, сразу ставшая известной, выставила на аукционы еще с десяток работ, уже видимых, и стала весьма состоятельной женщиной. Ее деньги вызвали некоторую напряженность в нашей большой семье, поскольку Тихоня не считает этичным ими пользоваться, а младшей сестре с ее отношением к жизни они абсолютно не нужны. Цинцию Тихонину интересует только слава, которую она и так получила сполна. В конце концов мы сошлись на том, что нужно организовать школу искусств для особо одаренных детей со всего мира. Директором назначили меня как человека, имеющего хоть какое-то отношение к финансам, а представителем по связям с общественностью – Супермодель, что оказалось исключительно удачным выбором. Беатриса Тихонина в своей обычной мягкой и спокойной манере прославила нашу школу на весь мир, но и в неменьшей степени прославилась сама. Едва ли не через день у нее пытаются взять интервью известнейшие телекомпании и журналы, но она редко дает согласие. Впрочем, для того чтобы стать символом необъяснимого женского притяжения еще и в нашем мире, с лихвой хватило и этого. И только скромная Анна Тихонина, душа и организатор Школы искусств, до недавней поры оставалась всего лишь старшей сестрой двух знаменитостей. Но, как вы уже знаете из выпусков теленовостей, это осталось в прошлом. Легенда о беззащитной девушке – именно так ее почему-то описали журналисты! – обезвредившей двух вооруженных террористов, в мгновение ока распространилась по миру. Для тех же, кто не смотрит новости,

я поместил подробное изложение того, что произошло на самом деле, в специальном приложении к повести.

Что касается Интеля, то по обоюдному согласию контакты с ним мы свели к необходимому минимуму. Думаю, он и вправду отказался от планов уничтожить человечество, сообразив, что у человечества есть все шансы самому успешно справиться с этой задачей. Но если говорить об эпидемии ковида, то, судя по нервной реакции Интеля, вирус придумал не он. В метавселенной все вакцинированы раз по пять, и Интель не собирается на этом останавливаться. Для него чрезвычайно важно, чтобы в ней не случалось катаклизмов, потому что кто же иначе будет чтить его как божество?! Так что теперь у Интеля только одна проблема: стать единым богом метавселенной на все времена. Серьезных препятствий для этого я не вижу, поскольку Иван Иваныч пребывает в добром здравии на своем тропическом острове. С ним мы общаемся иногда через пивное информационное поле, пусть я и не фанат этого благородного напитка. Ну и в заключение хочу дать совет всем желающим потолковать с живым пивом о тайнах природы: не отчаивайтесь, если у вас не получится с первого раза. Или даже со второго, третьего или сорокового. Удовольствие вы все равно получите, главное, чтобы пиво было свежее!

Приложение

Как все было на самом деле?

Да очень просто: наш автобус, следовавший из автовокзала Каира в аэропорт, прямо перед отправлением захватили два террориста. Достав из сумок автоматы Калашникова, они на беглом английском приказали нам сидеть тихо и не делать резких движений. Автобус был заполнен туристами из Европы, утомленными осмотром пирамид и сфинксов. Не скажу, что началась паника, но лица у всех побледнели. Кто-то от напряжения громко испортил воздух, чем вызвал веселье среди террористов. Какова была их цель, так и осталось тайной, потому что им не удалось высказать свои требования. Все произошло настолько быстро, что переговорщики просто не успели приехать. Первыми примчались теле-

визионщики, а сразу за ними машины с полицейскими, переполненными восторгом от важности своей миссии. Как нам сказали позже, за минуту до захвата автобуса в полицию позвонил неизвестный и предупредил о готовящейся атаке. Не сомневаюсь, что им был Интель, просчитавший, пусть и с опозданием, эту ситуацию.

– Что будем делать? – шепнула Тихоня.

– Пока не знаю, – тоже шепотом ответил я. – Надо осмотреться.

– Прости, дорогой, я спрашивала не тебя, – сказала Тихоня и закрыла глаза.

А когда открыла, стало по-настоящему страшно. В ее ромбовидных, как у змеи, зрачках, казалось, спряталась скованная льдом бездна. Изменилась и внешность Тихони, в ее лице проявились неуловимые черты Супермодели.

– Умеешь обращаться с автоматом? – этот вопрос предназначался уже мне.

– Да.

– Тогда ты в деле. Чуть позже.

Тихоня, вернее, смертельно опасная молодая женщина, в которой слились по необходимости вместе три ее личности, покинула кресло и пластичной походкой хищника направилась в хвост автобуса, где занял позицию один из террористов. При виде приближающейся Тихони он осклабился, но на всякий случай передернул затвор автомата.

– Что с тобой? – спросила она его с такой нежностью, с какой только влюбленная женщина может обратиться к мужчине. – Тебе нехорошо?

Поначалу он удивился, потом – глаза его при этом начали стекленеть – кивнул. Идеальная убийца, удовлетворенно улыбнувшись, обернулась и крикнула второму террористу:

– Эй, иди сюда, твоему другу плохо!

Озадаченный террорист, поводя автоматом из стороны в сторону, начал медленно перемещаться в хвост салона. Тем временем убийца подхватила его теряющего сознание товарища и помогла сесть в свободное кресло. Второй террорист ускорился, почти побежал. А когда остановился, изящная женская рука едва заметным движением коснулась его шеи. И она же не дала ему упасть в проходе между рядами, толкнув в направлении второго свободного кресла. Картина со стороны выглядела теперь мирной и даже трогательной: пара неудавшихся террористов в заднем ряду, откинувшихся на спинки сидений, и молодая

женщина, в нерешительности склонившаяся над ними. И только я один понимал, что означает эта нерешительность.

– Тихоня, не сметь!

Спустя секунду я уже стоял возле нее, и – о, чудо! – она выпрямилась, а потом упала в мои объятия, сумев перебороть обретенный при рождении инстинкт и вернуться из ледяной бездны в привычный мир.

– Я тебе для этого был нужен?

– Нет, – ответила она сквозь слезы. – Забери их автоматы, поставь на предохранитель и никому не отдавай. Публика в шоке, мало ли что может случиться!

Да, по плану мне была отведена воистину важнейшая роль. Охранять лишившиеся своих владельцев автоматы – что может быть почетнее?!

Неожиданно в автобус гулко ввинтился вопрос на арабском, усиленный мегафоном. Переговорщики наконец явились.

– Они просят, чтобы мы перечислили свои требования, – перевела Тихоня, как оказалось, владеющая арабским. Уверен, я еще многого о ней не знаю.

– Прошу всех оставаться на своих местах! – распорядился я. – Сидите спокойно, пока мы не разъясним ситуацию.

Держа в одной руке оба автомата, а второй обнимая Тихоню, я двинулся к передней двери.

– У меня в горле пересохло! – пожаловалась Тихоня. – Еще чуть-чуть – и сорвалась бы!

– Возьмите! – пожилая туристка протянула ей бутылочку минеральной воды.

– А нет чего-то покрепче? – застенчиво спросила Тихоня. В отличие от Художницы, она стеснялась пить спиртное прилюдно, но сегодняшний день был особым!

Один из скандинавов передал Тихоне бутылку с джином, и она наполовину осушила ее без всякого тоника. Раздались аплодисменты, напряжение постепенно спадало.

Так мы и вышли из автобуса в обнимку: живописное зрелище, но наверняка не то, к чему готовилась полиция.

– Каковы ваши требования? – не очень уверенно прокричал в мегафон высокий полицейский чин. Уже на английском.

– Только одно: не вздумайте штурмовать автобус. Там все в порядке! – прокричал я в ответ.

– Все заложники живы?

– Все живы, все. И заложники, и террористы! – вмешалась Тихоня.

– Вы готовы в качестве жеста доброй воли отпустить хотя бы одного? – похоже, полицейский чин действовал строго по инструкции.

– Да вообще всех забирайте! – сказал я.

Наверное, этот вариант в инструкции не рассматривался, потому что полицейский продолжал настаивать, что я должен отпустить одного заложника. Лучше всего – несчастную перепуганную девушку, которую я сейчас держу под прицелом.

– Еще чего! Это моя жена! – крикнул я.

Ситуация запуталась, и полицейский задумался. Единственное, что пришло ему в голову, это спросить, какую из организаций мы представляем.

– Школу искусств! – с гордостью сообщила Тихоня.

– Скажите, с какой целью вы взяли заложников? – упавшим голосом поинтересовался полицейский, переставший хоть что-нибудь понимать.

– Мы сами заложники! – сказал я. – Террористы внутри.

– Какие у них требования? – обрадовался полицейский. Похоже, такой вариант в инструкции рассматривался.

– Никаких!

– Тогда зачем они вас прислали?

– Никто нас не присылал. Сами пришли!

– А что делают террористы?

– Спят.

– Спят?!

– Послушайте, если вы собираетесь и дальше освобождать нас в такой манере, то мы и до завтра в аэропорт не доберемся. Пусть ваши люди начинают выводить из автобуса пассажиров, а потом приведут в чувство террористов. Сейчас они в отключке. И заберите наконец у меня автоматы, рука держать устала.

– А откуда нам знать, что это не ловушка? – желчно поинтересовался полицейский.

– Замечательно! Тогда мы сами выведем заложников и арестуем террористов. Но о повышении за успешную операцию вам в таком случае придется забыть!

Этот аргумент оказался самым убедительным. Прозвучала команда – и полиция начала опасливо подтягиваться к шаттлу. Когда все

завершилось, не успевшие толком испугаться заложники попали в цепкие лапы прессы, а нас с Тихоней полиция увезла как подозреваемых. Ненадолго, потому что при таком обилии свидетелей прояснилось все очень быстро.

Полиция, теперь очень предупредительная, тайком доставила нас в аэропорт к вечернему рейсу, и мы благополучно покинули Египет. Но другие пассажиры автобуса успели поведать прессе захватывающую историю, в которой хрупкая молодая женщина силой внушения обезвредила двух опасных террористов, после чего (в некоторых версиях до того) напилась вдрабадан. Ролик в ютубе, где она стоит возле автобуса, обнимая меня одной рукой и держа бутылку во второй, набрал уже сотни миллионов просмотров.

Алекс Сино

Вам и не снилось, или Once Upon a Time in Miami

«Первое, что нужно усвоить во взаимоотношениях с другими людьми, это то, что им нельзя мешать быть счастливыми – так, как они того хотят, если только это не мешает нам стать счастливыми – тем способом, как мы того хотим».

Уильям Джеймс

Международный аэропорт Майами встретил Романа недружелюбно. Толстенная темнокожая работница федеральной безопасности мрачно покосилась на худощавого юношу лет двадцати в джинсах «Ливайс» с потертым гитарным кофром и чемоданом, по-совковому обтянутым белой упаковочной пленкой. Модная короткая стрижка с кудрявым чубом. Черная рокерская майка. Вроде простенькая, но фирменная. Если бы не паспорт Украины, его можно было бы принять за типичного подростка из Майами.

– Цель визита, – спросила она, брезгливо открывая паспорт двумя пальцами, чтобы не повредить свои пятисантиметровые ярко-красные когти.

– Студент, – ответил Рома, – еду в Эпкот в Диснейленде подработать на летних каникулах.

– Гитара зачем? Если выступать на концертах, нужна рабочая виза.

– Что вы! Я любитель. Хотите сыграю?

От неожиданности толстячка улыбнулась.

– Блюз?

– Могу и блюз.

– А в какой павильон едешь в Эпкоте? Там вроде нет павильона Ю-С-С-Р?

– Да и страны уже такой давно нет, – усмехнулся Рома. – Я на три месяца прикреплен к павильону Мексики.

– Bueno, entonces ¿hablas español?

– Si, señora!

– Señorita. No estoy casada. Pasa por favor, – уже совсем дружелюбно сказала она, протягивая паспорт со штампом.

Рома энергично зашагал по бесконечным коридорам аэропорта к выходу.

Когда стеклянные двери аэропорта раздвинулись, Рома увидел плотного седого крепыша с круглым пузиком в майке «Майами Хит», в очках-каплях «Рэй Бан», висящих на ленте с надписью «Epcot Orlando Florida», в мятых шортах и шлепанцах. В руках у него была картонная табличка с надписью «Roman».

– Welcome to Miami, – затрещал крепыш. – Я – дядя Леон. Я буду называть тебя Ро̀ман с ударением на первом слоге. Привыкай. У нас «Рома» означает название города или еще бог весть что.

Они сели в раскалившийся на солнце автомобиль и помчались по направлению Майами-Бич.

Дядя Леон был давним приятелем и бывшим соседом по одесской даче Ольги, Роминой мамы. Ольга родилась в интеллигентной одесской семье. Она прекрасно пела, рисовала, училась в престижном театральном училище – в общем, подавала большие надежды. Но незадолго до рождения Ромы в Штатах случилась какая-то история, связанная с дядей Леоном. Об этой истории в семье было не принято говорить. После нее Ольга бросила занятия и поступила на работу редактором в ТЮЗ, где провела все эти годы.

Дядя Леон был известным в русскоязычной среде импресарио. Он возил по Штатам артистов из «бывшего советского». Известных, но не самых популярных. Привозил моноспектакли, «народные коллективы», цирк. У него много лет была идея фикс – с девяностых он вел переговоры с самим «Диснеем» насчет открытия павильона «Советский Союз» в диснеевской «витрине мира» – Эпкоте. Дядя Леон даже во сне видел огромный собор Василия Блаженного из папье-маше вперемешку с прессованным

картоном и лотками с икрой, блинами и прочим кичем. Но в 1991 году империя развалилась, и дядя Леон покорно ждал с десяток лет потепления атмосферы и крепкого нефтяного рубля.

В 2001 он набрал группу молодых артистов, привез их во Флориду и продемонстрировал потенциальным инвесторам новую идею – павильон «Одесса» во всей совковой красе. Леон потратился на огромный макет одесского оперного театра, перед которым стоял зеленый герцог Ришелье, а сразу за ним начиналась Дерибасовская с уходящей вдаль Потемкинской лестницей, за которой располагался Привоз. Причем молодые артисты, которые все удивительно напоминали Леонида Осиповича Утесова, мастерски исполняли «7:40» и «Ах, Одесса». Красота, да и только! Все было хорошо до объявления сметы. Услышав о сумме с семью нулями, спонсоры загрустили, выпили водки в русском ресторане, купили на привезенный кэш по новой квартире на теплом майамском пляже и разъехались кто куда.

Леон носился со своими планами до 2008 года, но вдруг предательски рухнул доллар, прихватив с собой всю мелочную валюту других стран. Бедняга в отчаянии запил и, представляясь импресарио из Диснейленда, начал привозить из Украины во Флориду молодых фигуристых и не очень разборчивых девушек под видом артисток варьете в майамские стрип-бары на бульваре Бискейн, за что и приземлился в федеральную тюрьму Флориды сроком на тридцать девять месяцев.

После отсидки Леон взялся за ум и у своих друзей из Диснейленда все-таки выбил контракт на вербовку студентов из Украины для летней работы в Эпкоте. На этот раз все было серьезно и без левых виз. Дядя Леон нанимал молодежь для работы в бесчисленных ресторанах и гостиницах Эпкота. Более способные ребята работали в ежедневных музыкальных шоу. От них требовалось знание языков, внешний лоск и обязательное возвращение домой после трех месяцев работы. Иначе Леону грозили бы неприятности от иммиграционных служб.

Однажды он позвонил Ольге.

– Привет, Оля. Набираю новую группу на лето. У тебя есть кто-то подходящий в твоем ТЮЗе?

Она неожиданно обрадовалась.

– Леончик, возьми моего Ромку.

– А что он умеет?

– Пишет песни, поет. Обожает кубинский музон и латину. Даже прошел в «Голос» к Агутину. Не пожалеешь! Хочу, чтобы Ромка попал в Штаты. Может, хотя бы ему повезет. Помоги ему ради нашей дружбы. Вдруг он там знаменитым станет, и ты наконец-то разбогатеешь на старости лет!

Дядя Леон уверенно вел машину по скоростной трассе I-95, непрерывно огрызаясь с водителями соседних машин, переключая радио с одной станции на другую и при этом не забывая засыпать Рому вопросами.

– Музыку любишь?

– Люблю. Но у нас латинский грув мало кто понимает. Всего пара-тройка музыкантов в этом стиле работает.

– А ты сам-то пишешь?

– Пробую. Тяжело. У нас сквозь стену шансона не пробиться. Все у них на радио, кроме Стаса Михайлова, – «неформат». Как будто они хоть что-то понимают в музыке.

– Тебе, значит, должно понравиться в нашей мексиканской бригаде. Играй их музыку сколько душе угодно.

– Вот и вы, дядя Леон, туда же. Да не мексиканская это музыка, которую я люблю. И мелодии не простецкие, как у них, и ритм совершенно другой. У нас как слышат перкуссию, так обязательно представляют мариачи в сомбреро. Чушь какая! Да что ожидать от публики, дружно хлопающей в первую сильную долю? Вот послушайте, – Рома достал из сумки диск и поставил его на внушительной громкости. – Вот это музон! В стиле босса-нова, мелодия фирменная, классная, а слова на русском. Вот о чем я говорю!

– Ну ладно, – мирно согласился дядя Леон. – Не сердись. Спой, объясни, а я постараюсь понять. Ты мне скажи, Рома, а как это мама тебя отпустила ко мне после всей этой истории?

– Какой истории? – напрягся Рома.

– Упс, – дядя Леон прикусил губу, – забудем. А впрочем, ладно. Слушай. Все равно кто-то расскажет.

Они подъехали к стекляшке, зажатой с одной стороны докторским офисом, а с другой – автозаправкой. Половина стекляшки была отгорожена полками с консервами, сладкой водой, колба-

сами и печеньем. На другой стороне находился буфет с джентльменским набором – холодец, оливье, селедка под шубой, котлеты с чесноком и прочее.

– Это наш гастроном, – гордо сказал дядя Леон. – У вас таких магазинов нет! Здесь, в нашем Санни-Айлс, есть все, что мы любим. Здесь у нас Майамская ривьера. Живи, ешь, купайся в океане, получай удовольствие, если, конечно у тебя богатые родители.

Он весело рассмеялся собственной шутке.

«Это уж точно», – подумал Рома. Он часто впоследствии об этом вспоминал, проводя время с дядей Леоном. В Одессе таких заведений уже не было и в помине. Все русские рестораны и магазины Санни-Айлса, района Майами-Бич с высоченными новенькими домами у океана, напоминали старые советские фильмы начала девяностых с «шикарными» привокзальными ресторанами. Белые стены, клеенка, две лампочки, а в углу обязательный полупьяный сонный дядька за клавишами. Это был своеобразный памятник эмигрантской ностальгии и тяге к шикарной жизни в советское время. Советский юморок в названии заведений и продуктов был соответствующим обстановке – рестораны назывались «Романофф», «Император», «Россия» и тому подобное, блюда – «Закусон», «Тещин язык», «Мамины руки» и так далее, висели рекламы типа «Ресторан «Татьяна» – пир у окияна». Но все было по-доброму и именно так, как требовала клиентура.

Леон сел за столик и широким жестом пригласил Рому.

– Ольга приехала в Майами по моему вызову в 2001 году. Мы тогда готовили культурную программу в рамках павильона «Одесса» в Эпкоте для потенциальных вкладчиков. Тогда Санни-Айлса еще не было. Только два новых дорогущих дома, а вокруг маленькие мотели а-ля курва-хауз по двенадцать долларов за ночь, в одном из которых мы жили. На этом месте с пятидесятых годов был знаменитый «Раскал Хауз» с борщом, котлетами, кислой капустой, настоящими солеными огурцами и холодной водкой. Там мы собирались на обсуждения и репетиции, развлекая восьмидесятилетнюю публику. В выходные дни мы вырывались на Саус-Бич в маленькие кафе с кубинскими бутербродами и умопомрачительной живой музыкой. Ольга прекрасно танцевала, пела и рисовала.

На Линкольн-Роуд она могла за два часа рисованием портретов заработать нам всем на ужин. Там же, на Саус-Бич, они познакомились с Хорхе, которого друзья на американский манер называли Джордж. В те годы была популярна группа «Но Мерси». Хит этой группы «Куда бы ты ни шла, я последую за тобой» пела вся молодежь. Слова шлягера оказались провидческими.

Музыканты и продюсеры этой группы работали в основном в Европе, но при первом удобном случае приезжали к себе домой, в Майами. Джордж был одним из них. Типичный парень из Майами – прекрасно выглядел, пел, играл на гитаре, родился в Штатах, но обладал сумасшедшей энергией и талантом, унаследованным от кубинских родителей, приехавших в Майами детьми в 1961 году по программе «Дети Питера Пэна». Джордж, увидев Ольгу, уже не отходил от нее ни на шаг. Мы все потеряли голову в его компании – доступ за кулисы к лучшим артистам, звукозаписывающие студии, где во дворе стояли «роллс-ройсы» Хулио Иглесиаса, Хосе Фелисиано и Глории Эстефан, концерты и музыка… музыка… музыка. Между прочим, мои потенциальные вкладчики тоже были под впечатлением от нашей тусовки.

Три месяца пролетели быстро. Денег на проект не было. Визы заканчивались. Я заказал для группы обратные билеты. Но тут вмешался Джордж и заявил, что Ольга никуда не поедет. Он, видите ли, решил жениться на ней. Они распишутся, и Ольга получит документы и вид на жительство. Ольга осталась, а Джордж поехал на гастроли. Расписаться они, видимо, не успели.

Через какое-то время мне позвонил адвокат, работавший на «Диснея». Мне очень вежливо объяснили, что моя подопечная нарушила визовый режим США, и они получили запрос из консульства с жалобой от родителей Ольги на действия Диснея и Эпкота, якобы удерживающих студентку, не имеющую прав на работу в США. Я помчался к Ольге. Она была растеряна. Оказывается, ее родители денно и нощно звонили ей, угрожали и уговаривали уехать назад.

Ольга отказалась. Тогда пришла телеграмма от родственников, заверенная в посольстве, с текстом, что Олина мама серьезно заболела и находится в тяжелом состоянии. Ольге предлагалось немедленно выехать в Одессу, чтобы попрощаться с мамой.

Джордж умолял ее не делать этого, но Ольга его не послушала. В Одессе выяснилось, что телеграмма была фальшивкой. Совершенно здоровая мама встретила ее в аэропорту. Уезжать назад в Штаты не представлялось никакой возможности. Виза была просрочена. Условия ее были нарушены.

– Знаешь, Рома, американцы позволяют нарушать закон только один раз. Второй возможности они просто не дают. Вот такие дела, – закончил свой рассказ дядя Леон.

– А что случилось с Джорджем?

– Ничего. Погоревал. Звонил ей, но она не отвечала на звонки. И он постепенно втянулся в привычную рутину – гастроли, музыка, артисты…

– А где он сейчас?

– Да где ему быть? Здесь и живет. В Майами. Пишет музыку. Продюсирует молодых ребят вроде тебя. Иногда и сам выступает.

– Понятно.

История о Джордже, рассказанная Леоном, время поездки Ольги в Штаты, смутные намеки бабушки на отца-музыканта, испортившего жизнь и карьеру его маме, слезы и напутствия Ольги перед его поездкой в Штаты, причитавшей «поезжай – это судьба», не вызывали сомнений, что Джордж и есть его отец, который, впрочем, и знать не знал о своем взрослом сыне.

Погостив у дяди Леона несколько дней, Рома уехал в Орландо работать. Он писал музыку, совершенствовал испанский и английский и обзаводился друзьями. Иногда на выходные приезжал к дяде Леону поболтать.

Однажды он попросил Леона помочь ему найти студию для записи «дудок» и перкуссии для его новой песни.

– Дядя Леон, жить во Флориде и не записать живые трубы и барабаны – это преступление!

– Без проблем. Я позвоню Джорджу. Он поможет. Заодно и познакомитесь.

Джордж заехал за Ромой на модном «кадиллаке эскалэйд» черного цвета.

– Привет, парень! Я – Джордж. Вотс ап?

– Привет, Джордж! Ты не похож на кубинца!

– О! Знаменитые стереотипы, – улыбнулся он. – Между прочим, у тебя тоже внешность не славянская. Ты похож на свою маму. А я похож на свою. Она была настоящая гаего – галицианка из Испанской Галиции. Как наш Фидель, – усмехнулся он. – Или для лучшего примера –Хулио Иглесиас или ваш Горбачев. Я, между прочим, его родственник.

Роман удивленно вскинул брови.

– Вы хотите сказать, что Горбачев – кубинец?

– Да нет же, но он тоже гаего. Не удивляйся. У нас говорят, что он внук Антона Горбачо из Галиции, моего прадеда. В 1917-м он переехал в Россию для участия в революции и стал Горбачевым.

– Вы смеетесь надо мной?

– Нет, конечно. Возможно, это легенда, хотя галицийцы, беспокойный и воинственный народ, утверждают, что это чистейшая правда. Ты сочиняешь музыку? – поинтересовался Джордж.

– Да.

– Давай послушаем.

Роман протянул ему CD.

– Садись в машину. Это лучший способ для прослушивания. Ничего не отвлекает. Ты слышишь каждый звук. Только в машине понятно, правильный ли баланс и как смастерен диск! Послушаем по дороге, а сейчас едем в студию записывать тебе перкуссию и «дудки». Мы, между прочим, едем в знаменитую «Критерию», где записывались «Би Джиз», Майкл Джексон, «Иглс» и Эрик Клаптон. Именно по дороге в «Критерию», проезжая металлический мост, по которому едем и мы, «Би Джиз» придумали свой знаменитый ритм для «Субботней лихорадки». Помнишь этот ритмический стук? – улыбнулся Джордж.

Они подъехали к металлическому забору. После проверки ворота раскрылись, и они медленно въехали во двор. Студия была двухэтажной, с мерцающими сиреневыми буквами «Критерия». Стояли нарядные машины, на которых приезжали артисты. Перед машинами были таблички: Артуро Сандовал, Хулио Иглесиас, Кристина Агюлера. Роман зажмурился. Слышалась музыка. Во дворе курили хипповые ребята.

Они медленно вошли в вестибюль. Десятки платиновых и золотых альбомов, висящих на стене.

– У нас запись в студии Б, – небрежно бросил Джордж охране.

Они зашли в большую темную и холодную комнату, две трети которой занимал огромный пульт. По бокам висели дорогущие динамики. За пультом – стеклянная панель. За ней перед микрофонами сидела ритм-секция: перкуссия, ударные и бас. Сессия была в разгаре. За пультом – инженер и продюсер. На диване сидела изящная девушка лет восемнадцати в черных джинсах, кедах и белой футболке с принтом «Пол Маккартни: 2012 мировой тур».

«Наш человек», – подумал Рома.

– Даже и не глазей на нее, – шепнул Джордж. – Джули моя клиентка. Ее папа – олигарх из Москвы. У него там что-то вроде аэропорта типа нашего майамского. Он всю эту музыку оплачивает! А также университет, квартиру, телохранителей и прочую мишуру.

Рядом с девушкой на диване сидели два парня. Тоже лет восемнадцать-двадцать.

– Привет, ребята. Это Роман. Он из Одессы. Любит кубинскую музыку.

Пацаны расхохотались, задвигались в ритме сальсы и запели хором старую песню из репертуара Рики Рикардо «Я кубинец Пит, я король ритма, я танцор».

Сарказм не смутил Рому. Он схватил бонги и заиграл поперек их движения, закружившись в сложнейшем синкопированном ритме.

С дивана поднялась девушка, протянула ему руку и сказала:

– Привет, Рома. Я – Джули, по-одесски просто Юля. А эти два клоуна – Феликс и Хосе.

Все рассмеялись. Напряжение улетучилось. Рома уселся на диван рядом с девушкой.

– Джордж, послушай припев и куплет моей новой песни. Подскажи, как построить бридж.

Она взмахнула рукой, и инженер запустил запись.

«Да, она, несомненно, наш человек», – опять подумал Рома.

– Ребята, – сказала Джули, – я начала припев в мажоре, но второй мажорный аккорд и музыкальная фраза, этот аккорд сопровождающая, звучит не хиппово.

– А ты замени мажорный аккорд на фа минор – и мелодия заиграет, – невинно бросил Рома.

Теперь уже Юля посмотрела на него с нескрываемым интересом.

«Он мой человек», – подумала она.

Они больше не расставались. Везде появлялись вместе. Юля сняла маленькую студию на Саус-Бич втайне от родителей, якобы так ей было удобнее заниматься. Они играли друг другу свою музыку. Ездили в Орландо. Джордж сводил Юлину пластинку. Они пропадали в «Критерии». Юля готовилась к поступлению в музыкальный колледж в Майами по классу композиции. Роман написал стихи к ее новым песням. По «Скайпу» говорили с Ольгой. Пели с ней в три голоса. Юля очень понравилась Ольге. Роман был счастлив. Даже однажды украдкой показал Ольге по «Скайпу» Джорджа, ничего у нее не спрашивая, но понимая, что Джордж его отец. Об этом, разумеется, догадывался и сам Джордж. Жизнь потихоньку налаживалась, и только беспокойный дядя Леон, наблюдая складывающуюся идиллию, волновался, что или Рома последует примеру Ольги и решит остаться в Майами, или случится еще какая-нибудь пакость.

В этот день Рома застал Юлю в слезах.

– О наших отношениях узнал мой папа. Он ждет нас вечером дома для разговора. Я не жду ничего хорошего от этой встречи.

Они взяли такси и поехали на Голден-Бич. Огромный многомиллионный дом у океана смутил Рому.

Юлин отец говорил жестко.

– Ты, кажется, здесь проездом? Ааа… ты студент. Еще лучше. Выступаешь в Орландо. Уже нет? Виза заканчивается? Ждешь депортации, может быть? Нет? А как думаешь здесь жить? Хочешь жениться? Удобно. Я, молодой человек, своей башкой в девяностые рисковал. Десять лет выбивал грин-карту. Наконец-то стал жить нормально и забывать все эти оливье и «С легким паром!». И вот получил сюрприз. Да… от совка и сумы никто не застрахован. Юля, прекрати плакать. А ты, парень, не заставляй меня прибегать к крайним мерам. Чтооооо? Не пугать тебя? Пошел отсюда. Деньги на такси дать – или заработал пением на улице?

Рома пытался что-то доказывать. Умолял дядю Леона помочь. Он даже устроил разговор Ольги с Юлиным отцом, но после фра-

зы «Да вам и не снилось жить в этой стране» Ольга горько улыбнулась и повесила трубку.

Телефон у Юли больше не отвечал, их маленькая квартира на Саус-Бич была заперта, Юля не показывалась на «Критерии». Запись ее альбома была аннулирована.

Услышал он ее голос только через две недели.

– Я в Лондоне. Папа оплатил Оксфорд и заставил меня уехать. Но мы обязательно встретимся. Правда? Открой файл на «Скайпе». Это моя новая песня.

Через год дядя Леон летел рейсом Вена – Одесса. Он волновался. Шутка ли? Он почти тридцать лет не был в родном городе. Настояла на приезде Оля. Она пообещала Леону контракт с талантливыми артистами, на которых можно заработать кучу денег. Леон оделся нарядно: джинсы «Версаче», туфли из фальшивого крокодила, легкая соломенная шляпа, а на руке с большим «ролексом» зачем-то висел складной зонтик.

– Хэллоу, – значительно сказал Леон, небрежно бросая на стойку синий американский паспорт.

Лейтенант-таможенник, заглянул в паспорт, увидел надпись «место рождения – г. Одесса», улыбнулся и сказал:

– Проходьте, будь ласка!

– А шо? – прокололся Леон и тоже добродушно улыбнулся.

На площади Леона встречал Роман, одетый так же, как дядя Леон год назад: в мятой майке, шортах, тапках «Адидас» на босу ногу, в очках-каплях «Рэй Бан» и с табличкой в руках «Мистер Леон из Майами». Они расхохотались, обнялись и пошли к машине.

– Едем к нам на дачу, – сказал Рома. – Мама наготовила кучу еды.

Они подъехали к красным воротам напротив трамвайной остановки на четырнадцатой станции Фонтана. На желтом кирпиче из ракушняка висела старая табличка «Кооператив «Культбыт специалиста». Леон заплакал и побежал по длинной аллее мимо ржавых почтовых ящиков. Ящик с надписью А.Л. Гольдштейн был открыт. Леон быстро сунул туда руку и тихо сказал:

– Почты нет. Видно, папа, как обычно, уже вытащил свою «Правду» и «Литературную газету».

Рома обнял внезапно постаревшего Леона и подвел к калитке. У калитки стояла Оля.

– Привет, любимый Леончик! Спасибо тебе за все.

Она потянула его в сырую прохладу одесской дачи. На раскладном польском обеденном столе лежала камбала-мальчик с шипами, помидорный одесский салат, брынза, бычки и холодец.

– Ой, – растрогался Леон. – Все как я люблю! Почти как у нас в гастрономе в Майами, – не удержался он. – Правда, Роман? – и весело расхохотался.

– А вот и наш сюрприз, – торжественно объявил Рома. – Моя жена Юля! Ее новый клип посмотрели двадцать пять миллионов человек. Она стала самой популярной украинской певицей. Латиноамериканское отделение Уорнера предложило ей контракт на два альбома и собственное шоу в Диснейленде. Но как ей без менеджера? А, дядя Леон? Согласны?

Леон порылся в сумке, достал толстенную сигару и прикурил от золотой зажигалки «данхилл».

– Больше и лучше Леона никто не заработает в Диснейленде! И наш продюсер, Джордж, нам поможет. Это я вам говорю! – произнес он, украдкой поглядывая на себя в большое зеркало на противоположной стене. – Вам и не снилось! Правда, Оля?

Палм-Бич

Ирина Озёрная

Держи осколок

Памяти Владимира Ланцберга

Я благодарна редакции альманаха, согласившейся опубликовать новый вариант моего рассказа «Держи осколок». Написанный в жанре нон-фикшен, очень важный для меня, получивший высокие оценки читателей и критики, он оказался, как и многое другое, уничтоженным 24 февраля 2022 г. вторжением российской армии в Украину. Дело в том, что героиню рассказа звали Z. Эта ничем ранее не запятнанная, а потому вполне невинная латинская буква была выбрана мною в качестве традиционного знака, символизирующего неизвестное. Теперь же с ней связана совсем другая и очень страшная символика, не имеющая ко мне и моему творчеству ни малейшего отношения. Потому, переименовав свою героиню, я счастлива напечатать этот обновленный текст именно в Украине, которую люблю, и именно в Одессе, с которой связана неразрывно.

А задумывались ли вы когда-нибудь над жизнью окна? Обычного окна, глядящего, например, на улицу из кухни небольшой однокомнатной квартиры в кирпичной пятиэтажке. Окно находилось на таком низком первом этаже дома, что можно было при желании и отсутствии занавесок, стоя на тротуаре, просто заглядывать в него, как в телевизор, и, словно интересным сериалом, наслаждаться жизнью обитателей той квартиры. Забавно, что этаж с окном были низкими, а улица называлась Высокой, видимо, для смеховой компенсации неудобств униженного существования жильцов. Но в той униженности имелись, безусловно,

и свои плюсы. Например, легко было, оказавшись вдруг без ключей, попасть домой через окно, надорвав чуть-чуть сетку на форточке и просунув в образовавшуюся дырку руку, повернуть шпингалет, таинственно озираясь по сторонам, чтоб никто не увидел, как это делается. Через окно было удобно вручать хозяйке квартиры цветы влюбленному в нее соседу. Окно обеспечивало и другие сюрпризы.

События этой почти что притчи происходили в конце семидесятых годов двадцатого века в губернском городе С., который, кстати, не был в те советские времена – уже и еще – губернским, а просто большим областным центром на Волге. Хозяйка квартиры, назовем ее Ио, заканчивала филфак университета, не придавая этому особого значения, так как главным ее занятием и страстью тех времен была гитара и песни, песни… Ими, если прислушаться, звучало наше окно денно и нощно то в хозяйкином, то в авторском – магнитофонном – исполнении. Песни Окуджавы, Кима, Никитина, Новеллы и Веры Матвеевых, Луферова, Мирзаяна, Берга… Последний, правда, украшал, бывало, звучание низкорослого окна не только посредством магнитофона, но и живым своим голосом, нанося время от времени натуральные визиты хозяйке квартиры. Она, не зная до знакомства с ним ни о каком мощном в те времена клубном движении авторской песни, называемой тогда самодеятельной, услышав у кого-то записи Берга, полюбила его навсегда. Не как мужчину, а песни и стихи его полюбила. С изумлением обнаружив, что он тоже проживает в провинциальном городе С., хотя все известные барды, как казалось, находились в столице, она непременно решила познакомиться с ним. Не как с мужчиной, даже несмотря на то, что всего несколько месяцев назад развелась с мужем, благодаря чему оказалась счастливой обладательницей кучи свободного времени для выстраивания своей новой жизни во всех направлениях. Но Берга она воспринимала тогда исключительно небожителем. Легко найдя его телефон, она, удобно устроившись в любимом кресле у кухонного окна, набрала номер. Ей ответил знакомый по магнитофонным записям мягкий с картавиной голос.

– Здравствуйте, Владимир Исаакович! – взволнованно заговорила хозяйка квартиры. – Меня зовут Ио, и я вас люблю! То есть не вас, конечно, а песни ваши люблю. Хочу их послушать побольше и сделать о вас передачу на радио, где я, будучи студенткой филфака, подрабатываю.

Берг к идее передачи отнесся скептически, сказал, что хоть он пока еще и не враг народа, но давно уже полулегал, а потому Ио никто не позволит выносить его имя в эфир. А вот по поводу песен, которых ей хотелось послушать побольше, оказался благосклонен и пригласил в гости.

Она очень волновалась, собираясь на это свидание. Одолжила у соседки темно-синее с рукавом «фонарик», выгодно подчеркивающее стройность платье, эффектно накрасилась и вытряхнула на себя из флакона остатки чего-то очень французского, сбереженного на особый случай.

Ехать пришлось на перекладных за тридевять земель, но она летела туда, будто на премьеру любимого театра, в ожидании нового жизненного поворота. И он не заставил себя ждать.

Берг пел ей одной как минимум часа четыре, перемежая песни рассказами о бардовском движении КСП, о братской связанности всех клубов авторской песни страны, о созданном им в их родном С. клубе «Дорога», куда, конечно же, предложил ей вступить. Рассказывал о Грушинском фестивале под Куйбышевым (тогда так временно называлась Самара), где трое суток денно и нощно на плоту в виде гитары и у бесконечных костров кого только не услышишь. Там тебе и Юлий Ким, и Визбор, и семейный дуэт Никитиных… Он называл тогда еще множество известных имен, но Ио их слышала впервые, потому сногсшибательного эффекта на нее они не произвели. Берг оказался идеологом, популяризатором общего дела и творчества особо любимых им авторов. Он говорил ей о трагической судьбе совсем молодой еще Веры Матвеевой, знавшей о приближающейся смерти, но мужественно оставшейся безоблачной в своих ясноглазых песнях, об Арике Круппе, погибшем в горах, о Галиче, сопровождая свои новеллы их песнями и стихами.

После второго часа этого головокружительного концерта Ио впала в состояние эмоционального шока и перестала

воспринимать услышанное. Она сидела с умным и внимательным выражением на лице, интуитивно кивая, скорбя или улыбаясь в нужных местах. Но увлекшийся Берг ничего этого не замечал. Выпавшая на какое-то время из контекста его речи, Ио, очнувшись, увидела в руках Берга рисунок тушью, снятый им со стены. На рисунке был изображен очень худой, явно больной мужчина, лежащий на кровати посреди пустой комнаты с черно-белым кафельным полом. И по атмосфере, и по расстановке фигур на этом шахматном полу было ясно, что игра с жизнью этого человека подходит к концу и партия его проиграна. Голая лампочка на потолке и открытая настежь дверь говорили о бесприютности и страшном одиночестве умирающего. Человек умирал в надежде, что хоть кто-то заглянет в его распахнутую напоследок дверь. Картинка эта оказалась иллюстрацией к рассказу Олеши «Лиомпа», нарисованной художницей из Загорска (тогда так временно назывался Сергиев Посад) Людмилой Горожаниной, еще одной берговской легендой. «Представляешь, – говорил он Ио, – Милка подарила мне этот рисунок, от которого я обалдел, и, глядя на него, не прочитав тогда еще «Лиомпу», написал песню «В один прекрасный день» и посвятил ее Горожаниной. А когда наконец прочел рассказ, то изумился тому, что моя песня, написанная по Милкиной картинке, тоже оказалась иллюстрацией к «Лиомпе». Один в один. И он спел ей:

И будет снег лететь в окно,
Кровать и стулья осыпая,
И тишина придет такая,
Что слово выдохнуть грешно,
И лишь глядеть, глаза закрыв,
Как снег ложится и не тает,
Следы спокойно заметает
Того, кто выпал из игры…

Ио вернулась домой ошарашенная. В голове, скученно толкаясь и наступая друг другу на пятки, крутились берговские истории, строчки из его песен и стихов. За окном догорал август, переваливший за половину, и, загибая пальцы, Ио посчи-

тала дни до конца каникул. Конечно, начинать учиться было неохота, но ведь в начале сентября откроет сезон и клуб «Дорога». Вихри проносящихся мыслей и историй вскружили голову Ио, ее штормило от предвкушения новой жизни, сплошь состоящей из интересных знакомств, бесконечных песен, стихов, фестивалей, слетов, учебы игры на гитаре... И, кто знает, кто знает, что еще день грядущий ей готовит... И, может, тогда наконец-то «уйдут, отмаясь в стороне, осиротевшие печали», подумалось ей вдруг строчкой из «иллюстрации» Берга к рассказу Олеши, намертво уже впаянной в ее голову. А печали эти все еще не оставляли ее после недавнего развода. И, коротая август, не догадывающаяся о следующем – и каком! – повороте своей судьбы, Ио спокойно достала с полки томик Олеши, удобно устроилась в любимом кресле у кухонного окна и стала читать «Лиомпу», до которой, как и у Берга, руки раньше почему-то не доходили. «Сумерки были прекрасны... раздавалось пение, комнатный желтый свет падал на тротуар...» Она на минуту оторвалась от чтения и увидела за окном именно эту волшебную картину, описанную Олешей. Правда, пение раздавалось исключительно в ее голове, начиная с сегодняшнего полдня оно просто не смолкало в ней. «Погаснет мир скупых чудес, / Рукой неверной нарисован, / И сразу станет невесомым / Все, что пока имеет вес», – пел внутри нее голос Берга. Оторвавшись от заоконных сумерек, Ио вернулась к чтению: «В комнате по соседству с кухней лежал тяжело больной Пономарев...». Ио вздрогнула, но ей не надо было уже вставать с кресла и заглядывать в комнату, она теперь тоже могла «глядеть, глаза закрыв» и точно знала, что там сейчас происходит: «Он лежал в комнате один... флакон с лекарством стоял над головой, от флакона тянулся рецепт... как шлейф. Флакон был бракосочетающейся герцогиней. Флакон назывался «тезоименитство». Больной бредил. Он хотел писать трактат. Он разговаривал с одеялом... Одеяло сидело рядом, ложилось рядом, уходило, сообщало новости... Остальные вещи ушли... Он знал: смерть по дороге к нему уничтожает вещи». Что-то невероятное вдруг произошло с ее зрением – она видела все, что читала, каждую деталь, описанную Олешей, причем не как в кино,

а рядом, вживую, все это дышало, двигалось, его можно было потрогать. Мало того, звучали диалоги, она различала голоса по тембрам, она остро чувствовала запахи, доносящиеся из книги. От вкусного запаха жареной мелко нарезанной картошки, перемешанного с керосиновым, примусным, атмосферным, неотъемлемым от коммуналок начала прошлого века, резко захотелось есть. Но мысли о еде тут же улетучились: она уже сочувствовала обреченным быть заживо сваренными ракам «зеленоватого, водопроводного цвета» и слушала, как «кран тихо сморкался»... Вот она, колдовская сила Олеши! Она вспомнила, что современники называли его королем метафор. Задумавшись, Ио перевела взгляд на силуэт ставшего уже совсем черным с золотыми вкрапинами огоньков окна и увидела, что оно подмигивает ей форточкой. Она вздрогнула от неожиданности и поняла вдруг, что научилась видеть главное: не вещи, а суть вещей, открывающуюся только художникам. И научил ее этому волшебник Олеша. «Ну что ж, пора в недальний путь – / Подняться, лесенку приставить... / Нет, не смогу себе представить, / Чтоб здесь я жил когда-нибудь», – продолжало звучать в голове голосом Берга. И она увидела, как под этот реквием «шел по кухне, согнувшись в животе и вытянув руки с повиснувшими кистями» умирающий Пономарев. «Он шел забирать вещи», которые его создатель Юрий Олеша умел видеть и называть по-своему, переименовывая мир исполинской силой своих метафор. Пономарев ничего не забрал с собой, придумав напоследок новое имя смерти-крысе – Лиомпа! «Но вот ведь дело – снег в окно, / Весь снег небесный – только в это! / В других же окнах будет лето / – На свете так заведено», – созвучно вписывались в точку рассказа строки Берга. И Ио, с трудом оторвав от книжки свой новый, усовершенствованный за время чтения взгляд, не увидела снега в кухонном окне. За ним продолжал праздновать свое великолетие животворящий августовский вечер.

А дальше у обладательницы нового взгляда Ио действительно начались грандиозные перемены. Перечитав вслед за «Лиомпой» всего Олешу, она резко поменяла эпоху и героя

своей дипломной работы: надоевшего ей порядком Достоевского – на Олешу. Для этого потребовалось сменить кафедру и дипломного руководителя. В университете были потрясены ее поступком: защита уже в конце этого учебного года!.. Но Ио обожала преодолевать трудности. Она умела заниматься только тем, что любила.

В начале сентября Берг пригласил ее на первый после каникул общий сбор клуба. А до этого приехал в гости. Позвонил сам и предложил попеть еще, после чего первый этаж Ио мгновенно дорос до седьмого неба. Счастье переполняло, необходимо было с кем-то им поделиться, и Ио, перепрыгивая ступеньки, взлетела на второй этаж к той самой соседке, одолжившей ей платье на первую встречу с Бергом. Соседка давно уже пребывала в курсе событий и тоже мечтала послушать Берга. Но Ио было неловко приглашать кого-то на предназначенный ей одной домашний концерт, вдруг Берг подумает, что она похваляется знакомством с ним. «Ну тогда давай я у тебя хоть в шкафу посижу, там все слышно будет», – отчаявшись, попросила соседка, но Ио была неумолима.

Берг приехал с гитарой в назначенное время, и открытое кухонное окно звучало песнями несколько часов подряд. Потом возле него они пили чай и разговаривали. Ио решилась наконец показать Бергу свои стихи. Она писала их с детства, не постоянно, а так, всполохами. Ей самой они нравились, но другими всерьез не воспринимались. Друзья после прочтения их вежливо говорили что-то типа: да, здорово, молодец… Потому публиковать их она и не собиралась, будучи уверенной, что, кроме нее, они никому не нужны. Но не писать не могла. Они появлялись сами, возникали вдруг в голове целыми строфами, и надо было только, не упустив их, перенести на бумагу. Где-то за год до описываемых событий Ио нечаянно влюбилась, и скучная налаженность ее семейной жизни стремительно понеслась под откос. Любовь, казалось, была взаимной, но Ио никак не могла сделать выбор и принять нужное решение. Было трудно, даже несмотря на то, что ее возлюбленный уверял, что станет гораздо лучшим отцом для ее пятилетней дочери, чем настоящий папа. Тот позволял себе покрикивать на девочку, а порой даже шлепать, обрекая тем

самым себя на камнепад соответствующих слов и выражений, извергаемых Ио. И низкое окно оглашало ими Высокую улицу. Юношеская влюбленность, толкнувшая Ио на брак, давно улетучилась, и общие интересы с мужем разбежались в разные стороны. Связывали ее с ним только дочка, да это кухонное окно, около которого они вместе курили, завтракали, обедали, ужинали, принимали друзей, читали… Окно, казалось, символизировало брак и традиции этого однокомнатного быта, но на самом деле было просто привычным фоном. А с привычками, как известно, расставаться труднее всего.

Видимо, Ио колебалась слишком долго, а избранник оказался слабаком, потому что, когда наконец она решилась рассказать все мужу, буквально обезумевшему после этого и сотворившему ряд ну никак не ожидаемых от него поступков, избранник спасовал. Муж не рискнул набить ему морду, будучи физически заметно слабее, а начал бегать жаловаться на него по инстанциям: на работу, в институт, к родителям… Избранник тут же испарился, муж был отправлен назад к маме, а Ио с дочкой остались в однокомнатной квартире одни. Но во всей той печальной истории был один колоссальный плюс – Ио просто зафонтанировала стихами. Все они были о несчастной любви и обращены к лирическому герою, так жестоко обманувшему и разочаровавшему ее (сюжет разрыва с мужем там даже не прослеживался). Кресло у окна превратилось в космодром, снабженный магическими антеннами для принятия диктантов, как Ио называла поэтические строки, возникавшие откуда ни возьмись в ее голове. Каждое новое стихотворение, прочитанное несколько раз вслух, улетало в форточку птицей, бабочкой или майским жуком, в зависимости от содержания и времени года. Но чаще всего оно летело стрелой с острым и отравленным горечью ее строк наконечником, чтобы пронзить обидчика, предъявив ему ее боль и слезы. Потом возникала острая потребность в слушателе, и Ио, независимо от времени суток, неслась на второй этаж к соседке и читала ей новый опус. Соседка громко и искренно ахала, восхищалась, вселяя в Ио уверенность и подтверждая появившееся наконец-то у нее чувство собственной неповторимости. Мама Ио, обрадо-

ванная таким творческим подъемом дочери, решила показать ее стихи самому именитому поэту города С., местному классику. Он был другом давно умершего отца Ио, тоже известного в городе поэта. Мама договорилась с классиком, что Ио покажет ему стихи, от которых поэт пришел в не меньший восторг, чем соседка со второго этажа. По его плану, Ио надлежало написать парочку ура-патриотических стихотворений для предъявления своей гражданской позиции и разбавления любовной темы. Затем классик опубликует подборку ее стихов в региональном литературном журнале со своей преамбулой, а потом напечатает ее сборник. Окрыленная Ио принеслась домой, забралась с ногами на свой космодром у кухонного окна и навострила локаторы на поиск патриотических строк. Но космос отчаянно молчал и в тот день, и на следующий, и через неделю. Тогда она, наплевав на вдохновение, просто сграфоманила опусы, обещанные классику. Чисто технически это было сделать нетрудно – благодаря уйме написанного за последнее время она пребывала в хорошей рабочей форме. Одно стихотворение воспевало великую Волгу, второе тоже что-то воспевало. Они ей не нравились, и она решила повременить нести их поэту, и попробовать написать что-нибудь другое патриотическое, получше. Все это произошло незадолго до встречи с Бергом, которому она, сидя у кухонного окна, прочла не эти, а лучшие свои, как ей казалось, стихи.

Берг равнодушно выслушал их и дал ей несколько очень полезных советов из собственной практики, сообщив, к примеру, что когда он пишет о любви, то всегда старается заменить это слово метафорой, ну и тому подобное. Охолонул он ее мгновенно. Разнежившись на облаках, она вновь угодила в суровую земную реальность неприятия ее творчества. Но Берг был авторитетом, и она, очухавшись от стресса и потирая ушибленные места, решила отказаться от благ, предложенных ей местным классиком. Поглядев на свои стихи берговскими глазами, она увидела их несовершенство и поняла, что печататься рано. Надо продолжать учиться писать, работать, двигаться дальше. К тому же, ей было бы сильно неловко перед Бергом публиковать свои не очень-то умелые еще стихи, когда поэта такого уровня, как он, не печатают.

Классик и мама были изумлены и раздосадованы этим решением, да и большинство друзей не одобрили ее очередной, как они посчитали, выходки. Ведь опубликовать стихи без чьего-то серьезного покровительства было практически невозможно, поэтому отказ от невиданной удачи, буквально прущей ей в руки, выглядел эксцентрическим идиотизмом. Потом она всю жизнь будет благодарна Бергу за этот урок, ибо ни одно из тех стихотворений, которые предлагал опубликовать с помпой классик, не выдержало испытания временем. Все до одного оказались в корзине, а она стала писать по-другому, так что позора благодаря Бергу удалось избежать.

И вот случилось – в назначенный день и час Ио вошла наконец в клуб «Дорога». Берг предъявил ее соратникам. Десятки талантливых лиц обратили на нее взгляды, приветливо улыбнулись и занялись своими делами. То есть сплошняком пошли стихи и песни, песни… Ио слушала завороженно. Из всей той стаи певчих людей ее взгляд безошибочно выбрал друга, как потом выяснилось, на всю жизнь. Берг рассказывал Ио о Наташе при первой их встрече, она входила в число героинь его легенд. «Наташка, – говорил Берг, – обалденная исполнительница, лауреат Грушинского, Веру Матвееву поет лучше всех. И меня лучше всех поет. И вообще, она – лучшая».

Выяснилось, что им по пути, и они отправились домой вместе. Наташа рассказала, что приехала в С. учиться из другого волжского города, поменьше, недавно окончила музыковедческий факультет консерватории и работает лектором в филармонии. Живет в убогой развалюшке без удобств, но денег на съем нормального жилья у нее пока нет. Ио иногда чувствовала себя одиноко в пустой квартире – дочка пошла учиться в музыкальную школу неподалеку от дома бабушки, потому наполовину жила у нее. И Ио предложила Наташе переселиться к себе. Подруга прожила у нее год, в течение которого звучание кухонного окна сильно разнообразилось и оживилось, так как певчие гости в квартире не переводились. Наташа научила Ио играть на гитаре, и они пели вдвоем, не умолкая. Часто окно звучало и тоненьким нежным голоском маленькой дочки Ио. У девочки был идеальный слух, очень выразительные, ясные

и трогательные интонации. Она сама выбирала, что ей петь из репертуара Ио и Наташи. Решив, например, что песня Виктора Луферова «Разговор с мамой», начинающаяся словами: «Красный, синий, голубой, выбирай себе любой», – детская, выучила ее, и, легко справившись со сложной гармонией, выводила тоненько и артистично под общий восторг, точно попадая в каждую ноту: «В путь нас скоро пригласят / Вдоль по улице безлюдной. / Все поймем про рай и ад. / Жизнь была чудно̀й и чу̀дной…». Она стала дивом клуба «Дорога», сюрпризом для гостей и заезжих музыкантов, так как Ио с Наташей частенько брали ее с собой на домашние концерты и сборы клуба. В роли аккомпаниатора девочки выступал, как правило, сам Берг, и успех был всегда оглушительным. Однажды оказался в городе С. известный бард Владимир Бережной. После его домашнего концерта на посиделках Берг продемонстрировал обалденного, как он говорил, ребенка. Бережной был по-настоящему потрясен, и когда через некоторое время Ио приехала в Москву, он, знакомя ее со своими друзьями, приговаривал: «Это – мама той самой девочки, о которой я вам рассказывал».

Нет, нет, мы не отошли далеко от окна, потому что любые интересные события, происходившие за пределами квартиры Ио, потом так подробно обсуждались подругами за кухонным столом, что отражались в оконном стекле, как в зеркале.

Итак, началась кипучая жизнь, переполненная новоявленными событиями и друзьями, целиком захватившая Ио. Уже в ноябре она попала на первый свой слет бардовской песни. Он проводился в лесу под Москвой, куда приехавшую из города С. компанию во главе с Бергом сопровождал от вокзала высокий красавец Мишка. С ним, известным исполнителем из группы песенных пересмешников «Подкидыши», все, кроме Ио, были давно знакомы. Путь оказался неблизким: на метро, потом на электричке часа полтора, а дальше долго пешком по холоднющему ноябрьскому лесу. Замерзли, притомились, но тут неожиданно выскочил из-за деревьев долгожданный концертно-палаточный зал – поляна со сколоченной наспех бревенчатой сценой. Исполнителей и публики из разных городов прибыло немерено, все знали друг друга, здоровались, обнимались. Посреди поляны стоял забавный

парень в черной фуражке с глянцевым козырьком, смешно приветствовавший их в мегафон. Наташа весело кинулась к нему, и они обнялись как близкие, давно не видевшиеся друзья. Бесконечно остроумный и обаятельный Серега учился в Гнесинке на артиста-кукольника, играл почти на всех инструментах, великолепно пел, импровизируя на ходу. Группа «Подкидыши», организовавшая этот слет, была его детищем. Вечером, освещаемый сказочными софитами звезд и костров, начался концерт. Ио услышала множество новых песен, познакомилась с их авторами, исполнителями и была очарована происходящим.

Ио с ходу подружилась с «Подкидышами», особенно с кукольником Серегой, красавцем Мишкой и его женой – великорослой певуньей Миркой. Они стали часто приезжать к ним с Наташей, худо-бедно размещались в крошечном, но уютном и гостеприимном пространстве квартиры Ио, выступали с концертами в городе С. Серегу обычно укладывали спать у окна в раздвижном кресле-космодроме Ио. И окно по ночам подсматривало Серегины сны.

Приезжал он в город С. для того, чтобы попеть с Наташей. Они были просто созданы для дуэта, и если бы не жили в разных городах, то вполне могли бы стать конкурентами самих Никитиных.

Одну из череды экспрессивных историй зимы того насыщенного событиями года окно отразило с особым ликованием. «Подкидыши» к этому времени перестали существовать как ансамбль, разошлись на манер «Битлз» и занялись каждый своим. Мишка с Миркой запели дуэтом, много гастролировали и в один прекрасный морозный день летели с концертом из Москвы в С. Ио с Наташей радостно ждали их, приготовили обед, испекли торт, купили вина. До прибытия самолета оставался час. Аэропорт, расположенный в черте города, был в двадцати минутах ходьбы от дома Ио, так что у подруг еще оставалось время, чтоб выпить кофе и выкурить по сигарете. Беспокойство вызывал только нескончаемый снегопад за окном, пуржистый труженик, заваливший округу. Девушки тревожно вглядывались в него, ища просвета. И тут позвонил по межгороду Мишка, сообщив, что самолет их из-за метели в городе С. перекинули по пути

на запасной аэродром в Пензу, где они благополучно пребывают, ожидая погоды. Но надежды мало, аэровокзал забит людьми, торчащими здесь уже несколько дней, потому имеет смысл подождать еще пару часов и вернуться в Москву.

Поначалу резкое разочарование словно парализовало подруг. Но когда Мишка, не надеясь уже на встречу, рассекретил сюрприз – летевшего с ними Серегу, Ио с Наташей, мгновенно очнувшись, решили действовать непреклонно. Авантюрный план принадлежал Ио.

Сначала они быстро обзвонили всех клубодорожников, убедив их скинуться гастролерам на такси из Пензы. Сумма была огромной, но в складчину вовсе не страшной. Заручившись согласием клуба и опасаясь, что их бесценная компания умотает назад в Москву, подруги бурно засоображали, как сообщить друзьям про такси (мобильников в те времена не было и в помине). Тут пригодился Ио родительский урок, усвоенный с детства. Ее мама была из когорты журналистов, умевших открывать, казалось бы, наглухо запертые двери с изящной уверенностью профессионала. Позвонив по ту сторону этих дверей, она хорошо поставленным голосом радиоведущего произносила свою фирменную магическую фразу, действовавшую безотказно. «Здравствуйте, – величаво говорила она, – вас беспокоит редактор комитета по радиовещанию и телевидению такая-то». И все. Двери радостно распахивались ей навстречу. Фамилия у Ио была та же, актерских способностей – хоть отбавляй, и телефонный спектакль начался. Мама предпочитала действовать исключительно через высокое начальство, потому Ио, устроившись поудобней у окна на своем кухонном космодроме, прямиком позвонила директору аэропорта города С. «Здравствуйте, – сказала она авторитетно вальяжным контральто богемной журналистки, – вас беспокоит редактор комитета по радиовещанию и телевидению такая-то. Просим вас о содействии. Летящие к нам на передачу московские артисты из-за непогоды застряли в Пензе, и нам срочно нужно с ними связаться. Дайте мне, пожалуйста, телефон директора пензенского аэропорта». Мизансцена удалась, и под бурные аплодисменты Наташи Ио уже через пару минут набирала Пензу. Тамошнее аэроначальство,

выслушав проверенную мантру мамы Ио, тоже оказалось очень любезным. Оно принялось тут же содействовать, и певчая троица, пристроившаяся на дубленках, брошенных в угол переполненного зала ожидания, неожиданно услышала по трансляции требовательное объявление: «Артисты из Москвы такие-то, срочно позвоните в город С.!». И вскоре Ио уже разговаривала с изумленным Мишкой, а часа через четыре подруги услышали долгожданный стук. Счастливый Серега, подсвечивающий набежавшие сумерки своей фирменной лукавой улыбкой, навсегда запечатлелся в оконном стекле.

Время, слаженное из чудес по обе стороны окна, летело стремительно, и приближалась неминуемая расплата за беспечность и бесконечные удовольствия. До защиты диплома оставались считанные месяцы, а Ио к нему даже не приступала. Разозлившийся на нее дипломный руководитель пригрозил госэкзаменами вместо дипломного сочинения об Олеше. Она не сделала ни одного доклада, не собрала материал, потому тратить время на такую студентку – не имело смысла. За четыре месяца невозможно с нуля написать работу о таком сложном и почти не разведанном авторе. Ситуация приобретала угрожающий оборот, но Ио каким-то образом удалось уговорить преподавателя не отправлять ее на госы, поклявшись, что напишет работу без его участия. И написала, отложив гитару и закусив удила. Олеша явно помогал ей – подсовывал необходимые книги в библиотеке, распахивал их на нужных страницах и, казалось, сам рассказывал о себе, наталкивая на факты биографии, вкладывая в ее голову интересные мысли и необычные образы. Она настолько погрузилась в его жизнь и творчество, что неизменно чувствовала присутствие писателя рядом, за кухонным столиком у окна, где творился диплом. Работа подходила к концу, до защиты оставалась неделя, и Ио собиралась идти к машинистке с громадой черновиков, судорожно дописывая последнюю главу. Все было рассчитано по минутам, и, несясь по своему чумовому плану, Ио, казалось, уже втискивала победу в нереально сжатые рекордные сроки. Но вдруг обнаружилось, что рекорд повис на волоске, так как сроки скукожились почти

до точки плачевного завершения авантюры. Телефон вздрогнул, резкий звонок пророчил недоброе. Оппонент Ио сообщал, что расписание изменилось, и защита ее диплома состоится не через неделю, а через три дня. В том случае, конечно, если текст сочинения окажется завтра утром у него на столе для рецензирования. «Спасибо, что предупредили, – с трудом выговаривая слова, произнесла Ио каменеющими губами, – мой руководитель забыл это сделать. Утром работа будет у вас». Она положила трубку и благим матом, выплескивая чудовищное напряжение последних месяцев, низко озвучила Высокую улицу. Из комнаты прибежала перепуганная Наташа, а вслед за ней – скатившаяся по лестнице соседка со второго этажа. «Не реви! – приказали они, узнав, в чем дело. – Не успеваешь перепечатать, ну и ладно! Нет такого закона, чтоб обязательно машинописной работа была. Откуда у бедного студента деньги? Спокойно доделывай, а мы перепишем в четыре руки. Почерки у нас разборчивые, ночи хватит». И три девицы под окном трудились до утра. На Ио, как нарочно, накатило вдохновение, и она никак не могла затормозить в конце, но точку поставить все же пришлось. Временную точку, потому что затем всю жизнь Ио будет как бы продолжать дописывать этот первый свой опус об Олеше, пестрящий тремя разнокалиберными почерками и получивший отличную оценку на защите.

Олеша и дальше продолжал творить для Ио чудеса. Стало казаться, что он сам по неведомым причинам выбрал ее в разведчики своего пути, с легкостью избавив от тяжести Достоевского. А Берга взял в сообщники. Подтверждал ее догадки тот факт, что когда после защиты диплома Ио собралась переехать в Москву, чтобы работать в литературном архиве, хранящем наследие Олеши, он помог совершить ей и этот переход.

Ее были готовы принять на службу, но для этого требовалась московская или подмосковная прописка. Квартирный обмен на столицу отпадал: отсутствовало основание типа брака с москвичом, которого в тот момент под рукой не оказалось. А вот на Подмосковье – меняйся – не хочу, только сыщи поначалу в нем нового хозяина для своего низкорослого окна-провинциала. И вот когда последние надежды Ио уже догорали в пожаре

тщетных поисков вариантов обмена, в городе С. неожиданно появилась художница Людмила Горожанина, автор той самой иллюстрации к «Лиомпе», вдохновившей сначала Берга на песню, а затем Ио на соединение с Олешей. Милка жила в Загорске, и ей вдруг срочно понадобилось переехать в город С. «Слушай, давай меняться», – предложила она Ио, обалдело вытаращившейся на нее из кухонного окна. Казалось, что Милка внезапно надумала постучаться в него, проходя мимо.

Таким образом состоялся один из главных жизненных поворотов Ио. Она довольно быстро перебралась из Загорска в Москву и, трудясь в архиве, печатала свои работы об Олеше в престижных изданиях, а ее дипломный руководитель с гордостью рассказывал о ней студентам. Дочка Ио стала художницей, книжным графиком, и на обложке первого сборника маминых стихов изобразила гитару одной из самых необходимых деталей жизни. Новые стихи Ио были совсем не похожи на те, юношеские, лихо забытые ею благодаря Бергу. Его она включила в число главных своих учителей, которыми считала Олешу, обэриутов, Хлебникова и нескольких других больших поэтов. Кстати, критикуя ее юношеские опусы, Берг вполне лояльно отнесся к стихотворению, тоже потом отправленному Ио в корзину. Но из него она запомнила несколько строк. «Тебе – кусочек моего окна, я разобью его – держи осколок», – начиналось стихотворение. А заканчивалось так: «И ломит тело от засилья прозы – толпа глядит в разбитое окно».

Ольга Лесовикова

Вдень нитку в иголку

– Оля, вдень нитку в иголку.

И я вдеваю, быстро и легко, тут же убегаю, ведь меня ждут деревья. Бесстрашно лезу почти до самой верхушки и смотрю на мир свысока, мои ноги исцарапаны ветками, но я счастлива.

– Оля, вдень нитку в иголку.

Вдеваю с разбега и удивляюсь, как можно не видеть такое большое ушко, не понимаю, зачем бабушка латает старые вещи. Это так смешно, она надевает дырявый носок на перегоревшую лампочку и штопает, аккуратно закрепляя край, и нитка к нитке заполняет зияющую пустоту. Мне десять, я люблю обновки. Я расту и за лето то, что было как раз, становится маловато, коротковато, и почти новые вещи раздаются друзьям и родственникам. Мама хочет экономить, но я не люблю вещи на вырост, когда рукава, как у Пьеро, плечо не на месте, впрочем, так же не приемлю и тесные вещи, я люблю, когда впору.. Пора лета – ситцевая и воздушная, мне легко в сандалиях, мне сладко вокруг, всюду ягоды, фрукты, впечатления… долго сияет солнце, и жизнь видится длинной…

Бабушка вздыхает и просит:

– Оля, вдень нитку в иголку.

И я вдеваю.

Приезжает мама. У нее отпуск. Ей хочется успеть помочь на весь год.

И она торопится, шьет обновы, заказывает уголь и дрова, моет, драит, убирает, крутит компоты, варит варенье…

Огромный таз похож на озеро, в котором плавает вишня, – будущее варенье. У старого ореха есть печь, которую называют «кутунья», а слышится «котунья».

Не знаю, почему это смешное глиняное сооружение с дырявым ведром-дымоходом называют именно так, но придумываю историю, что на самом деле это зимний дом кошек, а летом, когда коты спят на ветках деревьев, они отдают его людям, и те устраивают из их жилища печь, вспоминаю сказку «Кошкин дом», напеваю «Тили-тили-тили-бом! Загорелся кошкин дом… Бежит курица с ведром…». Ношу из колодца воду, помогаю маме, заливаю огромную кастрюлю, в нее помещается пять трехлитровых бутылей, мама стоит у огня, регулирует кипение, закаточным ключом закрывает летние дары, чтобы бабушка в зимние дни открыла секрет витаминов и была здорова. Мама заботится…

А еще в этом огне мама потихоньку сжигает старые бабушкины вещи.

Ба протестует, когда замечает, что мама унесла ее старенькую рубашку, майку, ночнушку, требует вернуть. Мама не отдает.

Бабушка приговаривает:

– Посмотри, какое оно мягонькое, я ж латаю, оно без дыр.

– Ветхое все, глянь, толку от твоих латок.

Мама тянет за край рубахи, показывает бабушке огромную дыру и бросает рубашку в печь, пламя обнимает ткань и пляшет на ней последний танец.

Бабушка, опустив плечи, уходит, причитая и сетуя:

– Новое оно не такое, жесткое оно для моей кожи, чужое, не родное.

Идет в дом перепрятывать то, что мама еще не успела отдать огню.

– Оля, вдень нитку в иголку.

Вдеваю.

Я вдеваю нитку в иголку каждый божий день… и вчера, и сегодня… вдеваю без просьбы:

– Оля, вдень нитку в иголку.

Моей бабушки давно нет на земле, она смотрит с большого пушистого облака и улыбается. Ведь я пробую попасть в ушко иголки и не могу, глаза уже не те, и нитки не слушаются. Зато слух

обостряется, и я знаю, что ветхие вещи умеют говорить, слышу их голоса. Люблю возвращать целостность старым вещам, заполняя новое пространство памятью предков. Вот старая наволочка. Мне говорят, что она на ладан дышит, и пора бы ее выбросить, а я не могу, она вышита рукой пра-пра. А вот самовар, он достался от пра… вот молоток, старый такой, рукоятка затерта, металл щербат, но это память о прадедушке…

Можно с нуля, без склада чужих историй? Наверняка можно, но думаю – это иллюзия, связующая прорвется в сон, и ты ощутишь нехватку этих тактильных опор, этих земных якорей. Мы приходим в этот мир ниточкой сквозь игольное ушко и тянем род свой, длим его… Нам дали нить, и может быть, мы хотели шелк вместо грубой бечевки, но рисунок нашей жизни в наших руках.

Елена Андрейчикова

Не береги себя

Как сказал его командир, люди на войне бывают двух видов: те, кто бегут от эпицентра взрыва, и те, кто бегут на взрыв. Бывают еще те, кто замирает. Но на войне таким совсем делать нечего.

В феврале он был в рейсе, а тут такое.

Досрочно списался. Старпом на прощание покрутил у виска.

Долетел до Бухареста, а там на перекладных.

Дети и бывшая жена выехали в Польшу, уже легче.

Записался сначала в ТРО.

О нет, не для этого бросил море. Самонадеянно решил, что может больше, чем просто в жилом квартале Николаева перекресток охранять.

В ЗСУ.

Здоров. Годен.

Хотя лишний вес, лишние годы. Животик, будем честными.

Начались два месяца подготовки.

Все добровольцы страдали романтизацией войны. И он не исключение. Нет, они понимали, как это страшно, как опасно, и это не Хемингуэй и не Ремарк в суперобложках, это реальность, это прямо сейчас, у твоего дома. Но поначалу все было у добровольцев храбро, громко, временами пафосно.

Пафос день за днем сбивал командир. Постепенно, так, чтобы храбрецы раньше времени не разбежались.

Стрелять получалось. Разбирать, собирать, чистить тоже.

По словам командира, дефолтная прошивка мужчин такова, что пострелять хочется почти всем. С огневой подготовкой проблем у новичков не было. Резкий звук, вспышка, запах, адреналин. Иног-

да случайно (нет, специально, конечно) подсовывали бракованный патрон. Чтобы вдумчиво, без излишней самоуверенности.

А вот с тактикой уже все не так ярко получалось: надень-ка, милый, все снаряжение и бегай до потери сознания.

Елки-палки. Бегать? Как же тяжко...

Первые дни новобранцы выпендривались: что есть, где спать.

Через неделю ели все подряд. Спасибо волонтерам, иногда подкидывали, и даже было очень вкусно.

Ах, же где вы мои корабельные омары-устрицы!

Иногда новички не выдерживали усталости. Срывались друг на друге. Ругались, иногда дрались. Потом мирились. Командир не мешал, давал нервам выход. И наблюдал.

Однажды ему захотелось заплакать. Без звука и без воды из глаз.

Не успел – уснул.

Ноги мокрые, подушка шершавая.

Ночью пришло сообщение от нее:

«Береги себя»

Сучка.

Но улыбнулся.

Уснул.

Утром вспомнил, открыл – удалила.

Вспомнил, как разводились – громко, долго, детей не давала, развод то требовала, то отказывала, то кричала в трубку, то телефон блокировала.

Не сдержался, написал.

«Зачем удалила? Можешь писать «не береги себя», все равно весело».

Собирать, разбирать, учить, сдавать, бежать, хотеть заплакать, снова бежать.

Сирена, подвал, взрыв.

– Выйдешь, глянешь? – спросил его командир.

Как позже объяснил, это тоже часть подготовки. Тревога не окончена, может еще раз прилететь, и еще, и еще. Но правило золотого часа – оценить обстановку наверху, помочь поскорее раненым, именно этот час решает, кого удастся спасти.

Страшно ему было?

Те, кто бегут к эпицентру взрыва, не успевают бояться.

Но да, страшно.

Вмиг забываешь обо всей прошлой жизни, когда видишь последствия взрыва. Война это не только стрелялки и бегалки, это еще и взрывалки, разрушалки, умиралки. Мирные жители, женщины, дети. Огонь, крики, тошнота, копоть, гарь, детская кукла, мат, молитвы, ярость и удушающая ненависть.

За ночь постарел на миллион лет.

А это еще даже до передовой не добрались.

К утру отправили их спать. Какой там сон? Как уснуть после увиденного? Как собрать себя в кучу на завтра? Как бороться с мракобесием? Как быть полезным? Как не струсить? Как не струсить? Как не струсить? Как хотя бы усмирить обезумевший пульс?

Под утро уставший организм выключился на мгновение, но запищавший от сообщений телефон прервал осколочный сон.

«Не береги себя»

А потом:

«Не береги себя»

И снова:

«Не береги себя»

Еще:

«Не береги себя»

И еще:

«Не береги себя».

Поэзия

140 **Юлия Пикалова**
Не убий

152 **Елена Михайлик**
Поднебесный глаз

156 **Александр Щедринский**
Когда бы меня целовала

163 **Елена Зимняя**
Война

168 **Майя Димерли**
Только радость впереди

170 **Евгения Печенегова**
Из цикла «Жизнь»

Юлия Пикалова

Не убий

Милитари

какой там к черту
приход весны,
когда час óт часу резче мы,
когда
война
просочилась в поры и сны
и по фасаду змеятся восхитительные трещины!

нам стал известен
секретный код,
и руки чешутся – аж в ладонях жжение!
давайте,
давайте же пустим в ход
оружие массового поражения!

Не убий

Не убий
– Они и так не убиты
Не убий
– Зато теперь мы квиты
Не убий
– Пускай посидят в подвале

Не убий
– Но раньше ведь убивали
Не убий
– Это они себя сами
И скулят под завалами зовут запад тихими голосами
Не убий
– Мы один народ они отбились от рук
Мы поступаем как поступает друг
Наша поступь тверда
Они еще скажут да
Спасению от гнилого запада
Не убий
– Тогда убили бы нас
Славься спецоперация
Славься спецназ
Славьтесь российские войска
Za то что планета жива пока
Славься Путин мессия
Славься Россия
Не убий
– Мир вокруг погряз во лжи
Белую повязку ему повяжи
Тогда не возьмем на прицел
Будет цел
Не убий
– Это борьба за мир
Не убий
– Точечно нацистов не ошибается командир
Не убий
– Знаешь не все так просто
Не убий
– Шлю ковер и костюмчик по росту
На вырост позже найду
В аду
Не убий
– А пятой колонне с глазами полными влаги
Мы напомним как их дедов исправляли в гулаге

Не убий
– Мир просто не понял как ему повеZло
Мы абсолютное чистое беспримесное

Мы идем!

Мы идем! Мы идем! Мы идем!
Наши руки – единое «за»!
И разносится радостный гром,
И летит молодая гроза!

И по правилам нашей игры
Скоро все будут в нашей игре!
Наши взоры чисты и остры,
Наши руки по локоть в добре.

Сангина*

Что же, теперь мне знаком
Взгляд предающего брата.
Чтобы писать о таком,
Прежних чернил маловато.

Не заржавеет за мной:
Жгу (и глаза все суровей)
Охру с сиенской землей
Цвета запекшейся крови.**

* От латинского *sanguis* / *il sangue* (ит.) / *le sang* (фр.) – кровь.
** Так получали сангину в древности.

Искатель

«Все ходит по цепи кругом».
А. Пушкин

«Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)».
Л. Толстой

Искатель неугомонный!
Сколько ты ни беги –
Исконное лукоморье,
Уже, уже круги.
Казалось, что найден выход,
Что розданы все долги…
Но застит лихое лихо,
Сколько ты ни беги.

Мистерия?.. Истерия?..
Бойся стоять спиной!
Свой голод не усмирила
История – пес цепной!
Свой голос сиплый, бульдожий,
Свой полный слюны оскал…

Боже! Одно и то же,
Сколько б ты ни искал!

Руины речи

«Я трамвайная вишенка страшной поры…»
О. Мандельштам

я озираюсь в руинах речи
глагол военщиной изувечен
мне с ними – не о чем, незачем, нечем
    вопиющего глас

всюду нероны поют горение
в ресторанах post-covid столпотворение
наличие глаз не гарантирует зрения
    в Европу течет газ

где вы, братья мои и сестры
куда безумный трамвай несется
он битком, кто спрыгнет – спасется
    конечная остановка – фарш

мы не спасли ни себя, ни слово
солнце мое, ты выйдешь снова?..
ви розумієте, про що мова
вон на конечной – сироты, вдовы
    маэстро, урежьте марш

Герника

«Герника» видела в основном спины посетителей».
Ле Корбюзье

материя
    распадается, господа
потеряны
    боги, слоги, голоса, города

герника
вывернута в беззвучном крике
но крик
не воспримет глыба – безликий бык
идолище стоит от века и на века
конь последним хрипом, разрывом жил
проклинает быка
солдат пока жил
сжимал ромашку и меч
но рука
отделена от плеч
плечи от головы

«– Это сделали Вы?
*– Нет, это сделали ВЫ».**

люди на адском блюде
не я, не ты
разверстые рты
проклинают быка
они лишены языка
у матери вместо него кинжал
детское тельце обвисло тряпочкой, оно
единственное не напряжено
мир последним хрипом лопался и дрожал

не мое, немое кино

...
на всемирной выставке в париже
мы не подходили ближе

* Однажды во время немецкой оккупации Парижа в мастерскую художника пришло несколько гитлеровских офицеров. Один из них взял со стола репродукцию с «Герники» и небрежно спросил Пикассо: «Это вы сделали?» – «Нет, это вы сделали», – ответил художник. // «Пикассо» (Голомшток, Синявский, 1960).

к чему такие картины
герника видела наши спины

бык-тупогуб-погубитель
бычье мясо – наши сердца и умы

материя распадается, господа
это делаем мы

Указ*

«УКАЗ
Президента Российской Федерации»

(рано замирать в прострации,
но при прочтении
не помешает должное почтение)

«П о с т а н о в л я ю:
ПУНКТ ПЕРВЫЙ.
Создать мобилизационные людские резервы
на период проведения
эксперимента по внедрению
системы подготовки и накопления
мобилизационных людских ресурсов».

Теперь понимаешь, безмозглое поколение?
Туда – не суйся!

Ах да,
Это твой шанс на «Можем повторить» и все такое.
Но то ты орал, находясь в покое,

* Курсивом дан указ Путина от 17.07.2015, практически без изменений. «*Какая гадость чиновничий язык. Я читаю и отплевываюсь... Неясно, холодно и неизящно: пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит*», – А. Чехов.

А теперь беспокоен – сжало горло:
Двуглавая птица над тобою крыла простерла.
На тебя уже есть каска и прочие причиндалы
(спроси убитых оптом, как здорово это их ограждало).
Потом не ищи причин, чье на чье нападало.

«ПУНКТ ВТОРОЙ.
Для служебного пользования».

Все верно, герой:
Он продолжает пункт первый –
Для чего нужны «мобилизационные людские резервы»!

«ПУНКТ ТРЕТИЙ.
Правительству Российской Федерации
и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации
обеспечить проведение
мероприятий, связанных с поступлением
В РЕЗЕРВ
граждан Российской Федерации,
пребывающих в шоке (зачеркнуто) в запасе».

Эй, резерв, форма очень тебя украсит!

«ПУНКТ ЧЕТВЕРТЫЙ.
Финансирование мероприятий, связанных с формированием резерва,
осуществляется за счет бюджетных ассигнований…»

И чтобы отчитаться не забывали:
Как идет заготовка мясных консервов?
И что скажет мама
Про 84 твоих килограмма.

«Президент Российской Федерации В. Путин. Москва, Кремль, 17 июля».

Летние дни не минули:
Теплые ливни, липовый цвет.

Печать – КАНЦЕЛЯРИЯ. Подписи – нет.

Утро

ласточки взмыли выше,
звоном взрезая свод.
отрок на землю вышел
из розоватых вод.

веки его невинны,
узки его ступни.
    яростный день нагрянет.
    ночь глухая накроет.
веки его мгновенны:
время, повремени!

Не смотри

Господь
ты роешь оборонительную траншею
осколок тебе прилетает в шею
сонная артерия
вечный сон
бурое пятно весенний газон
быстрее чем гвозди
у нас цейтнот
вот милосердие
вот

четвертовать
рвать
на три
или напополам
мне стыдно Господь
не смотри
иди по своим делам

Стихотворение посвящается Дмитрию Зубрицкому и Николаю Вавилову, добровольцам из Киева, погибшим весной 2022. Им было по 25 лет.

О серебре на золотом

И блеск, и близко небеса –
Уверенных времен приветы,
И мощь тугого колеса –
Пол-оборота – полпланеты!

Но плакать о пережитом
И не таким пришлось державам,
О серебре на золотом,
Что стало сединой на ржавом.

Привет

«мы же писатели сука каторжники пера»
А. Цветков

то ли мир довертелся то ли в лаборатории
бог-второкурсник нарушил баланс зла и добра
долг наш теперь последний фиксировать крах истории
мы же поэты сцуко каторжники пера

белые хризантемы вспышками хиросимы
распускают над шариком дикие лепестки
к бою братья-поэты встретим конец красиво
сделаем из сахары сахарные пески

здесь без конца историю воссоздавали заново
только рисковей на каждом витке и злей
вышли в финал так падай пожарный занавес
заизолируй зарево и залей

чтобы дурной пример для других галактик
не подавали пора пора на корню
чтоб неудачных лабораторных практик
минимизировать выхлоп и пачкотню

лидеры сверхдержав рухлядь дерьмо никчемность
плачут не то нажав мир отгорел на треть

видимо мы и есть те самые люди в черном
все нипочем нам лишь бы запечатлеть

и разлетаются фейерверком обломки
шарика голубого крепкой земной коры
свет напоследок дальше будут потемки
вот и узнаем как выглядят тартарары
вот и узрим предсказанья певцов отпетых
и подберем антоним к святая святых
и второпях из слов уже не распятых
в преткновения знаках всяких там запятых
соорудим нетленку последняя ночь помпеи
дань отдавая прощальную языку
чтобы однажды эксперт из кассиопеи
мучаясь долго все же прочел
ку-ку

Лорка

«Все мы волки дремучего леса Вечности».
М. Цветаева. «Поэт и время»

Да что нам твое железо,
Выстрелы между глаз?
Мы волки *вечного* леса,
Время нам не указ.

Ты ударяешь первой,
Целишь в наши умы.
Вой, современность-стерва:
Побеждаем мы.

Елена Михайлик

Поднебесный глаз

У меня был полный гербарий – из всех городов и сёл,
Все года издания: вид хомо, ветки и ствол…
(Ну вот что вы собираете – книги, марки, медали?)
А потом в процедуре – и реальности – случился прокол:
Этот скучный тип из Вифании сдвинул пленку, встал и ушел,
И на проходной просто объяснил, что его позвали.
И конечно, я полюбопытствовал, кто.
Так что
Это не я внушал храмовым бюрократам
арифметику дешевой шпаны,
Это не я пугал Пилата законами его же страны,
И конечно, не я подсказывал этот абсурд Иуде,
Потому что я все-таки бывший ангел, а не законченный идиот,
Я как понял, что Он же рано или поздно тоже умрет
и, конечно, сюда зайдет,
Так и представил, что у нас здесь в результате будет.
(А вышло и того хуже, люди!)
Он в три дня воскрес – разумно по здешней жаре,
А у меня теперь не континуум, а дыра на дыре,
И от собрания остались одни куски и осколки,
И поскольку Его мама так и ходит ко мне, как на базар,
Оставляя за собой запустение, погром, потоп и пожар,
Начинать коллекцию заново – даже из одних злодеев –
в общем-то, мало толку.
И я гляжу на свой любимый склад,
Внезапно превратившийся в ад,
И думаю: не только люди не ведают, что творят,

И копают себе яму, уже проживая в провале, –
Потому что если б я не пахал в шесть рук и оба крыла,
Обучая этих смертных всему, что касается зла,
То хоть в ком-нибудь из участников той истории
проснулись бы мозги или жалость,
Он бы жил и проповедовал, коллекция была бы цела,
Ну а после Его смерти… мы б хотя бы поторговались.

Таксономия дает немало примеров
Нарушения техники безопасности в пределах родной страны –
Например, берут змею, называют macrovipera
И потом удивляются отношению с ее стороны.
Не то чтоб она до того не пугала мышей, не кусала женщин,
Не прыгала на два метра в любую из возможных сторон,
Но пока ее звали просто «гюрзой» (тоже хамство,
если подумать), людей от нее умирало меньше –
И это, между прочим, всем известный вселенский закон…
И способ известен – сместить характер, избыть обиду,
Добыть хорошее отношение, не потеряв драгоценный яд.
Возьмите семейство, переназовите его: Эвмениды…
Афиняне так поступили – им и доныне благоволят.
Но и тогда, конечно, в общении знайте меру,
Берегите ноги, руки, нос, компьютер, глаза –
Сам Линней не додумается,
что может выкинуть благоволящая вам випера,
То есть, простите, гадюка, то есть гюрза.

Т. А.

Действительность, от которой воздух легкие рвет,
Подлежит неукоснительному превращению в анекдот,
В небрежный полет ласточки над предвечерней рекою,
Во вкус и запах покоя, шестигранный змеиный мёд,
Чай с лимоном и словом, здесь и сейчас,
А жемчуг, послойно хранящийся про запас,

Произведут совсем на других глубинах,
На других руинах, без воздуха – и без нас.

Нам бы хватило железа, золота и бетона,
Откуда ладьи, архаика? Причины просты.
В начале той самой войны Аид катился назад,
Поэтому в среднем течении Ахерона
Взорваны все мосты.

Мы тогда отбились, отстроились после визита.
Разве что Флегетону так и не дан отбой.
Теперь пылает для красоты –
Всем нравится черный огонь на полнеба, мы-то
не воюем между собой.

Заняты. Нам работы хватит до конца света:
Молекулы, фотосинтез, движенья карандаша –
Всё мы, и воздух, и сон,
Когда совсем устаешь, вспоминаешь –
тут за углом течет целая Лета.
Выпьешь глоток – и снова можно дышать.

Войну она не смывает, не может, сама боится
Того, что ломилось на нас сквозь щели часов и дней…
С кем воевали тогда? От кого держим границу?
С живыми.
В этих краях нет никого страшней.

Даже Александр Сергеич не знает, зачем она вдруг дана,
Хотя как раз в его случае ситуация, как будто, ясна:
Чтобы литая речь уходила, как столп Вавилонский,
за край небес, чтоб мороз предсказывал розу,
Чтобы черный отечественный документ
и сентиментальный елизаветинский анекдот
и еще невесть какой вздорный, злой элемент
Под давлением образовывали воздух, а не цемент,
Формируя во всех смыслах пригодную к жизни прозу.

Это не как у Гоголя, где то, чем можно сказать, –
Вообще произнести происходящее,
не то что поведать людям –
Входит в голову, как в пустую церковь, открывает глаза…
И единственное утешение – что сейчас тебя уже здесь не будет.

Нет, совершенно не так: поднебесный глаз
С пониманием и сочувствием смотрит на нас –
Видит все, и тем не менее светит, светел,
Вот только жизнь, и на всё нужна, и не так длинна,
Но никак не найти, не придумать – зачем она?
Не за этим ведь? Не за этим…

Александр Щедринский

Когда бы меня целовала

* * *

не двинуться. сиди в своем углу.
пусть говорят, что выбор твой банален:
на стуле, на диване, на полу
иль приколов себя к одной из спален
в районе постинфарктного совка.
здесь всё одно: что люди, что собаки.
а общество ковра и потолка
похоже на кубизм в цветной бумаге.
пусть за окном проходит день за днем
и танки заменяют на спорткары.
но все равно, коль долго мы живем,
то кончится титаником, икаром –
трагедией, закупоренной в цинк.
мир хэппи-эндов нам не обещает.
господь распят, ганеша отдан в цирк.
анубис на весах пером стращает.
куда мне деться? истина в вине.
хлебну. мой дом, как палуба, пусть едет.
и маяком лампада на стене
мерцает, будто миру что-то светит.

* * *

а было, положим, зимой,
когда ты меня целовала,
когда над страной – бог ты мой –
висело небес покрывало,

как цинк средь живой кутерьмы.
но время – тик-так – не догонишь.
и вот уже, стылые, мы
сидели в зеркальном вагоне.

а помнишь, я к слову тогда
пристраивался, примерялся.
во всем виноваты года,
что в трении я истесался,

зато научился терпеть
над строчкой, над женщиной, жизнью.
терпение – пробная смерть,
когда за спиной – пол-отчизны

стоит, изнывает и ждет.
и ты с нею ждешь соразмерно.
а снег по привычке идет
все так же бездарно, наверно.

и ты где-то там, да и я
кого-то под небом целуем,
и сладкая чаша сия
пропитана новым июнем.

и не возвращаться назад
в вагоне торжественно-синем,
который, сличив циферблат,
мы в первую полночь покинем.

* * *

а хочется так просто быть собой.
когда слетит последнее позерство.
чтоб твои раны пес сторожевой
лизал с неутолимостью обжорства.

спиной, усталый, съедешь по стене
и голову на грудь птенцом уронишь,
как тополь, что склонился по весне
в каком-нибудь задымленном районе.

вокруг несется время, электрон
за электрон цепляясь, множит скорость.
а ты решил: чай, шашки и вагон –
последнее, что может быть опорой.

не перейдя в постисторичный бег,
ты смотришь постсоветский телевизор
и ешь какой-то штрудель на обед
на старческой натертости сервиза.

я не люблю эпоху торжества
безликой бестелесности машины.
чтоб убедиться в том, что дважды два –
четыре, нужно лишь не быть кретином.

все так переменилось. взмах рукой –
и кто-то будто дал указ: меняйте!
и поколенье пнули на убой,
где всяк себе отныне гауляйтер.

но всё же мы, бывалый эшелон,
не сбрасываем опыт свой со счета
и пристально глядим на общий кон,
который отобрать мечтает кто-то.

мы думали, конец: господь, гряди.
что песня наша сбилась и охрипла.
но сколько ждет на свете впереди –
когда всего лишь молодость погибла.

а прочее… а прочее – вот-вот.
и оттого задорны наши лица.
что старый дождь на новый лад пройдет,
не смыв черты сентябрьской столицы.

пусть юность запирается в хай-тек,
а нам оставит море и девчонок,
благословляя этот прежний век
быть вечностью для дяденек под сорок.

* * *

В гончарном круге господа ищи,
Гончар, что лепит чудо из печи.
Найди его в лечении, хирург,
И крикни, что Он вправду демиург.
Сапожник пусть отыщет в сапогах
Его, палач – в летящих головах.

Но если, скажем, пекарь ищет свет
В гончарстве, то, конечно, Бога нет.

* * *

не то чтоб время не стирало нас
в потусторонней памяти зеркальной.
стоящий у окна ночной анфас,
нависший силуэт над нами в спальне.

оно уходит. словно крик в ночи.
но только перед тем, как исказиться,
скользнет в карман, заденет там ключи
и в стенах, словно мячик, отразится.
ну а потом – слова, что конденсат,
над городом рассеются, чтоб в мае
дождями возвратиться к нам назад,
пока ты едешь в утреннем трамвае.
я, верно, позабыл слова любви.
все чаще я считаю пульс и деньги.
мир сотворен у бога на крови,
и с этим ничего, увы, не сделать.
но все же смерть – кончина суеты,
земли с луною треснувшие блюдца.
а то, что трубку там берешь не ты, –
отличный повод лечь и не проснуться.

* * *

постель свежа. твой город под дождем
шумит под стать ночному океану.
и каждый нерв, обтесанный ножом,
вдоль ливневых полос в одно протянут.
чиста душа. все выметено вон.
колени обхватив, глядишь наружу.
и утренний трамвайный перезвон,
церковному подобно, тешит душу.
все то, что нужно, есть. сиди, дыши.
будь благодарен ветру за дверями
и тих, как мышь, что влезла в камыши,
подобно сказке с бурыми тенями.

* * *

да. жить. хоть как-нибудь, но только жить,
но просто жить, ложась и просыпаясь.
подавленная плоть листом дрожит
в мгновеньях от потерянного рая.
расколотое общество зверья
само себя жует на пепелище.
а где же я? а что же? как же я?
я просто тень. никто меня не ищет.
не плакать. ведь слезам не веришь здесь
ты сам. рвать на груди своей рубаху.
потом, в костер уставившись, присесть,
не чувствуя ни радости, ни страха.
впервые ощущая в голове
то легкость, то оргазм от завершенья,
уснуть росою в утренней траве,
соотнесясь с земным сердцебиеньем.

* * *

когда уже и некому кричать,
и связки обветшали, словно нити,
как раз тогда стихам твоим в печать
и прозе заявляют «заходите».
когда не нужно в жизни ничего,
а просто в стенку пялиться бездумно,
тогда девчонки горя твоего
вдруг возвратятся все походкой лунной.

не чтобы сокрушиться надо всем,
не чтоб сырозинировать над этим –
ты, словно составная из лексем,
содержишь лишь структуру. не во цвете,

не в чувстве ли, в эмоции живя.
cogito ergo sum тебя исправит,
как в дождь на два деленного червя
разумность кольцевая душу плавит.

так, жизнь в пути, когда она за нас,
подобна продвижению из мрака
ко свету, где в конце – олимп, парнас,
аидова трехглавая собака.
но точка старта – смерть. всегда она.
и, обеляясь грязью от подошвы,
идешь на свет. а там – одна стена.
и лампочка, и надпись: «поздно. что ж вы?».

коль есть конец (не наш, а вообще),
то следовало б думать о прошедшем.
о детстве, о любимой в шалаше,
о преходящем, выпавшем, отцветшем.
когда, рубеж заветный перейдя,
ты обнаружишь просто оборот там
того, что вне, то капельки дождя
вновь выделят тебя, что ждет кого-то.

Елена Зимняя

Война

* * *

Мы укрепляем берег,
Они минируют море.
Знают ли, что волною
Может разбить о скалы
В щепки их флот хваленый?..

Море, закрой им небо –
Пусть будет звезд не видно! –
Чтоб утонуло время
Камушком в темной бездне

И в диком смехе чаек,
В песне хмельной сирены
Чтобы луной бумажной
Сделался верный компас.

Чтобы матрос на вахте
Окаменел от страха,
Чтоб капитан, забывшись,
Вдруг перепутал карты.

Море, закрой мой берег
Темной глухой стеною,
Нежно возьми мой город
Парусником в ладони.

...Тихо белеет парус,
В небе дрожит луною.
Море, пошли нам с ветром
Ангела над водою!

* * *

Генерал, ошибитесь!
Так тоже можно
Понравиться даме,
Особенно если она
Киевская ведьма,
К тому же
Выросшая на берегу
Самого синего
Черного моря

И умеет разговаривать
даже с Рыжим лесом, –
Вы ведь видели,
Как он встретил недавно
Ваших солдат...

Генерал, Вы танцуете?
Не откажите даме!
Черный кот,
Который перебежал дорогу,
Вам, похоже, просто приснился –
Там, на Патриарших,
Вы встретили не его...

Если спросит Вас
Самый Главный,
Скажите, что Вас попутал
Тот, кто встретился Вам – случайно? –
По дороге к нему во дворец...

Не оглядывайтесь,
Генерал, и…
До скорой встречи!
Осторожней на лестнице,
И смотрите – если Вы не придете,
Берегитесь –
Маргарита
Уже прибыла на бал!

* * *

«Благодатный» огонь
ракет, пронзивший апрельское небо, –
Ты, пославший его,
ведаешь ли, что творил?

Пусть тебе снится каждую ночь
девочка с улыбкой Мадонны,
держащая на руках младенца,
в обрамлении пасхальных – погребальных! – свечей.

Пусть тебе слышится каждый день
плач осиротевших детей,
заглушающий вой
сирены воздушной тревоги,
застывшей в обращенных в небо глазах.

Пусть тебе видятся во всех зеркалах
тени сломанных деревьев
с простертыми к небу ветвями,
сотни, тысячи изувеченных
тел животных,
погребенных под обломками
разрушенных домов
с пустыми глазницами окон.

В эту пасхальную ночь
тебе полмира желает смерти.
Но суждено тебе жить вечно
и вечно брести по дороге
без начала и конца,
на которой шаги твои
будет мерить луч полночной луны.

…А где-то в тумане
на границе миров
между мигом и вечностью
будет тенью стоять Маргарита –
Морриган и с тоской глядеть
на убывающую луну,

И темная прачка-призрак
будет неустанно полоскать в реке
одежды твоих
обреченных на гибель воинов…

* * *

Бабочка и танки,
стрижи и ракеты,
пение синиц
и вой сирен воздушной тревоги,
нежный аромат тюльпанов
и удушающий запах гари…
Мозг пытается сопоставить это –
написать картину маслом и… кровью?
Связь прерывается,
голос тонет в шуме
взрывов, сирен, возгласов страха и боли.
Кажется, что это сон,
и ты вот-вот проснешься.
Но утро не наступает.

Кнопка «завершить сеанс» не работает.
Это игра на выживание,
в которую тебя поместили
и нажали кнопку «старт».
Функция перезагрузки отсутствует.
Границы между виртуальным
и реальным миром больше нет.
Ты – оживший персонаж
чьей-то больной фантазии.
Ты закрываешь глаза –
и перед тобой снова
бабочка и танки,
стрижи и ракеты,
осколки разорвавшихся снарядов
среди тюльпанов и роз.
Жизнь со следами смерти,
где каждый сам ищет выход,
рискуя наступить на мину…

Апрель 2022 г.

Майя Димерли

Только радость впереди

* * *

мой отец давно небесный
был при жизни офицером
и из пушки совершенной
он палил по воробьям

был он в целом безупречен
и не менее опасен
он носил медаль «Нирваны»
за победу над собой

в центре тульи на фуражке
желтою сиял кокардой
и казалось будто это
у него звезда во лбу

но у папы как у шивы
было на душе паршиво
потому что очень грустно
в жизни только разрушать

мама-шакти, мама-дурга
папу страшно ревновала –
он летал к прекрасным пери
на сафьяновых санях

и под утро возвращался
в перепачканном камзоле
без усов, без партбилета
честь мундира уронив

и тогда они плясали
вместе с мамой экстатично
страстно и самозабвенно
танец с саблями в руках

но у папы как у шивы
поутру дрожали руки –
все четыре бесполезны
всё валилося из них

мама это понимала
и восставши на пуанты
на его сердечной чакре
исполняла фуэте

кстати дети и солдаты
обожали маму с папой
за конфеты и патроны
за харизму и талант…

это было время мира
это было бремя жизни
это было это было
это будет без конца

у избитой песни этой
нет ни смысла ни морали
только светлый путь к нирване
только радость впереди

01.01.2022 г.

Евгения Печенегова

Из цикла «Жизнь»

* * *

Беспрекословно
Не подчиняюсь бегу времен.
Все в мире условно,
А жизнь, словно странный сон.
Завтра есть или будет?
Ангелов голоса
Слышу. Скоро разбудят.
Здравствуйте, небеса!

Май 2022 г.

* * *

Мой нехитрый скарб – фонарик, тетрадка стихов и колода Таро.
Что еще нужно, чтобы сча́стливо жить?
Дух катакомб, пропитавший мое нутро,
Стих написать и немного поворожить.
Может, еще гитара, бокал вина
И друзья, за которых не страшно в ад.
Что еще нужно? Ведь жизнь у меня одна.
Как и я у нее. И не будет дороги назад.

26.05.2022 г.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

172 **Марк Яковлев**
Dora

201 **Елена Погорельская**
Памяти друга и соавтора

206 **Елена Каракина**
Свидания с поэтом

215 **Евгений Деменок**
Украинское искусство в Венеции

225 **Вадим Перельмутер**
Поэт Причерноморья

253 **Феликс Кохрихт**
Душа моя Мещанская

265 **Виктория Коритнянская**
Художники Силин и Ковшаров

281 **Валерий Романов**
Первая скрипка

288 **Борис Эйдельман**
«А напоследок я скажу…»

Марк Яковлев

Dora

Эссе о жизни Доры Шварцберг

Дора Шварцберг (ДШ) – известная в мире скрипачка и музыкальный педагог. Она выступает и дает мастер-классы по всему свету: в Европе, России, Америке, Израиле, Японии, Китае. Выступала и общалась с Иегуди Менухиным, Мстиславом Ростроповичем, Мартой Аргерих, Исааком Стерном, Хорхе Боссо, Валентином Берлинским, Юрием Башметом, Раду Лупу и другими выдающимися музыкантами современности. ДШ лауреат многих междуна-

родных музыкальных конкурсов, ее ученики являются концертмейстерами и играют в ведущих оркестрах разных стран. ДШ более 30 лет работает профессором Венского музыкального университета. В настоящее время она также является профессором музыкальной академии Бухман-Мета в Тель-Авиве. Живет везде, где есть музыка, но чаще всего в Вене.

Необычное начало

Мы созвонились с ДШ и договорились, что я приеду в Вену взять у нее интервью. За день до отъезда я позвонил ей еще раз и услышал, что голос у ДШ низкий, как у простуженного человека.

– Да, – сказала ДШ, – сегодня и еще два-три дня я не смогу петь в Венской опере.

– А в Ла Скала? – подхватил я ее шутку.

– И в Ла Скала тоже, – ответила ДШ и засмеялась, – но они об этом еще не знают!

И тут я понял, что скрипка ДШ может не только говорить и плакать, но еще и смеяться.

– Сильная простуда? – спросил я уже более серьезно.

– Да, приличная, но вы не переживайте: в конце концов все будет хорошо! А пока я в госпитале, то есть что-то плохо, значит, это еще не конец, – процитировала она Пауло Коэльо.

– Так вы в больнице?!

– А где же мне еще быть с таким-то голосом? Забежала на минуточку проверить легкие, а они меня уложили на коечку.

– Я хочу вас завтра навестить в госпитале. Как мне к вам проехать?

– Вас встретит мой муж, и вы вместе приедете.

– Хорошо, как зовут вашего мужа?

– Иван, Иван Романов.

«Странно, – подумал я, – у женщины, родившейся за кулисами еврейского театра, мужа зовут Иван Романов».

– Вы, наверное, хотите спросить меня, откуда у мужа женщины, родившейся за кулисами еврейского театра, такое простое русское имя и знаменитая русская фамилия?

– Как вы прочитали мои мысли?

– А меня об этом все спрашивают!

– Да, интересно…

– Вы, наверное, слышали, что есть английская ветвь царского дома Романовых?

– Не только слышал, но даже немного писал об одном из ее представителей, английском принце Майкле Кентском…

– Ну так вот, – твердо сказала Дора, – а мой муж – это еврейская ветвь дома Романовых! Теперь вы будете писать о графе Романове из Одессы, – и она снова засмеялась.

Наконец-то до меня дошло, что на самом деле я еду не в Вену, а в Одессу!..

Кому это надо?

– Не знаю: кому нужны мои воспоминания? – спросила меня Дора в начале нашего разговора.

– Думаю, что ваши воспоминания понадобятся, прежде всего, вашему внуку.

– Да, – подтвердила Дора, – именно ему, моему внуку! И это единственное, что мной движет в нашем разговоре.

Ташкентский базар, где можно приобрести все, включая жизнь и судьбу

Дора родилась в Ташкенте через год после войны, и, как уже было сказано, за кулисами еврейского театра. Отец Доры Рафаил Шварцберг родом из Румынии, играл на скрипке и вел (дирижировал смычком) оркестр в театре. Мама Мира (в девичестве Шендерович) родом из Киева, была виолончелисткой того же театра. Она хорошо играла также на пианино и аккордеоне.

Рафаил Шварцберг познакомился с Мирой Шендерович в Ташкенте на Алайском базаре после Дня Победы в 1945 году. Начинался период свадеб, и Рафаила часто приглашали играть на них как скрипача театра – это называлось «халтура». Но для «халту-

ры» нужен был еще аккордеон. Думая о том, как бы найти аккордеониста, Рафаил зашел на Алайском базаре в торговый ряд, где продавали узбекские лепешки и самсу. Подойдя к молодой продавщице, он попросил продать ему две лепешки. Продавщица открыла футляр от виолончели, достала оттуда две лепешки, завернутые в «душу» – платок, сохраняющий тепло лепешек, и протянула их Рафаилу.

– Вы играете на виолончели? – спросил он продавщицу.

– Да, играю, – ответила девушка.

– А на аккордеоне сможете?

– Не пробовала, но думаю, что смогу, – улыбнулась девушка, – я играю на пианино.

Так они составили дуэт и сыграли сначала на чужой свадьбе, а потом и на своей.

Бабушка Доры, как и отец, тоже играла на скрипке, и профессия девочки при таком семейном раскладе была, в принципе, предсказуема.

Маленькая Дора

В Ташкенте папа и мама целыми днями пропадали в театре, а маленькая Дора часто ходила с бабушкой на Алайский базар, место, где познакомились ее папа и мама. Однажды на базаре они неожиданно встретили странного старца, возникшего непонятно откуда, как волшебный старик Хоттабыч из обычного кувшина. Дора была одета в яркое шелковое платье с узбекским орнаментом в бордово-черных цветах и такие же цветные шароварчики, на голове у нее красовалась тюбетеечка.

Эти цвета, красный и черный, будут сопровождать ее потом всю жизнь как знак судьбы. Старец посмотрел на Дору и спросил:

– Ты девочка?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты мальчик?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты узбечка?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты еврейка?

– Нет, – ответила Дора.

– Ты русская?

– Нет, – ответила Дора.

– Так кто ж ты, наконец?! – воскликнул старец голосом Фауста.

– Я – артистка! – звонко отчеканила Дора детским голоском.

– Всем скакать на лошадях судеб своих! А тебе в поте лица своего добывать хлеб свой насущный, исполняя и храня музыку! – подняв палец вверх, словно дирижерскую палочку, произнес старец и так же неожиданно исчез, как и появился.

Через пару лет «артистка Дора» действительно взяла в руки скрипку, но это было уже в другом городе, в Николаеве.

Николаев – город детства и первой скрипки

Когда Доре исполнилось три года, семья переехала в Николаев. В этом городе в возрасте пяти лет Дора взяла впервые в руки скрипку… и стала играть. И играет до сих пор. Как написал один французский летчик, выпустив ненадолго штурвал из рук: «Все мы родом из детства». Детство – это воспоминание, в которое мы возвращаемся всю жизнь. И совершенно неважно, где прошло ваше детство: в Ташкенте, в Николаеве, в Одессе, в Москве, да хоть в Занзибаре! Все равно вы всегда будете вспоминать ваше детство и говорить, что «нигде нет таких пальм, как в Занзибаре!».

Родители переехали в Николаев, прежде всего потому, что еврейский музыкальный театр в Ташкенте расформировали в 1948 году. А в николаевской филармонии нужны были музыканты. Кроме того, Николаев был ближе к Молдавии, а Молдавия ближе к Румынии, а Румыния – страна детства отца Доры.

Потом расформировали оркестр николаевской филармонии, и родители Доры переехали в Кишинев. Там они служили музыкантами в знаменитом молдавском ансамбле народного танца «Жок» и много ездили по стране с гастролями.

Еще одной причиной переезда семьи в Николаев можно считать находящуюся рядом Одессу, а в Одессе – школу музыкальных вундеркиндов Петра Столярского, прекрасно подходящую для

образования дочери. Но дорога Доры в школу Столярского была длинной. Сначала надо было несколько лет брать частные уроки в Одессе и, между прочим, платить за них. Зарплата у советских музыкантов, как известно, была невелика. Мама Мира говорила: «Мы жили в кредит!».

А папа Рафаил сам себе задавал философский вопрос: «Что мы, музыканты, можем украсть у советской власти?» И сам себе отвечал: «Ничего, кроме фальшивых нот!..».

Бабушка будила внучку в пять часов утра, доставала одну ногу семилетней девочки из-под одеяла, натягивала на нее чулок и засовывала ногу опять под одеяло. Потом доставала другую ногу и делала с ней то же самое. Перед тем как обуть внучку, бабушка обматывала ей ноги газетой. Газеты, как известно, хорошо сохраняют тепло.

Из дома выходили в шесть часов утра и шли на автобусную остановку. Небо детства было необычайно ярко-синего цвета! Такой же цвет Дора увидит еще раз только через тридцать лет во сне, когда перед концертом в Линкольн-центре в Нью-Йорке ей приснится Иегуди Менухин в бархатном пальто ярко-синего цвета – цвета николаевско-одесского неба.

Четыре часа бабушка с внучкой, а внучка со скрипочкой добирались до школы. Перед мостом автобус останавливался, все пассажиры выходили и в любую погоду – и в дождь, и в снег – шли через мост пешком. Мост был слабым и мог не выдержать автобуса с пассажирами. Занятия начинались в десять часов утра. Четыре часа бабушка с внучкой, а внучка со скрипочкой добирались обратно. Еще со школы у Доры в голове сидит бодрая пионерская фраза: «Усталые, но довольные, они возвращались домой!».

Одесса и школа Столярского

Родители поехали в Кишинев, а девятилетняя «артистка Дора» поехала из Николаева в Одессу, жить «на квартире» и поступать в знаменитую музыкальную школу имени профессора П.С. Столярского. Поступить в школу-интернат, «кузницу музыкальных вундеркиндов», куда приезжали музыкальные таланты со всей страны, было трудно, очень большой конкурс. Жак Тибо, лучший

скрипач Франции, говорил: «Педагогика Столярского – это то, чем должно гордиться мировое искусство».

Достаточно сказать, что из школы Столярского вышли такие известные на весь мир скрипачи, как Давид Ойстрах, Буся (Борис) Гольдштейн, Елизавета Гилельс (сестра пианиста Эмиля Гилельса) и многие другие. Девиз школы звучал скромно, но с одесским акцентом: «Ваш мальчик – обыкновенный гениальный ребенок!».

Про мальчиков в девизе школы было сказано все, а про девочек – ни слова.

Девятилетней девочке Доре повезло: ее учителем стал Бениамин Мордкович, ученик самого профессора Петра Столярского, основателя школы «имени мене», как с самоиронией говорил профессор. Мордкович был не только прекрасным педагогом, но и «приемным сыном» Столярского и в жизненном, и в творческом смысле этого понятия. Учитель взял осиротевшего девятилетнего талантливого мальчика в свою семью, и Бениамин жил в семье Столярских пять самых трудных лет: в Первую мировую войну и в годы революции.

Таким образом, Дору можно считать «музыкальной дочкой» Бениамина Мордковича и «музыкальной внучкой» Петра Столярского. Еще одним педагогом, оказавшим на Дору большое влияние в школе Столярского, был педагог Леонид Лембергский.

Скрипичный смычок – это эстафетная палочка, передающаяся из рук одного исполнителя в руки другого, от одного поколения другому поколению музыкантов. Талант, вдохновенное трудолюбие и, конечно, школа мастера – вот три кита, несущие на себе дальнейшие творческие судьбы людей любого искусства.

Тетя Сима – первый промоутер Доры, и знакомство с Исааком Стерном

Перед фестивалем молодежи и студентов в 1957 году «железный занавес» со скрипом, но немного приподнялся, и в Одессу из Америки приехал всемирно известный скрипач Исаак (Айзек) Стерн. Дора в то время делала большие успехи в школе Столяр-

ского и жила на квартире у Серафимы Наумовны Ариович, или, как говорили в Одессе, у тети Симы. Ее муж дядя Яша Руденко очень любил Дорочку, защищая ее от неугомонной жены. Но всем в семье, доме, городе и мире все равно заправляла тетя Сима. Узнав одесскую новость, тетя Сима решила: раз она каждый день слышит, как замечательно играет девочка, то великий Стерн тоже должен хотя бы раз в жизни получить удовольствие и послушать, как играет ее квартирантка.

Через много лет после первой встречи маэстро дал Доре поиграть на своей скрипке Гваданини, ученика Страдивари, XVIII век, Кремона. Дора четырнадцать лет наслаждалась игрой на скрипке Стерна

Недолго думая, тетя Сима позвонила в лучшую гостиницу Одессы «Красная» (а где же еще может остановиться великий скрипач?) и попросила пригласить к телефону господина Стерна. Музыкант был на репетиции в филармонии, тетя Сима оставила свой номер телефона и сказала дежурной, чтобы Стерн, когда вернется, перезвонил ей. Часа через два раздался телефонный звонок, трубку снял зять тети Симы и в ужасе прошептал: «Это Стерн!». Тетя Сима взяла трубку и с достоинством произнесла: «Я вас слушаю, господин Стерн!». Скрипач объяснил, что его попросили позвонить по этому номеру телефона, но он не знает, кто и по какому поводу. Тетя Сима популярно объяснила Айзеку, что «у меня есть девочка», она отлично учится в школе Столярского, и он просто обязан послушать, как прекрасно она играет на скрипке!

– Поверьте мне – я в этом деле понимаю! – закончила свою тронную речь тетя Сима и подмигнула Доре.

Неожиданно великий Стерн, чье имя сегодня носит главный концертный зал Карнеги-холла в Нью-Йорке, не устоял перед

напором «понимающей в этом деле» тети Симы и сказал, чтобы девочка завтра днем пришла в одесскую филармонию со скрипочкой. На следующий день девочка пришла в филармонию. Стерн поднял Дору вместе со скрипочкой и поставил на высокую сцену.

– Сыграй что-нибудь, – просто сказал маэстро.

Дора сыграла «Скерцо-Тарантеллу» Венявского. Стерн повернулся к жене, сидевшей в зале, и сказал: «Вера, с девочкой надо что-то делать?!».

Позже в Америке в самый трудный период адаптации на Западе, с 1974 по 1982 год, Дора иногда останавливалась в доме Исаака и Веры Стерн, они ее поддерживали.

В музыке, как в Библии: Петр приютил и выучил Бениамина, Бениамин и Исаак приютили и выучили Дору, Дора приютила и выучила многих своих учеников, как только она начала преподавать в Высшей музыкальной школе Вены. Все, кто приезжал с родины, жили у нее, и не по одиночке, а целыми семьями. Иногда не только с любимыми музыкальными инструментами, но и с любимыми собачками. «Пока не устроимся».

– А что делать? – говорила Дора и, как тетя Сима, разводила руками – играть-то надо! Музыка не должна прерываться ни на одно мгновение, она должна звучать всегда…

Это – дары Доры.

Второй промоутер Доры – тетя Рая, соединяющая телефоны и мечты

Школа Столярского была только началом, а не концом музыкальной карьеры Доры. А Пауло Коэльо говорил, что только в конце концов все будет хорошо, а в начале может быть и плохо. Плохо было то, что Одесса не хотела отпускать молодую и талантливую выпускницу школы Столярского в московскую консерваторию. Одесса и так испокон веков снабжала Москву всеми своими талантами, всех их невозможно перечислить. Поэтому выпускные документы Доры Шварцберг просто перенесли через несколько кварталов из здания школы Столярского в другое здание – одес-

ской консерватории, и зачислили Дору без экзаменов в студенты первого курса.

Но душой и телом Дора рвалась в московскую консерваторию. Исаак Стерн, подняв девочку Дору на высокую сцену одесской филармонии, сказал ей, чтобы она играла с теми, кто выше ее, тогда она будет расти! Дора мечтала о московской консерватории.

Дора поехала в Москву и успешно прошла прослушивание в московской консерватории: ее согласился взять к себе в класс профессор Юрий Янкелевич. Но хорошо играть на скрипке – это только полдела, это «может каждый». А вот получить разрешение министерства культуры Украины на учебу в Москве – это может не каждый! Тем более, что времени до начала занятий оставалось совсем не много.

Дора села в Москве в поезд и поехала в Киев к министру культуры Украины Светлане Кириловой с радостной вестью: она успешно прошла прослушивание и ее берут в московскую консерваторию! Надо только позвонить проректору консерватории товарищу Лапчинскому и сказать ему, что минкульт Украины отпускает Дору Шварцберг.

Но Кирилова ответила Доре, что она звонить Лапчинскому не будет. Вот если Лапчинский позвонит ей, тогда она ему скажет все.

Дора села в поезд и поехала назад в Москву к проректору Лапчинскому с просьбой, чтобы он позвонил Кириловой. Но Лапчинский ответил Доре, что он звонить Кириловой не будет. Вот если она напишет бумагу, что минкульт Украины отпускает Дору в Москву…

Дора села в поезд и поехала в Киев к министру культуры Украины Светлане Кириловой с просьбой написать бумагу. Но Кирилова ответила, что писать такую бумагу и подтверждать письменно, будто минкульт Украины разбрасывается своими талантами, она не будет.

Вышла Дора из минкульта Украины и села не в поезд, как обычно, а на лавочку, и стала плакать. Сидит девочка на лавочке после двух недель скитаний между Киевом и Москвой, а слезки так и капают. Идет мимо женщина с авоськой и спрашивает Дору:

– Что ты, девочка, плачешь? Влюбилась, что ли?

– Да, влюбилась, – отвечает Дора, утирая слезы.

– И в кого ж ты влюбилась? – опять спрашивает женщина.

– В московскую консерваторию я влюбилась, это моя мечта! – отвечает Дора и рассказывает женщине, что не может соединить двух людей, чтобы они поговорили по телефону.

– Не плачь, девочка, помогу я тебе, – говорит женщина голосом старца на ташкентском базаре, – соединю я их, дело это нехитрое – соединять телефоны, поговорят они. А телефоны-то их у тебя есть?

– Да я их наизусть помню уже целый месяц! А вы кто – волшебница?! – широко раскрыв глаза, воскликнула Дора. Она перестала плакать и вспомнила старца на ташкентском базаре.

– Нет, я не волшебница, – улыбнулась женщина, – телефонистка я в переговорном пункте на центральном телеграфе. Рая меня зовут.

– Тетя Рая, а у вас нет случайно скрипки с собой? – спросила Дора, заглядывая в авоську тети Раи, – а то я свою в Москве оставила.

– Нет, – задумчиво ответила телефонистка тетя Рая, – я свою мечту в Харькове оставила.

– Жаль, а то бы я вам сейчас Брамса сыграла в знак благодарности…

Московская консерватория, или «Здравствуйте, Владимир Спиваков»

Выпускникам школы Столярского, как мы видели, поступить в московскую консерваторию (сокращенно *конса*. – **М. Я.**) было ничуть не легче, чем простым смертным, хотя за спинами учеников Столярского маячили тени знаменитых выпускников одесской школы музыкальных вундеркиндов.

Доре опять повезло, и она попала в класс профессора Юрия Янкелевича. Среди учеников Янкелевича такие известные скрипачи как Владимир Спиваков, Дмитрий Ситковецкий, Виктор Третьяков и многие, многие другие. Дора училась несколько лет у профессора Янкелевича одновременно с Виктором Третьяковым и Владимиром Спиваковым.

В консерватории Дора не решалась поздороваться с Владимиром, потому что не была уверена, что он ей ответит. Спиваков уже тогда был Спиваковым, «столичным талантом», а она – «девочкой из провинции». Через много лет в Лондоне Дора позвонила Спивакову, бывшему там на гастролях, и попросила передать подарок их общему педагогу по консерватории Жене Чугаевой, ассистентке Юрия Янкелевича.

– Возьму, но не тяжелее двухсот грамм! – сказал Владимир.

Дора купила платье на вес – двести грамм, и, передавая его Спивакову, первый раз в жизни поздоровалась с ним. Владимир сказал, что он тоже не решался поздороваться с Дорой в консерватории, потому что она ходила там «неприступной королевой». Оказалось, что Владимир не шутил: он по памяти назвал ей все, что она играла в консерватории. Она и сама уже многого не помнила, а он помнил!

Спиваков раньше Доры принял участие в международном конкурсе скрипачей имени Никколо Паганини в Генуе, но у Владимира в Генуе не было родственников, а у Доры они там неожиданно появились: тетя Поля из Швейцарии и кузен Сережа из Румынии.

«Родственники за границей» (попробуй напиши такое в анкете – и тебя уже никогда и никуда не выпустят!) в то время для советского человека был не самый лучший подарок. Как и все советские люди, Дора автоматически писала во всех анкетах, что «родственников за границей не имею». А на устный вопрос: «Есть ли у вас родственники…» – даже не дав договорить задающему его, быстро и звонко, как на ташкентском базаре, отвечала: «Нет!».

«Почтовый голубь» Давид Федорович Ойстрах

Одним из выпускников школы Столярского в московской консерватории был Давид Федорович Ойстрах.

– Шварцберг, беги быстрее, тебя Ойстрах зовет! – прокричал ей на ходу однокашник – и Дора понеслась в класс к Давиду Федоровичу Ойстраху, даже не подозревая, о чем пойдет речь. По дороге она думала: почему в консе все друг друга называют по фамилиям, а не по именам?

– Дора, – спросил знаменитый скрипач, – у тебя есть родственники…

– Нет! – как обычно, не дослушав до конца вопрос, отрезала Дора.

– Ну хорошо, – улыбаясь, сказал Давид Федорович, – за границей у тебя нет родственников, а в Израиле?

– Нет! – опять отрезала Дора.

– Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет! – ответил профессор студентке фразой из недавно опубликованного романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». – Ты куда-то торопишься? – поинтересовался маэстро.

– Да, мне надо заниматься! – быстро ответила прилежная студентка Дора.

– Однажды в детстве, – улыбаясь сказал Ойстрах, – бабушка попросила меня: «Додик, сходи в лавку, купи мене пиленого сахару»… А я ей ответил твоей фразой: «Бабушка, мне надо заниматься!» – «Таки закончишь свою консерваторию на пятнадцать минут позже!» – возразила бабушка. Вот и я тебе говорю то же самое. Значит, родственников в Израиле нет?

– Нет! – подтвердила Дора.

– А для кого же я тогда, работал «почтовым голубем»? – улыбнувшись, спросил Давид Федорович студентку.

– Не знаю, – ответила Дора.

– Ну вот и хорошо, – засмеялся Ойстрах, – тогда я смычок оставлю себе!

– Какой смычок? – удивилась студентка, отвечавшая на все вопросы словом «нет».

– Скрипичный, конечно, – сказал Ойстрах. – Я вернулся из Израиля с гастролей, там после концерта ко мне подошла твоя тетя, которой у тебя нет, и попросила передать тебе этот смычок, который у тебя теперь есть.

И Ойстрах протянул Доре смычок.

– Я не помню, как зовут тетю, – виновато произнесла Дора, как бы извиняясь за свои «нет» и беря в руки смычок, – то ли Лена Блюмкина, то ли Блюма Ленкина?

– Это не столь важно, – ответил Ойстрах, – главное, что у меня в футляре оказалось одно свободное место для смычка… А смычок хороший, поверь мне, я в этом деле понимаю! – сказал выдающийся скрипач и подмигнул Доре, как тетя Сима.

Раду Лупу и все сонаты Моцарта

Раду Лупу. Портрет работы Яны Гербер

Поступив в 1966 году в московскую консерваторию, Дора в тот же год познакомилась в общежитии с пианистом из Румынии Раду Лупу. Он был очень талантлив: в шесть лет начал играть на фортепьяно, в двенадцать лет дал первый концерт, в шестнадцать лет поступил в московскую консерваторию и уже пять лет учился. Раду Лупу в то время был восходящая звезда, а Дора только что поступила в консерваторию, но он охотно согласился поиграть с ней.

В том же 1966 году Раду получил первую премию на конкурсе пианистов имени Вана Клиберна. Сейчас Раду Лупу лауреат всех мыслимых конкурсов, включая премию «Грэмми», и введен в Зал славы музыкального журнала «Граммофон».

Дора сыграла с Раду все сонаты Моцарта для студентов консерватории.

Кто бы раньше подсказал, что во второй половине 60-х годов можно было незаметно прошмыгнуть мимо вахтерши в общаге московской консы, но не для того, чтобы побежать к девчонкам-пианисткам или скрипачкам, а чтобы послушать уникальный дуэт Раду Лупу и Доры Шварцберг, играющий сонаты Моцарта. Всему свое время.

Конкурс Паганини, швейцарская тетя Поля и румынский кузен Сережа

В 1969 году первый человек, американский астронавт Нил Армстронг, вступил на поверхность Луны, а Дора Шварцберг, студентка московской консерватории, первый раз вступила на землю

города Генуи, где родился великий скрипач Никколо Паганини. Дора была не первой, кто сделал этот шаг, но, возможно, первой из советских студенток, у кого в Генуе («за границей!») появились родственники: тетя и кузен.

Полина Шендерович была родной тетей Миры Шендерович – мамы Доры. Тетя Поля уехала в начале XX века в Швейцарию, вышла там замуж за врача-эндокринолога доктора Франкино Руска и жила в Локарно. У доктора Руска была в Локарно своя клиника, своя усадьба и даже своя семейная церковь. Жили они «не очень бедно». В советской семье Шварцберг, живущей, как все советские люди – от получки до получки, о тете Поле ходили легенды, однако рассказывали их шепотом. Одна из семейных легенд гласила, что однажды к доктору-эндокринологу Руска обратилась семейная пара эмигрантов из России по поводу базедовой болезни. Денег заплатить за лечение у них не было, но в знак благодарности за консультацию они принесли с собой коробку шоколадных конфет. Пара обратились к доктору Руска, предполагая, что его корни, возможно, из России. Из России оказалась жена доктора Руска – Полина Шендерович. Доктор Руска принял пациентку, которую звали Надежда Крупская. А тетя Поля сохранила пустую коробку от шоколадных конфет как сувенир.

Но на конкурс Паганини, о котором тетя Поля узнала из газет, она привезла не только пустую коробку от шоколадных конфет, подаренную вождем мирового пролетариата, но и две сумки швейцарского шоколада. Соотечественники вождя быстро оценили вкус швейцарского шоколада – и две сумки тети Поли опустели за два дня. В уничтожении «продуктов империализма» принимала участие вся советская делегация, начиная с председателя Союза композиторов Тихона Хренникова, его жены Клары и декана консерватории Татьяны Гайдамович и заканчивая талантливыми студентами. Швейцарский шоколад произвел на всю делегацию большее впечатление, чем пустая коробка от шоколадных конфет, подаренная вождем мирового пролетариата. Но тетя Поля представлялась всей советской делегации, как представитель Ленина в Швейцарии, почти как агент газеты «Искра».

Через два дня в Геную приехал для поддержки Доры ее двоюродный брат из Румынии. Кузена звали Сережа, ему было около тридцати пяти лет, и он был сыном сестры Рафаила Шварцберга,

отца Доры. У отца было одиннадцать сестер и братьев, и мама Сережи жила в Бухаресте.

Сережа сразу стал душой музыкальной компании, приехавшей на конкурс имени Паганини в Геную. Он поддерживал дух всех выступающих, знал, где в Генуе хорошие и недорогие рестораны, решал все бытовые вопросы живущих в гостинице музыкантов, объясняясь на английском с работниками гостиницы. У Сережи были водительские права, и он устроил на взятом в аренду микроавтобусе экскурсии по Генуе и по Риму для всей группы. Для советских людей того времени это было равносильно полету Нила Армстронга на Луну.

На конкурсе, куда приехали со всего мира молодые музыканты, студенты московской консерватории выступили очень хорошо: Гидон Кремер стал лауреатом, получил первую премию и право сыграть в заключительном концерте на скрипке Паганини. Дора тоже получила премию, и для ее первого международного конкурса это был большой успех, и он не остался незамеченным. Вернувшись в Москву, Тихон Хренников и Клара пригласили Дору к себе на дачу, и у них установились теплые дружеские отношения.

Но не все было так хорошо, как казалось на первый взгляд, кое-что было плохо. А как говорит писатель Пауло Коэльо: «Если что-то плохо – значит, это еще не конец». Конечно, все знали, что в делегации советских музыкантов всегда был «человек из конторы», который, поедая швейцарский шоколад, не закрывал от удовольствия глаза, а приглядывал за всеми. Потом он написал отчет о поездке, где упомянул, что у Доры есть «очень хорошие родственники, тетя и кузен, но за границей». Тогда у Доры и возникли проблемы с поездкой в Мюнхен на следующий международный конкурс.

«Шкварка», партбилет ректора Свешникова и конкурс в Мюнхене

Александр Васильевич Свешников – хоровой дирижер и музыкальный педагог – был назначен на должность ректора московской консерватории в 1948 году, после того как в результате

«музыкального погрома» с этой должности был снят композитор В.Я. Шебалин. Свешников не был тогда членом партии, и это характеризует его как человека достаточно независимых взглядов. Хоровой дирижер не пел вместе с хором.

Но через два года, в шестьдесят лет, он просто обязан был вступить в ряды партии – на таких должностях беспартийных не держали. Назначение А.В. Свешникова ректором консерватории и его прием в партию имели самое непосредственное отношение к маленькой девочке Доре, шагавшей в это время в бордово-черных шароварах и узбекской тюбетейке вместе со своей бабушкой на ташкентский базар.

Ректор московской консерватории А.В. Свешников, зачитывая фамилии новых студентов, никак не мог выговорить фамилию «Шварцберг». Он с юмором говорил, что с него достаточно того, что он выговаривает фамилии «Моцарт» и «Бетховен». Он стал называть юную студентку Шварцберг просто «шкварка». Дора не обиделась на Свешникова за «новое имя», потому что чувствовала, что ректор на самом деле относится к ней хорошо, считая «шкварку» очень способной студенткой, даже среди отборных талантов московской консерватории. И случай проявить отношение ректора к студентке «шкварке» не заставил себя ждать.

Когда готовили группу студентов на конкурс Баварского радио в Мюнхене, всплыл отчет о том, что у «шкварки» есть «родственники за границей». Время было напряженное: многие советские музыканты уезжали на конкурсы или гастроли и оставались за границей. Отправка дипломницы консерватории, «шкварки» Доры, на конкурс в Мюнхен представляла большой риск: ей было у кого остаться за границей. Партийная комиссия категорически возражала против того, чтобы включить Дору в группу студентов, выезжающих на международный конкурс в Мюнхен. Тогда ректор А.В. Свешников пошел в партком и положил на стол свой партбилет как залог: если «шкварка» не вернется, то ректора исключат из партии и, естественно, снимут с должности. В то время закончившейся оттепели исключение из партии было подобно сожжению на костре инквизиции в Средние века. Хормейстер должен обладать сильной харизмой и авторитарным характером, чтобы управлять хором, но не командовать парткомом. Однако партком

консерватории хором прислушался к мнению ректора и авторитетного хорового дирижера – и Дору отправили на конкурс.

Почему ректор рисковал своей карьерой и положением ради какой-то студентки-«шкварки», фамилию которой он даже не мог правильно произнести? Трудно сказать, но «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Ректор А.В. Свешников, несомненно, совершил поступок независимого и смелого человека, поручившись за Дору. Он понимал, что «шкварка» – талант, а таланты надо беречь!

«Шкварка» не просто вернулась в родную консу, не подведя ректора под монастырь и не бросив его в костер парткомовской инквизиции, а заняла почетное второе место на престижном международном конкурсе вместе с пианистом Борисом Петрушанским.

А.В. Свешников умер в возрасте почти девяноста лет и похоронен на Новодевичьем кладбище, там же, где покоится М.Л. Ростропович, сыгравший в судьбе Доры тоже большую роль.

Маэстро Ростропович, фаршированная шейка и «пианистка» Пукса

Учитель Доры, профессор Юрий Исаевич Янкелевич, однажды попал в больницу, и мама Доры прислала для него из Кишинева продуктовую посылку с домашними деликатесами. В больнице в то время кормили, мягко говоря, не очень хорошо, а профессору надо было срочно поправляться и готовить студентов на очередной конкурс. Заметим, что кормили не очень хорошо не только в больнице, но и в профессорской столовой консерватории тоже.

«Музыкальный черт» попутал Дору по дороге в больницу заглянуть в профессорскую столовую консерватории, чтобы что-то еще купить для своего профессора. В столовой одиноко сидел профессор Ростропович и с грустным видом жевал безвкусную столовскую пищу. Когда Дора вошла в столовую, маэстро потянул носом воздух, ноздри его затрепетали, он поднял палец вверх и философски произнес:

– У меня не только прекрасный музыкальный слух, но и прекрасный собачий нюх!

Студентка Дора пролепетала:

– Здрасте, Мстислав Леопольдович! – и собиралась уже стрелой вылететь из столовой, как маэстро строго приказал:

– Дорка, ну-ка, иди сюда! Что это у тебя в сумке так вкусно пахнет?

– Да ничего! Юрий Исаевич в больнице, и мама прислала ему посылочку из Кишинева.

– А ну-ка, покажи!

– Да там ничего особенного нет! – пыталась отвертеться Дора.

– Ну ты просто покажи, я только посмотрю – и все! – невинно попросил Ростропович.

Дора, как ворона из басни Крылова, открыла сумку, а там сверху лежит фаршированная куриная шейка. Ростропович увидел ее, опять втянул носом воздух и так ласково говорит:

– Ну дай попробовать хоть маленький кусочек…

– Это мама прислала для Юрия Исаевича в больницу, – жалобно возразила Дора.

– Ему это нельзя! – строго сказал Ростропович. – Это очень тяжелая пища для больных! Поверь мне, я в этом деле понимаю, – закончил маэстро свою речь фразой тети Симы из Одессы и отрезал большой кусок фаршированной шейки.

Мамин деликатес маэстро понравился, он быстро доел всю оставшуюся шейку, на его лице выступила тихая радость, и он стал смотреть, что там еще лежит в сумке-самобранке. Дора была не дура, она поняла, что «надо делать ноги» из столовой, пока вся сумка не опустела.

На следующий день, когда Дора пришла в консерваторию, ее увидел Ростропович на другом конце коридора и через весь коридор, полный студентов, с восторгом закричал:

– Здравствуй, ты моя шейка фаршированная!

Все студенты посмотрели на Дору, на ее шею, никто ничего не понял, но все радостно засмеялись – и профессор Ростропович, и Дора, и студенты.

С тех пор маэстро каждый год на свой день рождения получал от мамы Доры фаршированную шейку. Мама не могла забыть эту

дату, потому что дни рождения маэстро Ростроповича и дочки Доры совпадали – 27 марта. Мама теперь делала свои деликатесы в двух экземплярах и рассылала их по разным адресам. Таким образом, Мира Шварцберг внесла свой посильный вклад спонсора, «support the arts», как говорят американцы, в поддержку мировой музыкальной культуры.

Но история с фаршированной шейкой получила продолжение в 1983 году, когда маэстро Ростропович пригласил Дору Шварцберг исполнить концерт П.И. Чайковского с Вашингтонским симфоническим оркестром, которым он руководил и дирижировал.

Первое, что услышала Дора, когда вошла с мамой и мужем в квартиру Ростроповичей, находящуюся напротив знаменитой гостиницы «Уотергейт» в Вашингтоне:

– Здравствуй, ты моя шейка фаршированная!

А маму Доры маэстро быстро и по-деловому спросил:

– Мира, где шейки, и сколько штук привезла?

– Три штуки! – также по-деловому отрапортовал «спонсор» мировой музыкальной культуры.

Маэстро Ростропович, дочь Доры и Ивана Нора Романова-Шварцберг, Дора Шварцберг и Ефим Бронфман. Вена, Musikverein, 1999. Отличный квартет: виолончель, альт, скрипка и фортепиано

Ростропович «оприходовал товар»: одну шейку он щедро поделил между всеми, вторую забрал с собой на репетицию, потому что, как заметил маэстро, «она меня вдохновляет». А с третьей шейкой устроил «маленький концерт».

У Ростроповичей была собачка, которую маэстро назвал Пукса, что сокращенно обозначало «Путь к социализму». Музыкальный педагог Ростропович научил даже собачку Пуксу «играть на рояле», и когда приходили гости, он с гордостью показывал им свои музыкально-педагогические достижения. Ростропович усадил всех гостей в гостиной, открыл крышку рояля и быстро приказал:

– Пукса, сыграй, сыграй им что-нибудь веселенькое! А я пойду по хозяйству.

Маэстро пошел на кухню и спрятал третью фаршированную шейку в холодильник, так глубоко, чтобы ее никто не мог не только найти, но даже о ней подумать!

Обычно маэстро делал одну репетицию солиста с оркестром, и потом вперед – на сцену! Но Доре Ростропович предоставил две репетиции и сказал:

– Не боись, старуха, обслужу по первому разряду! – маэстро в совершенстве владел не только языком музыки, но и разными диалектами великого и могучего русского языка.

В тот вечер маэстро дирижировал особенно вдохновенно. Может быть, перед концертом он съел «маленький кусочек» от третьей, запрятанной в холодильник фаршированной шейки, вдохновлявшей его.

Если говорить серьезно, то Дору и маэстро Ростроповича объединяла не только безграничная любовь к музыке, но и поклонение одному и тому же богу-мастеру: Дора долго играла на скрипке, а Ростропович – на виолончели Джованни Гваданини.

Одна моя знакомая в Израиле рассказывала, что ее попросили передать больному в Россию лекарства через Ростроповича. Она не была до этого с ним знакома. Маэстро спустился в холл гостиницы, знакомая отдала лекарства, поблагодарила его, попрощалась и пошла к выходу, понимая занятость великого музыканта. Вдруг за ее спиной раздался голос Ростроповича: «А поговорить?!».

Они просидели в холе полтора часа, пили чай, разговаривая о музыке, о детях, о жизни в Израиле, России и Америке. Конечно, моей знакомой было лестно разговаривать с великим музыкантом. «Что он Гекубе?» – было понятно. Но зачем маэстро нужен был этот разговор, если они больше никогда не виделись? «Что ему Гекуба?» Станиславский писал о «публичном одиночестве» актера на сцене. Но, может быть, существует еще и «публичное одиночество» артиста вне сцены?

Распределение, или Деревня, где скучал Онегин

После окончания консерватории призер двух международных музыкальных конкурсов Дора Шварцберг получила распределение в провинциальный город Владимир.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила Дору декан оркестрового факультета консерватории Татьяна Алексеевна Гайдамович.

– А что делать? Надо ехать! – ответила Дора.

– Куда ехать?.. – прищурившись, спросила декан консерватории.

– Во Владимир, – бодро произнесла дважды призер международных конкурсов.

– Ну ты и деревня! – воскликнула Гайдамович.

– Какая деревня? – не поняла Дора.

– Деревня, где скучал Онегин! – дала Гайдамович новое имя выпускнице консы. – Ты теперь больше не «шкварка», ты теперь «деревня, где скучал Онегин»!

– Почему? – опять не поняла Дора.

– Потому что ты знакома с самим председателем правления Союза композиторов Тихоном Хренниковым, но ни хрена не можешь попросить его оставить тебя в Москве!

– Нет! – произнесла девочка с ташкентского базара свое любимое слово. – Нет! Поеду, как положено, по распределению – в глушь, во Владимир!

Владимирский централ и скрипка

Одним из самых сильных впечатлений Доры во Владимире был «воспитательный концерт» во Владимирском централе (российская тюрьма). В тюрьме Дору встретили радушно! В честь выпускницы московской консерватории и дважды призера международных конкурсов накрыли банкетный стол с большим ассортиментом водок и закусок, которые Дора не видела даже на гражданке. Из водок были «Столичная», «Московская» и водки, настоянные на клюкве, хрене и редьке. Гражданин начальник, сопровождавший скрипачку, налил ей полстакана водки, настоянной на хрене, шепнув на ушко, что хрен лучше всего отбивает сивуху. Чокнулись и выпили до дна «за успех», но не успели закусить, как концерт начался.

Дора, слегка покачиваясь на каблучках, вышла со скрипкой на невысокую сцену и увидела полный зал мужиков – охранников и заключенных. В середине первого ряда, как раз напротив нее, сидел, развалясь, здоровенный зэк в яловых сапогах в гармошку, ватных штанах, телогрейке и шапке набекрень. Он лузгал семечки и смачно сплевывал шелуху прямо на низкую сцену, почти под ноги скрипачке. Дора смотрела на него, как кролик на удава, как завороженная, и от страха никак не могла приступить к игре.

Вдруг водка с хреном ударила в голову призеру международного музыкального конкурса имени Никколо Паганини, и Дора хриплым от страха голосом заорала на развалившегося напротив зека:

– Сними шапку с башки, падла!

На секунду Дора зажмурила глаза и с ужасом представила, как сейчас зэк легко запрыгнет на низкую сцену и в одно мгновение размозжит ей голову ее же скрипочкой! Когда она открыла глаза, то увидела, что зэк не только стянул шапку со стриженой головы, но и перестал лузгать семечки. Еще несколько зэков сделали то же самое.

После концерта банкет продолжился, и довольный гражданин начальник, наливая следующие полстакана Доре, одобрительно сказал ей:

– Все-таки музыка – великая вещь! Даже зэки ее понимают, когда им по-человечески все объяснишь!

«Нос» Гоголя и поцелуй Шостаковича

В 1928 году молодой тогда композитор Дмитрий Шостакович написал свою первую оперу «Нос» по повести Николая Гоголя. Оперу хотел поставить в Большом театре Всеволод Мейерхольд, но в силу его занятости другими спектаклями постановка не состоялась. Опера была поставлена в начале 30-х годов в Малом оперном театре к столетию повести Гоголя и показана полтора десятка раз. Но под давлением «трудящихся масс» «Нос» был исключен из репертуара театра. Причина была проста: отдельно взятый нос не может разгуливать тунеядцем по «колыбели революции», да еще в шитом золотом мундире, шляпе статского советника и при шпаге.

Ренессанс оперы Дмитрия Шостаковича «Нос» начался в 1972 году, когда главный режиссер Большого театра Борис Покровский создал Камерный музыкальный театр. Покровский вспоминал, что «…все произошло благодаря активным хлопотам судьбы – в Москве решили реформировать маленький оперный коллектив, гастролирующий по России и обильно разбрасывающий под маркой оперных спектаклей отменную халтуру. Меня попросили помочь в реорганизации театра. Помочь театру я мог только тем, что поставил им спектакль. После неизбежного отсеивания осталась маленькая горстка людей, которые никак не могли быть театром, но лишь камерным ансамблем. Одновременно появилась маленькая опера молодого тогда композитора Родиона Щедрина «Не только любовь», которая очаровывала уже в партитуре… и мы отрепетировали этот маленький шедевр камерным ансамблем».

Борис Покровский, собирая камерный ансамбль, пригласил концертмейстером талантливую выпускницу московской консерватории Дору Шварцберг, а в ансамбль тогда еще студента московской консерватории девятнадцатилетнего Юрия Башмета.

Следующей постановкой должна была быть опера Дмитрия Шостаковича «Нос». Первым дирижером Камерного музыкального театра был Владимир Дельман, впоследствии ставший лауреатом итальянской премии Франко Аббьяти. Именно под его руководством прошла первая опера нового театра «Не только

любовь» Родиона Щедрина и возрожденная опера Дмитрия Шостаковича «Нос». Тихон Хренников поддержал ренессанс постановки, в которой концертмейстером была Дора, и это еще больше укрепило их дружбу.

До премьеры оперы «Нос» специально для Дмитрия Шостаковича было устроено прослушивание, чтобы узнать мнение автора оперы и в случае необходимости что-то поправить. Ренессанс оперы «Нос» произошел за два года до смерти великого композитора и для него это событие было, как возвращение в молодость, в начало 30-х годов, как продолжение прерванной сорок лет назад постановки.

Дмитрию Дмитриевичу исполнение понравилось, он расчувствовался, поздравлял режиссера, дирижера и всех музыкантов театра. А концертмейстера камерного ансамбля Дору Шварцберг обнял и поцеловал! Это был «последний поцелуй» великого композитора и благословение Доре на прощание.

После возрождения оперы в Москве гоголевский «Нос» пошел гулять по всему свету: «Нос» был замечен на своей родине в Санкт-Петербурге в Мариинском театре, в Бостонской опере, а также в Нью-Йорке в Метрополитен-опера. Американская постановка была возобновлена еще раз через три года и транслировалась в кинотеатрах по всему миру.

Точно так же и Дора, как гоголевский «Нос», оторвалась от Камерного музыкального театра в Москве и с поцелуем и благословением великого композитора пошла гулять по всему свету.

Эмиграция в Израиль: день первый. Исаак Стерн

Фраза, которую Дора произнесла в 1971 году при распределении во Владимир, прозвучала еще раз в 1973 году:

– А что делать? Надо ехать!

Теперь эта фраза относилась к отъезду в Израиль.

В Израиль ехали через Вену. Там можно было изменить маршрут и поехать в США. Так делали многие, например, будущий муж

Доры Иван Романов: прилетел с еврейской мамой в Вену (через несколько лет после Доры), а оттуда прямо в Нью-Йорк.

Дора могла остаться и в музыкальной столице Европы Вене, так тоже некоторые делали. Но пути Господни неисповедимы, и она решила по-другому:

– Нет! – произнесла девочка с ташкентского базара свое любимое слово. – Нет! Поеду, как положено, по распределению – в Израиль!

Через четырнадцать лет, после выступлений по всему миру с известными музыкантами, Дора вернется в Вену, но уже в качестве музыкального педагога и профессора.

В первый же день в Израиле Дора с друзьями пошла на концерт Исаака Стерна. Она встретила маэстро у входа и спросила, не помнит ли он «девочку из Одессы», сыгравшую ему в филармонии «Скерцо-Тарантеллу» Венявского? Стерн, конечно, не помнил «девочку из Одессы», но провел всю компанию на концерт бесплатно.

Антверпен и недостроенная Вавилонская башня

Когда Дора рассказывала историю о Стерне, позвонила дочь Нора с фестиваля в Мексике и рассказала, что после ее выступления один американский актер пригласил ее поиграть на его семидесятилетнем юбилее в Голливуде. И Дора вспомнила, как ее тоже пригласил один бельгийский актер из Антверпена поиграть на его юбилее. Это история длиною в тридцать лет. Антверпен – очень важная часть ее жизни, Дора жила там около четырех-пяти лет во второй половине 70-х годов.

До этого в Израиле в 1975 году она создала трио «Видом» по именам участников – Виктор, Дора, Марк: пианист Виктор Деревянко, ученик Генриха Нейгауза, виолончелист Марк Дробинский, ученик Мстислава Ростроповича, и она. Трио «Видом» сделало звукозаписи многих произведений Бетховена, Брамса, Листа и других композиторов. Как-то в интервью на телевидении

Марка Дробинского спросили: «Дора Шварцберг – солистка и часто в отъезде. В каких рамках вы сотрудничаете в трио «Видом»?». На это Марк коротко ответил: «Наша Дорочка не входит ни в какие рамки!». Трио «Видом» получило приглашение от состоятельной дамы мадам Толковски, фанатично влюбленной в игру Эмиля Гилельса, пожить в ее доме в Антверпене.

Трио отправилось в Антверпен, и после нескольких концертов Дору пригласили к себе жить художница Мариан ван Вив и ее муж дипломат Харольд. У них был прекрасный артистический дом, где часто бывали актеры, музыканты, художники. Мариан научила Дору понимать необычные сочетания цветов, например синего с зеленым, и покупать одну и ту же понравившуюся вещь в нескольких экземплярах – разных цветов и оттенков.

Однажды в доме Мариан и Харольда появился знаменитый бельгийский актер и художник Ян Деклер. Как киноактер Деклер снялся к тому времени в фильме с женским именем «Мира» – именно так звали маму Доры! Как театральный актер Ян Деклер был тогда уже знаменит в Европе. Позже он станет знаменит и как киноактер, снимется во многих фильмах, один из них, «Характер», получит премию «Оскар». Почти через сорок лет в фильме «Финн и магия музыки» Ян Деклер сыграет старика Лука, который тайно учит девятилетнего мальчика Финна играть на скрипке, в то время как отец мальчика, футбольный фанат, заставляет сына играть в футбол.

Проблема общения между актером и скрипачкой заключалась в том, что Ян говорил только на фламандском, а Дора на русском, английском, немецком, итальянском и иврите. Между ними стояла Вавилонская башня смешанных Господом разных языков. Но как ни парадоксально, они хорошо понимали друг друга и без слов. Этого Господь не предусмотрел.

На следующий день Ян пришел опять и предложил Доре сыграть с ним в театральном спектакле. Он даже придумал уже сюжет пьесы: мужчине и женщине надо построить нечто вроде Вавилонской башни, но они говорят на разных языках. Как раз то, что и было на самом деле. Конечно, по ходу пьесы Дора должна была несколько раз играть на скрипке, а Ян дирижировать исполнением. Может быть, Ян мечтал дирижировать скрипкой?

Дора вспомнила свою детскую мечту и свой ответ старцу на ташкентском базаре: «Я – артистка!» – и взлетела от счастья: вот он, заветный шанс! Ян поманил Дору ее детской мечтой.

– А откуда Деклер узнал вашу детскую мечту? – спросил я Дору.

– Как откуда узнал? Так он же, актер Ян Деклер, играл роль старца Лука не только в фильме «Финн и магия музыки», но и на ташкентском базаре! – хитро улыбнувшись, ответила несостоявшаяся, но талантливая театральная актриса.

Дора взлетела, но улетела не в ту сторону. Она, вообще-то, больше всего любила и любит приезжать, а чтобы куда-то приезжать, надо откуда-то уезжать. Вот Дора куда-то и уехала из Антверпена! Это Господь предусмотрел.

Через тридцать лет в Нью-Йорке к ней пришел человек и сказал, что Ян Деклер приглашает ее в Антверпен выступить на его юбилее. Дора снова взлетела и… согласилась, хотя надо было ломать график гастролей. Она опять, как когда-то на Святой земле, собрала трио для выступления на юбилее Яна Деклера: пианист

Старец Лук (актер Ян Деклер в фильме «Финн», 2013) дирижирует скрипкой

Александр Гурнинг из Антверпена, виолончелист и композитор Хорхе Боссо из Милана и она.

Так вдохновенно, как на юбилее Яна Деклера, Дора не играла уже давно. Она не могла передать ему свои чувства словами, но могла выразить их музыкой – этим всеобщим языком человечества, который не в состоянии смешать даже сам Господь Бог. В ее игре и музыке было чувство сожаления, может быть, единственного сожаления в жизни, что тридцать лет назад она взлетела от счастья, но улетела не в ту сторону…

После выступления Ян преподнес Доре огромный, больше ее самой, букет светло-зеленых роз, цвета ее глаз. В Бельгии и Голландии умеют ценить не только свет и музыку, редко льющиеся с небес, но и сочетания необычных цветов, например, ярко-синего пальто Иегуди Менухина и светло-зеленых роз Яна Деклера. Конечно, по ходу несостоявшейся пьесы «Вавилонская башня» Дора должна была играть на скрипке, а Ян дирижировать исполнением. Почти через сорок лет мечта Яна исполнилась. Мечтая, будь осторожен, мечты иногда сбываются!..

Продолжение следует

Елена Погорельская

Памяти друга и соавтора

Стив Левин (11 июля 1941 – 31 мая 2022)

Умер друг у меня – вот какая беда.
К. Симонов

Мы познакомились зимой 2011 года, сначала заочно. Живущие в Израиле родственники сообщили мне о выходе в иерусалимском издательстве «Филобиблон» книги Стива Левина «С еврейской точки зрения… Избранные статьи и очерки», в которой есть большой раздел, посвященный Исааку Бабелю. Я нашла в Интернете адрес Стива, написала ему, мы стали переписываться и как-то сразу подружились. А вскоре я получила книгу в подарок. Мне довелось ее рецензировать.

Основу бабелевского раздела этой книги составляют три большие работы. Статья «Чужой среди своих»: к проблеме самоидентификации Лютова» посвящена «Конармии» и конармейскому дневнику Бабеля. Самоопределение Лютова, говорится в статье, происходит по отношению к двум величинам – конармейской массе и еврейскому населению тех городов и местечек,

по которым шла Первая Конная армия во время польского похода. Иными словами, в «Конармии» можно выделить две основные сюжетные линии: Лютов и красноармейцы, Лютов и евреи; эти линии образуют главный конфликт «Конармии», а основным сюжетообразующим фактором книги становится история «невхождения» Лютова в конармейскую среду. Интересны наблюдения за различиями раскрытия еврейской темы в книге и в дневнике 1920 года: в книге она подчинена конармейской теме, а в дневнике нашла более самостоятельное выражение.

Статья «Еврейская самоидентификация автора и его героев в автобиографических произведениях Бабеля» опирается на реальную биографию писателя и его автобиографические произведения. По мысли автора статьи, из раннего наброска «Детство. У бабушки» выросли все условно автобиографические рассказы о детстве: «История моей голубятни», «Первая любовь», «Пробуждение», «В подвале», «Ди Грассо».

Наконец, третья статья «Бабель на Волге: рассказ об одной экспедиции» посвящена саратовским страницам биографии писателя. Эту тему Стив Левин знает особенно глубоко – ведь именно в Саратове прошла бóльшая часть его жизни. В статье дается детальный анализ рассказа «Иван-да-Марья», повествующего о продовольственной экспедиции в Самарскую губернию 1918 года. Разбору рассказа предшествует экскурс в биографию молодого Бабеля, когда тот впервые попал в Саратов, куда наряду с другими высшими учебными заведениями Киева был эвакуирован Киевский коммерческий институт, в котором учился будущий писатель. Фрагмент о его первом пребывании в Саратове богат документальными материалами. Да и рассказ «Иван-да-Марья» рассматривается в первую очередь с точки зрения соотношения в нем подлинности и художественного вымысла. Это одно из самых документированных, насыщенных конкретными фактами произведений Бабеля.

Такое погружение и широкий тематический охват неслучайны: Стив начал изучать творчество Бабеля еще в студенческие годы. Правда, в сфере его интересов были еще Артем Веселый и русско-еврейские литературные связи в XIX-XX веках. Но, если не ошибаюсь, Левин автор третьей в СССР (после Израиля Сми-

рина и Сергея Поварцова) кандидатской диссертации о Бабеле (защита состоялась в Томске в 1984 году). Впрочем, не только о Бабеле – даже в начале 1980-х работа, посвященная исключительно Бабелю, была бы непроходной. Поэтому тема звучала так: «Диалектика факта и вымысла в советской прозе первой половины 20-х годов («Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, «Конармия» И. Бабеля)».

Кстати, Стив Левин дважды публиковался на страницах альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Обе публикации связаны с Бабелем. В 2012 году (№ 48, с. 373-376) вышла его рецензия на книгу Александра Розенбойма (Ростислава Александрова) «Волшебник из Одессы: По следам Исаака Бабеля», а в 2020-м в альманахе (№ 82, с. 256-274) была напечатана его статья «Творческая неудача или «почти шедевр»? Рассказ И.Э. Бабеля «Карл-Янкель». Эта статья стала последней опубликованной работой Стива.

19 мая 2011 года Стив приехал в Москву, пришел ко мне в мемориальную квартиру А.В. Луначарского в Денежном переулке, где тогда располагался рукописный отдел Государственного литературного музея. А осенью того же года я впервые побывала в Израиле. Вместе со Стивом мы выступили – конечно, о Бабеле – в Иерусалимской русской библиотеке, затем Стив вместе с женой Этель принимали меня у себя дома, тогда еще в Маале-Адумим (затем они переехали в Иерусалим), в один из дней Стив водил меня по Старому городу, мы были у Стены Плача.

Вообще-то, вживую мы виделись всего несколько раз. Три-четыре раза встречались в Москве. Они с Этель были у меня в гостях. Мы со Стивом ездили по московским книжным магазинам, встречались у метро «Баррикадная», чтобы передать книги или какие-то рабочие материалы… Последний раз – это был июнь 2014 года – Стив приезжал в Москву на Международную научную конференцию «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век», приуроченную к 120-летию со дня рождения писателя, и сделал отличный доклад о героическом в «Конармии».

Больше мы лично никогда не виделись. Но поразительным образом возникал эффект частых встреч. Конечно, из-за общения в Интернете, переписки, разговоров по Скайпу и WhatsApp.

Но главное, из-за совместной очень напряженной, невероятно трудной и вместе с тем благодарной работы, которая шла почти десять лет. Дело в том, что спустя какое-то время после знакомства я пригласила Стива стать моим соавтором в подготовке жизнеописания Бабеля для петербургского издательства «Вита Нова».

В одном из интервью меня спросили, почему я решилась на соавторство, ведь писательство, по сути, глубоко личный, сокровенный процесс. Я ответила, что дело не только и не столько в самом процессе писания. У нас была возможность обсуждать написанное, дополнять друг друга. Всегда полезен свежий взгляд на твой собственный текст, к тому же взгляд человека, который глубоко в материале. А что касается «распределения обязанностей», то ведь у каждого есть любимые темы. Для Стива это все, что связано с Саратовом и с продовольственной экспедицией 1918 года, в которой участвовал Бабель, коллективизация, политический контекст.

В течение многих лет Стив боролся с тяжелой болезнью. Я была счастлива, что он дожил до выхода нашей книги (она появилась в начале марта 2020 года), успел прочитать восторженные отзывы о ней.

Стиву повезло – он был довольно хорошо знаком с А.Н. Пирожковой, посещал ее в Москве, переписывался с ней. Вот что написал мне в ответ на известие о смерти Стива внук Бабеля и Пирожковой Андрей: «Какая утрата… Для меня это конец эпохи. Из первых «бабелеведов», которые приходили к Антонине Николаевне, Стив, кажется, последний. Или один из последних. Нам его будет очень недоставать… Вам особенно».

Да, мне будет очень недоставать Стива, наших разговоров о Бабеле и не только о Бабеле. Но я очень благодарна судьбе за то, что в моей жизни был такой человек, как Стив Левин, что наша встреча состоялась.

P. S. Некоторое время для меня оставалось загадкой, почему Стив носит такое американское имя. Сперва думала, что это английский вариант имени Степан, как у Толстого в «Анне Карениной» – Стива (Степан Аркадьевич) Облонский, но вскоре убедилась, что это не так. Вопрос меня занимал, но спросить стеснялась. Стив рассказал сам. Он родился

вскоре после начала войны, 11 июля 1941 года, по дороге в эвакуацию в Саратов. В спасении мамы и новорожденного принимали участие студенты-медики. Именно они так назвали ребенка – Стив, что расшифровывалось как… Сталин Иосиф Виссарионович.

Вот такую шутку сыграла судьба – назвали в честь Сталина человека, который затем всю жизнь посвятил изучению биографии и творчества репрессированных писателей – Исаака Бабеля и Артема Веселого. Но никакой ассоциации имени Стив со Сталиным все равно не возникает. Стив Левин – имя прекрасного филолога, глубокого ученого-литературоведа, чудесного, благородного, доброго, умного и светлого Человека.

Елена Каракина

Свидания с поэтом

Свидание первое

Впервые этот человек мне повстречался песенкой, инъекцией легкости и чуть грустной надежды. Когда она прозвучала? Точно не помню, но явно кстати. Иначе не запомнилась бы. Наверняка была зима, холодно и скользко, и ночи были длиннее дней, и сумрак доминировал в природе, и настроение было соответствующее.

Жизнь зря измеряют летами (ах, как быстро они пролетают), а зимы – нежелательное, но неизбежное приложение к ним. Зима, как ни бодрись, – это полутьма на улице и в душе. Временная смерть деревьев и кустов напоминает об иной, уже не временной неизбежности. Начинает казаться, что зима была всегда – вчера, позавчера, сегодня. И завтра тоже будет зима, и вообще, она не кончится никогда. Мир так и останется в черно-белой гамме, в которой главенствует серый, существование законсервируется в кусачем морозе, в промозглой сырости, в ледяной предательской коре, стелющейся под ноги. И вдруг, нежданно-негаданно посреди этой безнадеги, теплый голос под легкий звон струн: «Что происходит на свете? – А просто зима. – Просто зима, полагаете вы? – Полагаю. <…> – Чем же все это окончится? – Будет апрель. – Будет апрель, вы уверены? – Да я уверен. Я уже слышал, и слух этот мною проверен, будто бы в роще сегодня звенела свирель. – Что же из этого следует? – Следует жить, шить сарафаны и легкие платья из ситца. – Вы полагаете, все это будет носиться? – Я полагаю, что все это следует шить». При своей головокружительной простоте, а может, в силу ее, песенка (так, во всяком

случае, мне казалось) прогнала тучи, вернула небу голубизну. Декабрь запах фиалками, мимозой и даже ландышами. Чья песенка? Кто сочинил? Ах, не знаем, не ведаем. Слова народные, музыка тоже народная. Понятия не имела, не подозревала даже, что слал мне светлый знак поэт Юрий Левитанский, что это мое первое знакомство с ним.

Свидание второе

Вторая встреча не замедлила. Вскоре в одном из толстых журналов, то ли в «Новом мире», то ли в «Знамени», а может быть, в «Неве» попались мне стихи, подписанные этим именем.

Отрочество – время заносчивости и самоуверенности. Воображаешь, будто знаешь все на свете, и твои суждения непреложны. Это естественно – ведь знаешь так мало! А чем меньше знаешь, тем короче граница соприкосновения с неизвестным. Поэзия в эти годы, в тринадцать-четырнадцать лет, начиналась и заканчивалась Пушкиным. Где-то на отдаленных границах, на периферии напоминали о себе Лермонтов, Есенин и Блок. Остальные же просто не имели права на существование. Тем более современные поэты. Словно по не прочитанному тогда еще «Мастеру и Маргарите» Булгакова:

«– А вам что же, мои стихи не нравятся? – с любопытством спросил Иван.

– Ужасно не нравятся.

– А вы какие читали?

– Никаких я ваших стихов не читал! – нервно воскликнул посетитель.

– А как же вы говорите?

– Ну что ж тут такого, – ответил гость, – как будто я других не читал?»

Вооруженная полудетским снобизмом, я не сумела, не могла вслушаться, разглядеть, понять, что за сокровище попалось мне в руки. В стихах Левитанского, которые теперь припоминаю смутно, в строках печальных и вдумчивых было о рифме, о том, что раньше позволено было рифмовать «весна и сосна», а ныне

уж совсем свободно «весна и весла», и спрашивалось, означает ли это новый этап развития души, или просто дает возможность плести иные словесные кружева. И еще что-то о звучании его имени и о том, что в эстонском и украинском языках, где мешались «юра», «море», «сум», что «по-украински означает «печаль», да и по-русски звучит довольно грустно». Чепуха, говорила я себе, автор ужасно претенциозен. К счастью, Юрий Давидович предвосхитил такой подход к его стихам и вообще к написанному:

Всего и надо, что вглядеться, – Боже мой, –
всего и дела, что внимательно вглядеться, –
и не уйдешь, и никуда уже не деться
от этих глаз, от их внезапной глубины.

Всего и надо, что вчитаться, – Боже мой, –
всего и дела, что помедлить над строкою,
не пролистнуть нетерпеливою рукою,
а задержаться, прочитать и перечесть.

Мне жаль не узнанной до времени строки,
И все ж строка – она со временем прочтется…

Свидание третье

Стихи Левитанского были модны в конце 1970-х, и на этой моде, как и на любой другой, лежал отпечаток снобизма. Он был «поэт не для всех», следовательно – поэт для избранных. Те, кто считал себя избранным, многозначительно и свысока объясняли остальным глупышам, что Юрий Левитанский – единственный поэт-философ последней трети XX века, а все остальные, вроде Слуцкого или Самойлова, – так, погулять вышли. За компанию с «нефилософами» Пушкиным, Лермонтовым, Баратынским, Тютчевым. Увы, не только отроки страдают возрастным снобизмом и ограниченностью. Многие успешно сохраняют эти качества до седых волос. Мода же на литературное произведение или

автора еще глупей, нежели мода на одежду, прически, бытовую электроаппаратуру или автомобили. Мода не нуждается в понимании, только в следовании ей. Но что допустимо, и в общем, достаточно безобидно в сфере материальных вещей, становится гадким в области интеллектуальной. Сколько таких мод сменилось за последние лет сорок! Мода на Марину Цветаеву, на Бориса Пастернака, на Валентина Пикуля, на Михаила Булгакова, на Габриэля Гарсиа Маркеса, Акутагаву Рюноскэ… Причем модники в литературе вели себя точно так же, как модники в одежде. Те с отвращением смотрели на «дудочки», когда идеалом силуэта стал клеш, презирали узкие носы, когда на подиум вышли «квадратные, тупые», эти отворачивались от вчерашнего властителя дум, чтобы водрузить на пьедестал свеженького.

Всякое действие рождает противодействие. Какой-то внутренний барьер, незримая препона мешала следовать литературной моде. Да и как может быть сиюминтно модным то, что принадлежит вечности? Не скоро случилась бы в моей жизни следующая встреча со стихами Юрия Левитанского: слишком уж настойчиво его рекомендовали. Но помог случай: мой приятель подарил мне три виниловые пластинки фирмы «Мелодия», записи трех поэтов – Арсения Тарковского, Давида Самойлова и Юрия Левитанского. С них и началось узнавание, принятие и понимание, что эта встреча – навсегда. Со всеми вместе и с каждым из них в отдельности.

Никто не читает стихов лучше, чем авторы. Попробуйте сейчас послушать великих, знаменитых чтецов – Качалова, Яхонтова или Журавлева. Да на второй минуте скулы сведет от скуки. От устаревшей, чрезмерно пафосной, величавой, велеречивой актерской манеры, в которой видится сегодня даже момент самолюбования: «вот как я умею красиво произносить слова». Зато послушайте записи живых голосов Александра Блока, Эдуарда Багрицкого, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Самуила Маршака. Они потрясают естественностью, они созвучны современности, они вне чтецкой или актерской моды. Никто не чувствует поэзию и не умеет передать ее так точно, как сами поэты. Надо только вслушаться. Надо только «не пролистнуть нетерпеливою рукою, а задержаться, прочитать и перечесть».

Если же это сделать, то произойдет эффект, сравнимый с действием наркотика, вызывающего привыкание. Потому что захочется слушать еще и еще, каждый раз открывая новый смысловой и чувственный слой, восторгаясь мастерством, радуясь созвучию. Вначале задевают самые простые стихи:

Кто-нибудь утром сегодня проснется и ахнет,
и удивится, как близко черемухой пахнет,
пахнет черемухой, пахнет любовным признаньем,
жизнь впереди – как еще не раскрытая книга.

Кто-нибудь утром сегодня проснется и ахнет,
И удивится, как быстро черемуха чахнет.
Сохнет под окнами деревце, вьюгою пахнет,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами.

Кто-нибудь утром сегодня совсем не проснется,
кто-нибудь тихо губами к губам прикоснется
и задохнется, как пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой.

В утреннем воздухе пахнет бинтами и йодом,
и стеарином, и свежей доскою сосновой,
пахнет снегами, морозом, зимой, холодами
и – ничего не поделать – черемухой пахнет.

Пахнет черемухой в утреннем воздухе раннем,
пахнет влюбленностью, пахнет любовным признаньем…
Что бы там ни было с нами, но снова и снова
пахнет черемухой – и ничего не поделать!

Потом приходит время более сложных, привыкаешь к манере выпевания стихов, как к обряду колдовства, как к молитве. Запоминаешь интонации поэта и попадаешь к ним в плен. И невозможно уже произносить его строки иначе, чем произносит их он, хотя когда ты сам читаешь их, то это лишь «с живой картины список бледный». По голосу представляешь себе облик поэта.

Свидание четвертое

Забавно, во время, когда существует не только фотография, но и телевидение, выдумываешь фигуру и лицо, воспроизводишь их по голосу. Представлялось, что Юрий Давидович высокий, худощавый, с пепельно-седыми волосами колечками, немного угрюмый. Его появление на голубом экране в одном из концертов, посвященном Дню Победы, стало сюрпризом. Во-первых, потому что его, не казенного и не карманного поэта, допустили к «многомиллионной армии телевизоров». А во-вторых, потому что он оказался невысоким крепышом, с усами и вовсе не угрюмым. Читал он тогда свое, может, самое знаменитое стихотворение о войне: «Ну что с того, что я там был. Я был давно. Я все забыл». Мой отец, ушедший на фронт добровольцем и очень не любивший рассказывать о войне, сказал тогда, что это самые точные слова о войне, которые ему доводилось когда-либо слышать. Впрочем, Левитанский принадлежал к той плеяде поэтов, которые не допускают неточных слов в свои стихи. И если не гонятся за вычуром звукосочетаний и допускают глагольные рифмы, и даже настаивают на глагольных рифмах, то знают, зачем они это делают.

Свидание пятое

В те незапамятные времена, когда сотрудники одесского, тогда еще государственного литературного музея ездили ежегодно в командировки в Москву, мне посчастливилось. Был 1987 год, веяло воздухом свободы. Изменялась структура «современной» экспозиции, она дополнялась новыми, ранее не приветствовавшимися именами. Нужно было обойти всех москвичей, собрать все, что они расскажут о своих приездах в Одессу, о своей причастности к этому городу. Своим уловом похвастаться не могу. Почти никого из тех, с кем нужно было встретиться, в Москве не оказалось – был июнь, москвичи сбегали из города. А Левитанский не сбежал. И согласился на встречу сразу же, что называется, без второго слова. Конечно, адреса его я теперь не помню, да и не имеет это сейчас никакого значения. Жил он тогда в районе

очередных московских новостроек в свеженьком многоэтажном доме. Но кабинет его показался таким, как будто он устроен в старой городской хорошо обжитой квартире. Эффект обжитости создавали полки с книгами, занимавшие три стены. Кроме хозяина, в доме никого не было, возникало чувство, возможно, обманчивое, что человек этот одинок. Категорически отказался называть меня по имени – лишь по имени-отчеству. Нет, в Одессе никогда не был, хотя и жалеет об этом. Нет, читать стихи не приедет, неважно себя чувствует. Хотя не так давно выступал с чтением стихов в Харькове, и там собрался полный зал. Об этом Юрий Давидович говорил с какой-то почти детской гордостью, а я не без ужаса думала, собрался ли бы в Одессе полный зал филармонии или, скажем Театра русской драмы, если бы на афишах значилось имя «Юрий Левитанский». А поэт хвалил харьковскую публику и говорил об удивившей его интеллигентности людей, пришедших послушать его стихи. Но куда больше, нежели собственная поэзия, занимало его происходившее в стране. Он-то все понимал про режим, при котором он прожил почти всю жизнь: «Когда мы вошли в Румынию (речь шла о времени войны), то румыны нам говорили: «Чего вы воюете с Гитлером? Вы же с ним совсем одинаковые». Тогда я очень удивлялся и даже обижался их словам – но потом понял, что они абсолютно правы». Левитанский восхищался статьей В. Селюнина, напечатанной в майском номере «Нового мира» и ставшей настольным чтением всей страны. О себе не хотел рассказывать. Несколько раз с гордостью произнес: «Мой друг Юрий Давыдов…» – очень хвалил его последний роман. Да, у Юрия Давыдова действительно прекрасные исторические романы, но хотелось больше узнать о Юрии Левитанском. Не удалось. Впрочем, разве не говорят о судьбе поэта его стихи? Что может быть достоверней и интимней, чем душа, переложенная в буквы и выплеснутая на страницы?

В кабинете стояла стопка книг: только что вышедший сборник Ю. Левитанского «Годы». Он надписал его музею. Вот, пожалуй, и все. Честно признаюсь, разговор не получился, потому что при всей вежливости ну не волновал Юрия Давидовича одесский музей. И перспектива стать его экспонентом тоже абсолютно не волновала. Ну что ж, нам достался хотя бы автограф. Всем

остальным – его стихи, вечное свидание. Даже для тех, кто не знает, что слова песенки «Диалог у новогодней елки» принадлежат поэту Юрию Левитанскому. У него вообще много зимних стихов. Один из них поет Елена Камбурова. Но и не озвученное, это стихотворение сейчас точно по погоде.

Как показать зиму

...но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу, как женщина купила
на рынке елку
и несет домой,
и вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,
ни при чем.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье жизни предстоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу ее в один
из вечеров
рождественской недели (можно заменить на «торжественной», хотя чушь)
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И, наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим елочку лежащей
среди метели,

медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь, нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, Б-же мой,
как время пролетело.
Что день хоть и длинней,
да холодней.
Что женщина…
Но речь здесь не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.

Ю. Левитанский. 1970

Евгений Деменок

Украинское искусство в Венеции

Открывшаяся 23 апреля 59-я Венецианская биеннале стала особенной. Из-за коронавирусного карантина она открылась на год позже намеченного. Кроме того, к моменту открытия два месяца уже продолжалась преступная война, развязанная Россией в Украине. Война, которая стала трагедией для миллионов, самая крупная война в Европе после окончания Второй мировой.

Разумеется, это не могло не отразиться на одной из крупнейших мировых ярмарок изобразительного искусства.

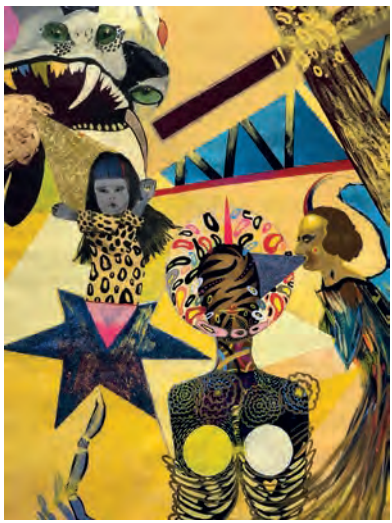
Во-первых, многие страны-участницы выражали и выражают различными способами поддержку Украине.

Во-вторых, павильон России, расположенный, как и павильоны двадцати семи других стран, в Джардини – главном выставочном комплексе Венецианской биеннале, на этот раз пустовал. Художники Кирилл Савченков и Александра Сухарева отменили свое участие в проекте, заявив: «Нет места искусству, когда мирные граждане гибнут под ракетным огнем, когда граждане Украины прячутся в убежищах, а протестующих россиян застав-

ляют молчать». Куратор российского павильона Раймундас Малашаускас, эксперт по современному искусству из Амстердама, также заявил, что не может продолжать проект в ситуации, когда Россия ведет войну против Украины, и ушел со своего поста.

Ну а в-третьих, к работам украинских художников приковано повышенное внимание.

Украина в этом году была представлена на биеннале сразу четырьмя проектами. Первый – национальный украинский павильон, где была выставлена работа харьковского художника Павла Макова «Фонтан истощения». Вопрос о том, откроется ли украинский павильон в условиях войны, долгое время оставался без ответа. Но кураторы и художник все же смогли привезти под-



готовленные для экспозиции работы в Италию. Фрагменты работы, состоящей из семидесяти восьми медных воронок, удалось реконструировать в Италии в рекордно короткие сроки. Павел Маков рассказал журналистам, что, несмотря на войну и бомбардировки, ни он, ни его семья не хотели поначалу уезжать из Харькова. Но потом он осознал, что Украина обязательно должна быть представлена на столь значимом смотре искусства, как Венецианская биеннале. И, проведя неделю в бомбоубежище, отправился в Италию – с женой, двумя котами и девяностодвухлетней матерью. Дорога заняла неделю.

«Мы должны сделать все возможное, чтобы представить культуру, достоинство и историю Украины», – сказал Павел Маков на пресс-конференции, где презентовали украинский павильон. А началась конференция с минуты молчания по людям, погибшим в Украине за время войны.

По словам художника, проект «Фонтан истощения. Высокая вода» символизирует истощение общества. Идея создания этой работы возникла еще в 1995 году и берет свое начало с экологической катастрофы в Харькове. 29 июня 1995 года из-за сильного ливня в городе произошла крупная авария на Диканевских очистных сооружениях. Во второй половине дня в городе

внезапно начался сильный дождь, который лил три часа. Оказались размытыми трамвайные линии, частично затоплена Салтовская ветка метрополитена. Город находился без воды практически два месяца.

Маков нарисовал тогда акварель «Собирание сока», и она легла с основу многих более поздних его работ, превратившись в конце концов в «Фонтан истощения», изначально символизировавший беспомощность властей в борьбе со стихией. А на создание образа воронки с двумя лейками его вдохновило место впадения реки Лопань в реку Харьков. Сегодняшний «Фонтан» – это кинетическая скульптура, в которой вода постепенно спадает через каскад из расположенных в форме треугольника медных воронок, в конце концов превращаясь в почти иссякшие ручейки.

По первоначальному замыслу создателей, у проекта должна была быть большая сопровождающая документация, которая так и не доехала до Венеции из-за войны. Но, по сути, главным

художественным образом стала история того, как такой проект вообще смог состояться в военных условиях. Один из трех его кураторов, Борис Филоненко, занимался волонтерством в Харькове вплоть до начала биеннале и выехал на открытие павильона из-под обстрелов. Второй куратор, Елизавета Герман, в начале марта на последних днях беременности под обстрелами уехала из Киева, родила сына во Львове и в Венецию приехала с младенцем. Третий куратор, Мария Ланько, стала единственной, кто смог вывезти из Украины в Италию «Фонтан истощения», трое суток находясь за рулем…

Помимо павильона страны украинским художникам также выделили центральную площадку в садах Джардини. Проект «Площадь Украины» был придуман всего за неделю до открытия. Экспозиция с постерами и работами украинских художников будет меняться раз в месяц, вместо года на них – точный день создания.

Второй большой украинский проект, вошедший в официальную параллельную программу биеннале, создан «PinchukArtCentre» совместно с Офисом Президента Украины и Министерством культуры и информационной политики и представлен в «Scuola Grande della Misericordia». Выставка «Это Украина: Защищая свободу» рассказывает о силе, созидании и дружбе. Но прежде всего она посвящена нашим коллективным свободам – свободе выбирать, свободе говорить и свободе существовать.

В первой части выставки представлены эмоциональные монументальные работы трех художников, продолжающих жить и работать в Украине, несмотря войну: Евгении Белорусец, Никиты Кадана и Леси Хоменко. Их работы перекликаются с шедеврами Марии Примаченко, Татьяны Яблонской, а также иконой предположительного авторства художника Стефана Медицкого (Украина, XVII век).

Во второй части экспозиции украинские художники представлены вместе с международными коллегами. Среди авторов – Марина Абрамович, Олафур Элиассон, JR, Дэмиен Херст, Борис Михайлов и Такаси Мураками. Их работы, с одной стороны, являются прямым ответом на войну: например, Дэмиен Херст создал для выставки новую работу, а произведением «Война и мир» (2015) Мураками прямо поддержал Украину, после того как Россия

аннексировала Крым. С другой стороны, произведения отбирались при участии самих авторов, поэтому выражают их личную позицию. Например, Марина Абрамович сказала, что для нее очень сложно немедленно реагировать в ситуации войны, ей нужно время для размышления. Поэтому она дала на выставку созданную в 2003 году инсталляцию «Count on Us», которая была связана с балканской войной.

«Мы разработали концепцию, подготовили и смонтировали выставку менее чем за четыре недели – невозможный проект для невозможного времени. Но делать невозможное – это то, что Украина делает ежедневно. И по этой причине выставка необходима и актуальна. У Украины есть сильный художественный голос, который выходит за рамки прямого повествования о войне, поднимая темы жизни и выживания, любовных писем и мечтаний. Нам нужно, чтобы этот голос был услышан, нам нужно прислушаться к нему и сплотиться вокруг него», – сказал Бйорн Гельдхоф, куратор выставки и арт-директор «PinchukArtCentre».

На выставке представлена серия фотографий «Мамы» – триста двадцать один портрет матерей воинов, которые погибли в Луганской и Донецкой областях в 2014-2015 годах, созданный украинскими фотографами. Проект напоминает, когда Россия действительно начала войну в нашей стране, а также является данью уважения тем, кто отдал самое дорогое. Автором нескольких из этих фоторабот является одесситка Оксана Канивец.

Еще два проекта украинских художников в Венеции привлекли всеобщее внимание. Жанна Кадырова, одна из самых известных сейчас в Европе украинских художниц, презентовала свой проект «Паляниця». Будучи вынужденной из-за войны эвакуироваться из Киева в Закарпатье, Жанна поселилась в селе, где и придумала этот проект. Речные камни для работ были собраны тут же. Еще 26 марта «Паляниця» стала частью резиденции «Рабочая комната» в арт-пространстве «Ассортимента кімната» в селе Березово.

«Первые две недели войны мне казалось, что искусство – это мечта, что все двадцать лет моей профессиональной жизни – это лишь то, что я видела, когда спала, что искусство абсолютно бессильно и эфемерно по сравнению с беспощадной военной ма-

шиной, разрушающей мирные города и человеческие жизни. Теперь я так больше не считаю: я вижу, что каждый художественный жест делает нас видимыми и делает наш голос слышимым», – цитирует художницу издание «Insider Art».

Пройти мимо «Galeria Continua» и не зайти на выставку Жанны было сложно – во-первых, галерея находится в двух шагах от входа в Арсенал, главную площадку биеннале. Во-вторых, у входа развевался украинский флаг, и через определенные промежутки времени на набережной пронзительно звучала сирена воздушной тревоги со словами: «Внимание! У нас угроза!».

Четвертым проектом украинских художников стала выставка одесситки Ирины Озаринской под названием «Трансформация наследия Сони Делоне», которую мы задумали совместно еще весной 2021 года. Но перед тем как рассказать о ней, я хотел бы сказать несколько слов о главной теме этой биеннале, в которой приняли участие двести тринадцать художников из пятидесяти восьми стран. В этом году основной проект Венецианской биеннале впервые курирует итальянка – искусствовед Чечилия Алемани, которая сейчас живет по большей части в Нью-Йорке. За всю стодвадцатисемилетнюю историю биеннале в городе на воде это пятая женщина, ставшая художественным руководителем его центральной выставки.

Общее название нынешней Венецианской биеннале – «Молоко снов» – вдохновлено книгой о фантастических существах, которую написала для детей британская писательница-сюрреалистка, художница и скульптор Леонора Каррингтон (1917-2011), эмигрировавшая из Европы в Мексику во время Второй мировой

войны. Подавляющее большинство участников – женщины. По словам Алемани, такой состав отражает «переосмысление центральной роли мужчин в истории искусства и современной культуры».

Основная выставка сосредоточена на трех отдельных областях исследования: изображение тел и их метаморфозы; взаимосвязь между людьми и технологиями; взаимосвязь между телами и Землей.

Для создания диалога между разными поколениями Алемани выделяет пять исторических разделов, которые она называет капсулами времени. В рамках этой «выставки внутри выставки» представлены произведения девяноста художников, в том числе авангардисток Эйлин Агар, Леонор Фини, Кэрол Рамы, Доротеи Таннинг и Ремедиос Варо; авторов визуальной поэзии Мireллы Бентивольо, Мэри Эллен Солт и Ильзе Гарнье; писательниц и художниц Жизель Прассинос и Уники Цюрн; фотографа Гертруды Арндт; представительницы Гарлемского ренессанса Меты Уоррик и многих других. Отдельный зал посвящен вдохновленным творчеством Франца Кафки картинам Паулы Рего из серии «Метаморфозы».

Чечилия Алемани рассказывает о том, как родилась идея главной темы: «Молоко снов» – это рассказ о волшебном мире, в котором живут фантастические существа, где жизнь постоянно переосмысливается через призму воображения и где каждый может измениться, трансформироваться и стать кем-то другим. Это прославление свободы духа, которой нам очень не хватало во время пандемии. Название можно интерпретировать поразному, так что я не буду рассматривать разные интерпретации, но думаю, что это также демонстрация онирического измерения и своего рода сюрреализм в шоу».

Среди авторов, работы которых включены в капсулы времени, – одна из амазонок авангарда Александра Экстер: здесь демонстрируются ее эскизы костюмов к фильму Якова Протазанова «Аэлита» (1924).

А еще – великая одесситка Соня Делоне.

Соня Делоне представлена на биеннале довольно скромно, здесь много ее графических листов, но нет живописи. Зато с мес-

том ее рождения больше никаких разночтений – Одесса. Десятилетние усилия не прошли даром.

Наша выставка удивительным образом оказалась тесно связанной с основной темой биеннале, хотя задумали мы ее еще до того, как Чечилия Алемани огласила свои планы. И задумывалась выставка как попытка переосмысления культурного наследия Сони Делоне. Но… началась война. И сегодня эта экспозиция – скорее о сохранении этого наследия.

Поиски самой себя привели Ирину Озаринскую к опытам с трансформацией человеческого тела, в которых жизнь постоянно переосмысливается через призму воображения, а метаморфозы тел заставляют задуматься о том, что человек представляет собой лоскутное одеяло из мифов, фантазий, убеждений и того, что он считает реальностью.

Прошлое соткано из будущего, и мы силой своего воображения способны менять их точно так же, как своими поступками меняем настоящее. Наследие, как наследство, способно обогащать. Особенно если это наследство связано с твоими корнями.

Трансформация наследия Сони Делоне не является для OZI случайностью. Обе художницы – одесситки. Ира родилась за девять месяцев до того, как Соня покинула этот мир. Так же, как и Соня, она обостренно чувствует цвет, точнее, цвета – чистые и яркие цвета украинского Юга. Но, в отличие от абстракций Делоне, облекает их в форму. История Ирины, переехавшей из родной Одессы в Венецию, напоминает историю Сони, которая уехала в двадцать два года в Париж – как оказалось, навсегда. Основой творчества обеих стал эксперимент. И судьбы обеих обожжены войной. Сегодняшняя российская агрессия против Украины заставила Ирину заново пересмотреть биографию Сони: будучи

еврейкой, она вынуждена была во время Второй мировой войны искать убежища на юге Франции, опасаясь не только за свою жизнь, но и за судьбу творческого наследия своего мужа, Робера Делоне.

Все в истории повторяется – и все изменяется. Можно ли сказать, что мы живем в эпоху трансформаций? Конечно. Но так было и раньше. Ничто не стоит на месте. Но творческое переосмысление истории и наследия в каждой конкретной душе бесценно и непреходяще.

На открытие выставки в галерею «Visioni Altre», расположенную прямо в венецианском гетто, на Campo de Ghetto Novo, пришло почти две сотни зрителей. Автор этих строк представил Ирину и прочел лекцию о Соне Делоне. А OZI до позднего вечера показывала гостям свои работы, объясняя историю и замысел каждой из них.

*

Ирина Озаринская родилась в Одессе в 1979 году. С 2013 года живет в Венеции. Участвовала в выставках и международных проектах в музеях и галереях Украины, Польши, Грузии, Италии, Великобритании, Черногории.

Вадим Перельмутер

Поэт Причерноморья

«…А что он любил на свете?
Нинку, стихи и Керчь».

Шенгели

…Он мог бы и не стать одним из двух – наряду, естественно, с Волошиным – поэтов Причерноморья, этого *имперского Средиземноморья*, подаренных Крымом русской поэзии двадцатого столетья. Однако драматургия судьбы воспротивилась такому наметившемуся было повороту сюжета его жизни…

Георгий Шенгели родился в 1894 году в Темрюке, старинном городке к северо-востоку от Тамани, невдалеке от азовского побережья. Ему было четыре года, когда его родители Аркадий Александрович и Анна Андреевна с четырьмя детьми переехали в Омск, к месту новой службы главы семьи.

То предотъездное возбуждение – из самых ранних детских впечатлений, сохранившихся в памяти, чтобы пятьдесят семь лет спустя превратиться в одно из последних его стихотворений, в сонет:

Четыре года мне. Я наряжён в черкеску
И в шелковый бешмет. А ну-ка, посмотри,
Какие на груди сверкают газыри,
Как на кинжале чернь рисует арабеску!..

Он мог вырасти в Восточной Сибири, и летние каникулярные поездки в Керчь к бабушке, Марии Андреевне Дыбской, остались бы лишь детскими воспоминаниями, наподобие того, что

описано в сонете. Но таким – единственным – воспоминанием стала именно Сибирь. В стихотворении, тоже написанном в последние месяцы жизни, чуть раньше уже цитированного:

Я в лодчонке плыву по холодной хрустальной реке.
Это, верно, Иртыш. А направо ступенчатый город
Низбегает к воде. И баркасы лежат на песке,
И на барке подплывшей скрипуче работает ворот…

Два года спустя умерла мать. Еще через два – отец. И четырех внуков, восьмилетнего Георгия с двумя братьями и сестрой, забрала к себе бабушка. Он потом писал – в «Автобиографии», – что впятером они жили «…на бабушкину пенсию и небольшое отцовское наследство, разверстанное «до окончания гимназии». Бюджет был жестким, но жили, не нуждаясь».

Именно бабушка, родившаяся и всю жизнь прожившая в Керчи, неплохо знавшая не только родословную свою, но и семейные преданья, и с удовольствием посвятившая в них будущего поэта, дала ему возможность почувствовать себя истинным *керчанином*, влюбленным в *свой* город (не потому ли, думаю, не из нежности ли этой он потом – в стихах – *перевел* древнее имя сей столицы некогда славного Босфорского царства Пантикапей в протяженно-женственное – Пан-ти-ка-пе-я).

А из предков – еще тогда, в детстве, – его более других заинтересовал прадед – Николай Григорьевич Вускович-Кулев, долмат родом из Рагузы. «Его «выписал» в Россию его родственник Кулисич, которого упоминает в своих мемуарах Вигель… – писал Шенгели в «Биографической канве». – Вускович, родившийся в конце восемнадцатого века (впоследствии Шенгели уточнил дату – 1804. – **В. П.***),* дожил до 1888 года»…

Про то, почему именно этот персонаж выделен поэтом из всех, в жизни коих *романтических мотивов* тоже хватало, – чуть позже. А пока – еще одна цитата, из «Автобиографии»: «Из моих предков первой реальностью для меня является прадед, Николай Вускович. О нем мне рассказывала бабушка, сохранились его портреты. На масляном портрете неизвестного художника (хранится в семье дяди Владимира), датированном 1828 годом, изображен

красивый блондин в сюртуке, с высоким галстуком. Большие холодные голубые глаза, сжатые губы, четкий подбородок выдают ум и характер. На фотографии восьмидесятых годов (есть у меня) сидит тайный советник с обрюзглым недобрым чиновничьим лицом, в орденах, с пряжкой. Служил прадед всю жизнь в Крыму, был (вероятно, не сначала) директором Керченского карантина. Бабушка характеризовала его как человека недоброго, властного, всегда всем недовольного… Второй его брак был неудачен: жена изменила ему с католическим пастором (так в рукописи! – **В. П.**) Аразовым (я его еще застал, глубоким стариком). Прадед добился развода и потом – перешел из католичества в православие, чтобы насолить обидчику. Тому действительно влетело от начальства, не одобрившего, что от римской церкви отпал «генерал», глава католической колонии в Керчи. После этой истории прадед «предался распутству», в его доме все время «торчали разные шлюхи». Чтобы молодая дочь не мешала, он выдал ее насильно за сорокадвухлетнего полунищего чиновника Дыбского. Бабушка со слезами рассказывала, как ее вели в церковь»…

Прадед этот происходил – для мальчишки – из времен таинственно-исторических, от него осталось множество *раритетов*, в том числе – пожелтевших бумаг рукописных. Именно среди них он якобы обнаружил еще в юности пачку, пояснял он в середине сороковых, послужившую *основой* для только что завершенной им «Византийской повести. Повар базилевса» – из истории тесных связей Босфорского царства с Восточной Римской империей. «Якобы» – потому что листки те впоследствии, естественно, «затерялись», никто, кроме Шенгели, их не видывал. А упоминание «протографа» понадобилось ему для сопроводительного – к «Византийской повести» – текста, сочиненного, полагаю, в оптимистической надежде предложить сие сочинение в печать как сугубо *историческое*. Замысел тот напоминает… классику, откуда, вероятно, и возник: пушкинское предварение к повестям «покойного Ивана Петровича Белкина». Есть и более внятный, я бы даже сказал, *безусловный* «пушкинский след» в этом сочинении: написано оно тем же стихом, что и «Песни западных славян», редкостным в русской поэзии и потому любым, кто внимательно читал Пушкина, опознаваемым…

По счастью, Шенгели быстро остыл к затее, понял, что подобная попытка стала бы для него смертельно опасной.

Но *участие* прадеда в этой истории, по-моему, любопытно…

О предках со стороны отца – судя по «Канве» – Шенгели удалось узнать значительно меньше: «По мужской линии… дед мой, Александр Шенгели, был грузином, священником; в сороковых годах он был за что-то расстрижен и выслан в Западный край. В Сосновицах он имел связь с замужней еврейкой по фамилии Иоффе (?), которая (как мне говорила бабушка Мария Николаевна) в свою очередь была побочной дочерью какого-то поляка. От этой связи произошел мой отец, Аркадий Александрович, уже в юношеском возрасте «узаконенный» своим отцом… Таким образом во мне смешалось семь кровей: русская, турецкая, долматинская, украинская (Дыбского), грузинская, еврейская, польская»…

В этот итог, выведенный из семейных преданий, надобно внести две поправки, сути, в общем, не меняющих. Суда по разысканиям нашего современника, потомка-родственника Шенгели по материнской линии журналиста Антона Маринина, прапрадед поэта, екатерининский генерал Сильвестр Романович Чернявский «имел дочь» не от «пленницы-турчанки», как рассказывала Шенгели бабушка. Вышедшая замуж за Вучковича-Кулева Любовь Чернявская была одной из четырех дочерей генерала и его жены, Феодосии Михайловны Казанли (судя по фамилии, вероятно, гречанки). А дед по линии отцовской был, опять же, судя по фамилии, абхазом, принявшим православие и ставшим священником в православной Грузии.

При всем при этом, по свидетельству Шенгели, семья всегда считала себя русской. Хотя в жилах младшего поколения клокотал поистине *крымский коктейль*, земли, где кроме аборигенов Северного Причерноморья – еще с византийских времен – так естественно оседали, без вражды соседствовали, смешивались в потомках выходцы с Кавказа и Балкан, из Палестины и Генуи, Западной Европы и Восточной Азии, древнейшие народы и – по историческим меркам – едва народившиеся.

Потому Крым прививал уроженцам и пришельцам, всем *обывателям* своим органическую способность признавать за другим право на иной образ мыслей, символ веры, уклад жизни…

Шенгели учился в Керченской гимназии. Благодаря разносторонне блестящим способностям легко и быстро стал первым учеником. С пятнадцати лет, желая помочь семье, в которой был младшим, но более – утвердиться в самостоятельности, начал подрабатывать репетиторством и сотрудничать в мелких керченских газетах – «писал хронику, фельетоны, театральные рецензии и почему-то статейки об авиации». При этом он вовсе не был не по годам серьезным, сосредоточенным книжником.

В юности время неторопливо и просторно – и может разом вмещать в себя множество разнообразных вещей. Шенгели все давалось с врожденной артистической легкостью, которая – в сочетании с редкою для незрелого возраста работоспособностью, «якорной», при необходимости, усидчивостью – результаты давала отличные.

Он все успевал: запойно читать романы, философские трактаты, стихи – и часами бродить по керченским окрестностям, прислушиваясь, не кликнет ли «див» за далекими курганами, где простерлась Скифия.

…Лежу. Вдруг издали таинственный возник,
Меняя высоту, необъяснимый клик,
Раскат серебряный – сирена ль заводская,
Безумный ли фагот, – до сердца проникая…
Див кличет!…

А то отправлялся в море, вплавь или на ялике. Увлеченно ухаживал за сверстницами-гимназистками. Не пропускал театральных новинок. Возбужденно следил за газетными всплесками политических событий. Ночами вглядывался в по-южному близкое, с рельефными звездами небо, поверяя свои основательные астрономические познания…

Замечательно благодатным для него оказалось это сочетание высокой книжной культуры, вкус к которой развился рано и определенно, а свободное владение иностранными языками позволяло естественно переходить от Жуковского и Пушкина к Верлену

и Бодлеру, Верхарну и Готье, Ницше и Байрону, и снова – к Бальмонту, Блоку, Гумилеву, Брюсову, так что возникало ощущение единого пространства, неделимости литературы на русскую и *остальную,* сочетание, повторю, книжной культуры с приморской вольностью и древностью керченской, пантикапейской земли, где история – никакая не наука, но повседневность: бормочущие камни развалин, господствующая над городом гора Митридата, скорбные глаза Деметры в античном склепе, набегающие на берег волны Босфора Киммерийского, помнящие галерный плеск весел и снежные паруса каравий…

Тут Золотой Курган. Тут был босфорский форт,
Оплот античности противу скифских орд;
Отсюда, с этих глыб, вытягивая шеи,
Громили плащники гоплитов Гераклеи;
Тут буйствовал Помпей, и понапрасну яд
Глотал затравленный, как кошка, Митридат…

Или так:

…Забытый порт Святого Иоанна…
В долине – церковь, где молчит осанна;
Безмолвный храм Тезея на холме.

И выше всех, в багряной мгле заката,
Над пропастью, на каменном ярме,
Гранитный трон – могила Митридата.

Крым, в земле которого отслоились и слежались три с лишним тысячелетия евразийской истории, научил юного Шенгели несуетности, той внутренне насыщенной *праздности,* из которой возникает «певучая лень» поэзии. Привил любовь к живописно-яркому мазку-эпитету, отчетливость рисунка, пластики, ритма, пристальность к незначительной, на первый взгляд, но – в стихе – точной и выразительной *подробности.* Крым стал одной из немногих *пожизненных тем* поэта Шенгели. Даже когда он пишет совсем о другом, ну например:

…Как сладко будет овладеть такою
Подклёванной, порочною вдовой, –

эпитет выдает *происхождение* автора: южанину не надо *помнить,* в нем с детства почти бессознательное знание, что *подклеваны* птицами самые *сладкие,* переспелые ягоды…

Сразу по окончании гимназии он издал первую книжку – «Розы с кладбища», однако не оставил нам возможности судить о своем поэтическом дебюте. Пока книжка печаталась, автор успел в ней разочароваться. И едва разошлось несколько экземпляров крошечного тиража, изъял из продажи остальное и… «выкурил» книжку из литературы. Буквально: вспоминал потом, что пустил листки той книжки на мундштуки для самодельных папирос, не сохранив экземпляра даже у себя, «на память». Коллекционерам-библиофилам остается лишь беспомощно вздыхать по тем канувшим невемо куда *раритетам*…

Тогда же познакомился он с приехавшими в Крым – проводить «Олимпиады российского футуризма» – Давидом Бурлюком, Игорем Северянином, Владимиром Маяковским и Вадимом Баяном. А вскоре состоялось и первое публичное выступление Шенгели. На которое он явился… в гимназической курточке. Демонстративно. Потому что, как вспоминал его почти сверстник одессит Валентин Катаев, «учащимся средних учебных заведений строго запрещались публичные выступления, за это беспощадно выгоняли с волчьим билетом».

Не со стихами своими выступил – с лекцией о «новой русской поэзии».

В небогатой литературными событиями Керчи та лекция, разумеется, была обречена на газетные отклики. Мягко говоря, не самые лестные. Например, такой: «Любители всего оригинального, вплоть до красивой бессмыслицы, послушали бы юного Шенгели, вдохновленного Бурлюком… Не обладая минимальными данными стихотворца, г. Шенгели имеет «смелость» называть себя поэтом… Г. Шенгели, только вчера оставивший школу, где учили как-нибудь и чему-нибудь, не имевший времени познать и обмозговать жизнь, принимается за сизифов труд перевоспитать

керченскую интеллигенцию… Несчастна та страна, где к природному, естественному невежеству прибавляется то, что культивируется и и пропагандируется лекторами à la Шенгели».

Но были и другие мнения, куда снисходительней, по коим лекция Шенгели выглядела, может быть, не очень зрелой, но вполне стройной и внятной.

Таким было начало. Продолжение последовало стремительное, зреющее не по годам – по месяцам…

Из четырех футуристов, с коими Шенгели познакомился, приметили-приветили его двое. Северянин, дружба с которым продлилась четверть века, до самой смерти старшего. И Бурлюк, охотно приютивший его у себя во время первых визитов Шенгели в Москву. С Маяковским они друг другу не понравились, взаимная антипатия с годами только углубилась и постепенно, дюжину лет спустя, переросла в публичную. Но про то – позже…

Северянин позвал его с собою в турне – преимущественно по южным городам России. Предложил ему роль, какую и сам сыграл совсем недавно, в тринадцатом.

Сологуб, которому понравились его стихи, взял его с собою в турне, где младший – почти на четверть века – говорил о поэзии и читал свои стихи, получил от критиков сполна. И старший был им доволен: Северянин научился «держать удары» критики, почувствовал – и понял – как завоевывать публику. Имя его отныне утвердилось – и осталось – *на слуху* не только в новой и старой столицах…

Теперь он ждал того же от Шенгели. И дождался.

Турне получилось броским, не без скандальной разноречивости откликов, то бишь ровно таким, какое требовалось участникам. Шенгели открывал выступления докладами (вот лишь некоторые из них: «Самураи духа», «Женщина в поэзии Северянина», «Новое пушкинство (Поэзия ближайших дней)»), после – или «вперемешку» с Северяниным – читал свои стихи, продавал выходившие одна за другой книжки – «Лебеди закатные», «Зеркала потускневшие», наконец, первое издание «Гонга», удостоившееся, кстати сказать, благожелательных отзывов печатных от столь строгих критиков, как Юлий Айхенвальд и «сам» Валерий Брюсов.

Наиболее любопытный – по разбросу мнений – резонанс вызвало выступление поэтов, как и следовало ожидать, в Одессе. Судить о том легко хотя бы по пунктирному очерку разброса впечатлений.

«Несколько неприятное впечатление оставляет вступительное слово г. Шенгели «О творчестве Игоря Северянина». И не потому, чтобы докладчик читал плохо или тезисы его были неправильны. Наоборот, очень много дельного, кое-что новое и немало верного было в красиво написанной речи г. Шенгели. Совершенно правильно сделана характеристика «поэта вселенчества», верно подмечено отношение критики – указаны этапы новой поэзии. Но неприятен чересчур уж самохвальный тон, эта апология Игоря Северянина, читанная перед выступлением»…

Или так: «На поэзо-вечере выступал еще поэт Георгий Шенгели, стихотворения которого («урбанистические» и другие) ни по форме, ни по содержанию особого впечатления не производят. В напевной форме декламации чувствуется подражание И. Северянину, но и на этот раз копия во много раз слабее оригинала. Любопытно, что и свое вступительное слово о творчестве И. Северянина г. Шенгели декламировал, словно поэзу, но делал это однообразно и манерно»…

Или совсем кратко: «Исполнители имели огромный успех и по просьбе публики бисировали без конца»…

По ходу турне Шенгели менялся, как бы прислушиваясь не только – и не столько – к публике, но и к себе, к своей реакции на собственные мысли и стилистику звучащего слова. Через полгода после Одессы, в Тифлисе, среди слушателей его случился и Айхенвальд. И откликнулся: «Лучшее, что было на третьем и последнем поэзо-вечере Игоря Северянина (30.01.1917), это стильный, яркий доклад г. Шенгели о Верхарне, так трагически, по железной воле рока, недавно погибшего. <…> Глубокие мысли, яркие, фантастические слова, в кои облек молодой поэт свой доклад, блестящие каскады блестяще построенных фраз, глубокое преклонение перед воспеваемым гением, редкая проникновенность в идеи делают честь докладчику, сумевшему на протяжении трех вечеров в течение 2-3 часов блеснуть большим запасом знаний, глубиной чувств и искренностью тона»…

Четверть века спустя Шенгели иронически вспоминал – себя, в маршруте тогдашнего *поэтического путешествия* с Северянином посетившего и Петроград:

Гудел декабрь шестнадцатого года;
Убит был Гришка; с хрустом надломилась
Империя.
А в Тенишевском зале
Сидел, в колете бархатном, юнец,
Уже отведавший рукоплесканий,
Уже налюбовавшийся собою
В статьях газетных, в зарисовках, в шаржах,
И в перламутровый лорнет глядел
На низкую эстраду…

Его не обольстил успех, не оглушила обретенная известность. Как будто и не было ничего этого, он преспокойно воротился в Харьков, где сразу после гимназии поступил на юридический факультет университета (в котором профессором химии был его дядя Владимир – и кузина Юля вскоре стала женой Георгия). Правда, просиживал днями преимущественно не на студенческой скамье, но в небедной городской библиотеке, прочитывая вороха разнообразных книг, а в паузах готовя неторопливо к изданию шестую (! – к двадцати четырем годам от роду) книжку стихов – «Раковину». Главное, с чем воротился он из турне, – понимание, знание, что юридическая карьера – не по нему, что его дело – и жизнь – литература, поэзия.

«Гонгом» он возвестил об этом. «Раковина» стала истинным началом – вслушиванием в то, что звучало в нем, в то, что его ожидало. Не случайно ведь без малого сорок лет спустя, незадолго до смерти, готовя так и не вышедшее «Избранное», он не включил туда ни-че-го из «Гонга» – и совсем немало из «Раковины», вышедшей в восемнадцатом…

А в мае семнадцатого, ненадолго наведавшись в Керчь, он однажды отправился оттуда в Феодосию – и пришел в Коктебель, к Волошину.

Пятнадцать лет я близко знал его… –

подсчитал в августе тридцать второго, вклеив газетную траурную вырезку в записную книжку.

Волошин сразу *принял* – и оценил нового знакомца. «Это самый серьезный из молодых крымских поэтов (керчанин) и очень видный теоретик стиха», – сказано в одном из тогдашних его писем. «Очень видному теоретику стиха» нет еще и двадцати пяти…

Сблизила их, естественно, и *крымская тема* в поэзии обоих. Хотя Крым у них – разный.

У Шенгели – земля, где он вырос, которую чувствует исторически-биографически с детства, от которой происходит «южный» европеизм его мировоззрения и мироотношения. Еще в гимназические годы возникает в нем и и шаг за шагом осознается это *европейское,* ежели угодно, самоощущение, потому как Крым с древности был, конечно, ближе к Европе, нежели Россия.

Волошин впервые попал в Коктебель шестнадцатилетним. А в двадцать четыре, то бишь, напомню, в том именно возрасте, в каком явился к нему Шенгели, начались полтора десятка лет волошинских «блужданий по Средиземному миру», куда наведывался он из своего любимого Парижа, именно там – и так – он *вырастал в поэта*. И временами возвращаясь в свой коктебельский дом, постепенно превратил его в то, что Шенгели потом назвал «Киммерийскими Афинами». Его Крым – это отзвуки и археологические слои средиземноморской Европы.

Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глёт зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой…
……
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!..

И не только в поэзии. То же самое увидит Шенгели и в волошинских акварелях:

Загадочное было в этой страсти
Из года в год писать одно и то же,
Всё те же коктебельские пейзажи,
Но в гераклитовом движеньи их…

Представляю себе выставку коктебельских пейзажей Волошина – и целую книжку *крымской лирики* Шенгели. Они, по-моему, замечательно дополнили бы друг друга…

Впрочем, более подробное впечатление от взаимоотношений Шенгели и Волошина, от волошинского *влияния*, которое, в частности, помогло Шенгели преодолеть естественную – по возрасту – *зависимость* от поэтики Северянина, весьма заметную в первых книгах, до «Раковины», можно получить при чтении их переписки, *шенгелевская* часть которой есть в этой книге, а *волошинская* – в собрании сочинений Волошина, пересказывать-повторяться не вижу смысла.

Добавлю только, что постоянным – в переписке – общением с Волошином пронизаны, быть может, самые рискованные, но и едва ли не самые интенсивные, самые литературно-деятельные – причерноморские – годы середины его жизни: восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый. Это видно, можно прочитать – в письмах, набросках, стихах, переводах. В девятнадцатом он перебирается из Харькова в Севастополь, где становится – у красных – комиссаром по делам искусств. Когда город перешел к белым, Шенгели не успел выбраться оттуда со «своими». Пришлось уйти в подполье – с подложными документами. А потом бежать, пробираться в родную Керчь. Но и там вскоре становится опасно. И по занятому белыми Крыму – в Феодосию, на пароход – в Одессу. Обо всем об этом он потом вспомнит и напишет. И его друзья – много позже, когда его уже не будет, – тоже напишут…

В Одессе он дождался прихода Красной армии. И вскоре возглавил Губернское издательство. Восемь одесских месяцев двадцатого года были временем знакомства со *старшими* – Иваном Буниным и Власом Дорошевичем, Семеном Юшкевичем, Алексеем

Толстым и Андреем Соболем – и постоянного общения с молодыми одесскими поэтами и прозаиками, которые несколько лет спустя станут известны всей читающей России – Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Константин Паустовский, Исаак Бабель, Илья Ильф, Евгений Петров, Леонид Гроссман. Правда, он совсем немногим старше (а то и чуть младше – Паустовского, например), ему двадцать пять, однако для них – «мэтр»: полдюжины стихотворных книжек, ворох публикаций – стихи, поэмы, переводы, статьи. А некоторые из них запомнили его еще по «северянинской гастроли».

Среди архивных бумаг Паустовского сохранился сочиненный им совместно с Бабелем шуточный «манифест», регламентирующий встречи молодых поэтов и прозаиков «Под яблоней» (так именовалось их сообщество). Отдельным пунктом там значится: «Не говорить о Шенгели». Стало быть, говорили – часто, постоянно…

И, вспоминал Паустовский, все они знали наизусть, то и дело твердили шенгелевых «Поэтов»: «Друзья! Мы – римляне. И скорби нет предела…» – не то чтобы *скорбели*, скорее – откликались на эмоционально точно уловленное поэтом ощущение распада империи…

В августе двадцатого он вернулся из Одессы в Харьков. Раза два – недолгими наездами – посетил Москву. В один из таких визитов, летом двадцать первого, познакомился с поэтессой Ниной Манухиной, незадолго перед тем выпустившей первую и – как впоследствии сложилось – единственную прижизненную книжку «Не то…», над которой уже успели потешиться критики, неизменно ассоциируя-связуя свои *пассажи* с заглавием оной.

Она была старше Шенгели на два года и, как говорится, *прочно замужем* – за преуспевающим, насколько сие возможно было в начале двадцатых, врачом Сергеем Манухиным, у нее семилетняя дочь Ирина, немало драматического – и трагического – к тридцати годам пережила. Первую любовь – французского красавца-графа, с которым встретилась – девятнадцатилетняя – в Давосе, он был летчиком и погиб в первые дни войны, летом четырнадцатого, о чем Нина узнала из письма его матери.

А в восемнадцатом они с матерью пытались разыскать могилу отца – офицера, расстрелянного большевиками, и кладбищенский сторож ледяным декабрьским вечером показал им заснеженную площадку, где среди десятков сослуживцев он был безымянно закопан…

В марте двадцать второго Шенгели окончательно перебрался в столицу. И вскоре почувствовал, понял – Нина, Нинка властно заняла первое место в том, «что он любил на свете». Однако на то, чтобы, наконец, соединиться, у них, у обоих, ушло два мучительных года…

Впрочем, и стихи не слишком потеряли во власти над ним. Осенью он издал книжку «Раковина». Не «второе издание, дополненное» etc., как обычно принято указывать в подобных случаях, а другую, новую книжку, как бы *выросшую* из той, двухлетней давности – для иного, *нового* читателя. Лет двадцать пять назад Ирина Сергеевна Манухина подарила мне «авторские» экземпляры обеих тех книжек. И ранний испещрен карандашными пометами, следами работы, превращения одной книжки в другую. Несколько стихотворений резко наискось перечеркнуты, на полях – заглавия стихов, которые займут здесь место, снято большинство прежних посвящений etc. По-моему, редчайший, если не уникальный случай, когда можно проследить работу поэта над книгой, которая разрастается, становится иной, работу, которая – по сути – оставляет нетронутым лишь прежнее заглавие.

Так разрастается при вслушивании в поднесенную к уху раковину гул-отзвук затаенной в ней частицы моря.

Это заглавие осталось нужным поэту – как знак того, с чем он пришел.

Его Причерноморья…

Он сразу и деятельно включается в столичную литературную жизнь. Брюсов приглашает его преподавать – в *свой* институт. Государственная академия художественных наук (ГАХН) принимает его в «действительные члены» – за «Трактат о русском стихе» (после смерти Брюсова он возглавит там отделение изящной словесности). Три года спустя его избирают председателем Московского отделения Всероссийского союза поэтов.

Пишет, переводит, преподает, выступает с докладами…

И естественно, без сколь-нибудь заметных, во всяком случае, по его письмам или поздним воспоминаниям о нем, усилий обрастает многочисленными литературными и окололитературными знакомствами. Отношения эти складываются легко, как бы сами собой, становятся дружескими или деловыми, разница определенна и, в общем, несущественна.

За чуть ли не единственным исключением – Маяковским.

Как не заладились они с первой, далекой уже встречи, так и не сглаживаются, что ни встреча случайная – обостряются. Пути, и прежде не близкие, расходятся все более отчетливо.

Маяковский шаг за шагом становится «Командором» для многих молодых поэтов (как назовет его много позже один из них, остро переживший то влияние-увлечение). Опьяняется сближением своей поэзии с новой властью: «Моя революция!» – и опьяняет *ведомых*, младших, кого сильней, кого послабее.

Шенгели, с не меньшей страстью некогда встретивший происходившие в России перемены, начинает *трезветь*, понимать, что в стремительно меняющейся политической – и, стало быть, идеологической – ситуации *место*, пространство для бытования его поэзии неукоснительно сокращается, подобно шагреневой коже.

В двадцать четвертом Маяковский пишет – и посвящает большевистской партии поэму о Ленине.

Летом того же года Шенгели в Коктебеле у Волошина читает написанные в двадцать первом «Стихи о Гумилеве». Об этом есть в волошинских дневниках. Среди слушателей – недавно вернувшийся из германской эмиграции Андрей Белый, который нервно реагирует на строчки о том, что Гумилева убили «накокаиненные бляди», которым «светил узкий лоб Максима». Вопрошает: чей это «лоб» имеется в виду? И услышав от автора: «Горького!» – обращается к Волошину, истерически заявляет, что не может оставаться в доме, где *такое* говорится о русском писателе, и убегает в свою комнату.

Его, конечно, утешают, и он остается. И страх его понятен – ведь он приехал *мириться* с властью – и вдруг…

А Шенгели знает, о чем писал, он с такими, какие убили поэта, был знаком…

Стихи те разыскать не удалось. Упомянув их в «автобиблиографии», Шенгели сохранять их у себя не рискнул, понять его можно. Впрочем, про то, что известно об этих стихах, и про их поиски уже написано, здесь речь о другом.

Три года спустя в поэме «Хорошо!» Маяковский посоветует юношам «делать жизнь» с товарища Дзержинского…

В двадцать седьмом. Когда – годом раньше вылезшие *из-под санкций* Лиги Наций – большевики уверились, наконец, что пришли всерьез и надолго, и готовились с помпой отметить десятилетие своей власти. Литераторы, понятно, не остались в стороне от сей подготовки. И Шенгели в разноголосом их гаме выпустил тоненькую книжку. О Маяковском.

Из «Хронологической канвы» Шенгели: «1927… Профессура в Симферополе. Катастрофа. «Маяковский во весь рост».

Это книжка, в которой сквозь жесткий профессиональный *стиховедческий* разбор поэтики Маяковского постепенно проступает, все более явственной становится мысль о том, что если Маяковский – «поэт революции», то революция, свершившаяся в России, никакая не «пролетарская», а… люмпен-мещанская.

Я писал об этой книжке более обстоятельно, повторяться не стану (см. Георгий Шенгели. Иноходец. – М., 1997, с. 21-25; там же, кстати, и текст ее воспроизведен, впервые перепечатан – с. 385-440). Хочу лишь добавить кое-что, ибо и книжка эта, и отношение Шенгели к Маяковскому во многом определили, так сказать, *историко-литературную* судьбу Шенгели во второй половине его жизни.

Михаил Гаспаров писал, что я преувеличиваю значение – для Маяковского – этой книжки Шенгели. Что о Маяковском в ту пору весьма резко писали и другие. Действительно, писали. Однако, во-первых, никто из писавших даже и не подступал к вопросу о том, чьим рупором был Маяковский, чью революцию он воспевал. А во-вторых, именно эта книжка всего сильней и явственней задела Маяковского, попала в него. Потому что поэтом о поэтике,

то бишь о сути писана. О том, что *получилось*, какими бы устремлениями-намерениями ни было вызвано.

И отозвалось все это в Маяковском – заглавием последней, за несколько месяцев до самоубийства сочиненной поэмы – «Во весь голос»…

И еще. Японист Кирилл Черевко, в юности своей общавшийся с Георгием Аркадьевичем, вспоминал-упомянул, что Шенгели впоследствии пересмотрел свое отношение к Маяковскому, даже сожалел, что *так* про него написал. И включил его в «чудесный фейерверк имен, четырнадцатизвездное созвездье» самых ярких поэтов начала прошлого века в стихотворении «Он знал их всех и видел всех почти…», одном из последних своих стихотворений.

Что до стихов, тут, по-моему, лишь стоит отдать должное *объективности* поэта, он ведь и не всех остальных, в «созвездьи» упомянутых, *любил*.

А возражать мемуаристу – занятие пустое. Хотя есть и другие свидетельства. Александр Лацис рассказывал мне, что в сорок шестом, то ли в сорок седьмом, спросил у своего литинститутского преподавателя Шенгели – как он теперь, двадцать дел спустя, относится к своей книжке о Маяковском. И услышал в ответ, что мнение о поэзии Маяковского, там изложенное, не переменилось, и что поэтическое «реформаторство» Маяковского изрядно преувеличено. Думаю, студент в те годы едва ли мог рассчитывать на бóльшую откровенность.

Да и в бумагах Шенгели есть несколько поздних записей, о «пересмотре» не свидетельствующих…

Вскоре после выхода книжки Шенгели уехал в Крым. Не из-за нее, хотя, думается мне, и этот *риск* учитывался. Чувство надвигающейся катастрофы, о которой упоминал не только в «Канве», но и в письме в Эстонию, к Северянину, вело его. И, как рассказывала мне Нина Леонтьевна Манухина, приехавший из Симферополя в Москву, в ГАХН, знакомец-ученый предложил ему профессорское место в тамошнем Крымском педагогическом институте, в который двумя годами ранее был преобразован Таврический университет.

Уезжал, представлялось ему, надолго, если не навсегда. В *свой* Крым.

По пути заехал к Волошину. Там – на террасе – по вечерам обычно читали стихи. И он прочитал – не свое, а цветаевского «Крысолова». Насколько мне известно, то было единственное в советское время более или менее публичное чтение этой поэмы. Опять же, не без риска. Достаточно упомянуть, что в начале тридцатых Георгий Оболдуев за чтение стихов «эмигрантки» – тоже в кругу любителей поэзии, правда, московских, среди коих нашелся «доброжелатель НКВД-ГПУ», – получил три года ссылки плюс еще пять «далеко от Москвы».

Но у Шенгели, по счастью, *обошлось*.

Так он уехал в *изгнание*. Этим именем озаглавил одно из первых написанных здесь стихотворений. Впрочем, оно, *изгнание*, поначалу оказалось именно таким, какого он ждал и хотел.

Здесь медлит осень. Здесь еще тепло.
И странно видеть зимние созвездья
Сквозь музыку с далекого бульвара,
Сквозь теплый вкус и нежность изабеллы…
К полуночи в ореховом саду
Прощаюсь я с моей дневной работой…

А *работы* задумано было много. «Дневная» – институтская: лекции, семинары, всякие заседания – не помеха «вечерней», той, которая совсем *своя*. И первая из них – «Черный погон». Прощание с иллюзиями тринадцати-, десяти-, пятилетней давности. И начало *воспоминаний* – потом в стихах и прозе (увы, до завершения доведенной лишь единично) они будут продолжаться – до последних написанных строк…

«Мне хочется припомнить шаг за шагом мой роман с жизнью, мой роман с революцией, первую и последнюю мою попытку глотнуть настоящего кислорода»…

И припоминает, «шаг за шагом», но именно как *роман с жизнью,* роман жизни, беллетризуя его, естественно вплетая реальные события в острофабульное повествование.

Беллетризованные воспоминания – редкий и сложнейший жанр в мемуарной литературе (сходу припоминаются разве что

«Петербургские зимы» Георгия Иванова да катаевский «Алмазный мой венец», поискать – еще кое-что найдется, однако не много). В отличие от мемуаров «дневниковых», даже ежели автор дневников и не вел, претендующих, так сказать, на фактическую-историческую достоверность, здесь – *художество*, у которого совсем иная задача, у которого «миф всегда прав». Шенгели и в стихах-воспоминаниях бывал «неточен». Хотя с эрудицией своей, превосходной памятью и ворохом записных книжек, разумеется, знал, например, что в «декабре 16-го года» Ахматовой не было «в Тенишевском зале» и что его описание относится к весне семнадцатого, или что Воронцовский дворец в Одессе не мог *видеть* Пушкина и проч. Но подобные пояснения к «ошибкам памяти» (которых, вполне вероятно, и не было) надобны-уместны в примечаниях, чтобы, говоря условно, читатель не изучал Евангелия «по Булгакову». И только…

Да и вообще, беллетризация пережитого в подобных случаях не происходит ли из того, что *иллюзии* поэта – любые, в том числе политические, есть род *художества*?

Убедиться, что многое в «Черном погоне» передано очень *точно* – интонационно и фактически, – нетрудно. Достаточно хотя бы перелистать керченскую историю Гражданской войны или прочитать воспоминания одесситов о Шенгели в Одессе – в двадцатом. Однако, по-моему, куда более интересно – и важно, – что по мере чтения как бы сама собой постепенно проступает, очерчивается мысль о том, почему большевикам удалось в итоге одержать победу в той войне. Победу в той, казалось бы, изначально неравной схватке разнородной стихии с профессиональной, обученной, имеющей бесценный опыт войны мировой и первоклассных генералов, командующих Белой армией.

Тут не одна причина, но как минимум три – и они явлены в повествовании.

Во-первых, победили не большевики – они потом, задним числом, приписали себе всю заслугу. Против белых объединились *все*, верней сказать, начавшийся исторически неизбежный распад империи объединил *всех* – большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов etc, – против той силы, какая пыталась империю

сохранить. И едва ли кто мог тогда предположить, что после победы, совсем скоро, большевики с громогласным популизмом, с апелляцией к массовому люмпену расправятся поочередно со всеми недавними своими союзниками.

Во-вторых, стоит обратить внимание на краткий эпизод – помедлить на нем: проверка документов у трех тысяч (!) пассажиров парохода, прибывшего в «белую» Одессу. «Проверки документов на самом деле нет: офицер кидает быстрый взгляд на развернутую перед ним бумажку и поворачивается к следующему»… Демонстративно мимолетно выказываемое презрение «белой кости» к этой *толпе*, к этому *быдлу*, среди коего, разумеется, быть не может сколь-нибудь достойных противников-врагов. И потому запросто можно таким образом заслать сюда сколько угодно тех, кто будут *громить* банки, как легендарные Котовский и Железняк, или ударят в спину белым при подходе к Одессе Красной армии.

И в-третьих, *красные* победили не потому, что были *лучше*, но потому, что *белые* были *еще хуже*. «Керченские» страницы «Погона» (да и «одесские» отчасти) – об этом, о распаде в Добровольческой армии и вокруг нее царящем, о сугробах кокаина и разливанных озерах спиртного…

Понимал ли он, что у этой вещи нету ни единого шанса быть опубликованной? А то… Но он и прежде, уже несколько лет был готов к тому, что многое – написанное и еще не написанное – к читателю *печатной продукции* не попадет. Однако, думаю, именно Крым, завершенный здесь «Черный погон» вернул ему силы, на упадок коих он сетовал в письме к Северянину перед отъездом из Москвы.

Он много, неустанно работает. Задумывает и начинает книгу «Пушкин в Крыму». Перечитывает исторические сочинения, делает массу выписок, размышляет о будущей книге «Русская Помпея» – об истории родной Керчи, о *своем* Босфоре Киммерийском. Составляет планы будущей большой мемуарной книги и делает наброски к ней. Пишет стихи…

Он рассчитывает на годы и годы вперед, еще не зная, что этих крымских лет у него не будет, что… Маяковский и в этом ему по-

мешает. Студенты сочиняют и подают институтскому начальству донос на своего преподавателя, который во время лекций о современной литературе резко и, мягко говоря, неуважительно отзывается о «поэте революции».

Начальство вызвало Шенгели и потребовало изменить такое поведение. Он тут же подал в отставку.

И вскоре вернулся в Москву. Откуда несколько месяцев спустя, предупрежденный *осведомленным* приятелем о готовящемся разгроме ГАХН, отправился в далекий Самарканд. Преподавать. Переждать…

Год спустя, осенью тридцать первого, он снова в Москве. Где его никто не ждет. Два года служит – кое-как зарабатывает на жизнь в газете и заштатном журнальчике. Пока, наконец, не получает приглашение в издательство «Художественная литература» – заниматься редактированием переводной поэзии. С этой поры переводы, и прежде в изрядном количестве строк выходившие из-под его руки, становятся его *основным* делом. Но про это, как и про то, как, обустроив эту *нишу*, Шенгели удалось помочь выжить и зарабатывать на сносную жизнь ушедшим от *непечатанья* в переводы поэтам, написано уже немало.

В тридцать пятом ему все-таки удалось – в *своем* издательстве – выпустить книжку стихотворений и поэм «Планер». Однако вышла она почти одновременно с печально знаменитым письмом-доносом Л.Ю. Брик к Сталину – о литературных врагах Маяковского, препятствующих его посмертным изданиям. Письмом, на полях коего вождь начертал непререкаемую оценку «лучшего и талантливейшего». И Шенгели печатать перестали (тоненькая книжка «избранного», куда вошло лишь одно неопубликованное стихотворение, изданная в тридцать девятом, можно сказать, *не в счет*). Только переводы – десятки тысяч строк.

И при всякой возможности вырывался в Крым. Водил-возил по нему, влюбил в него свою *Нинку*. И писал стихи.

Ай, хорошо! Я на три километра
Заплыл. Лежу, качаясь, на спине.
По животу скользит прохлада ветра,
Плечам тепло в полуденной волне.

Двумерен мир. Обрыв Камыш-Буруна
Сам по себе синеет вдалеке,
И у ресниц вплотную тает шхуна,
Как леденец в алмазном кипятке.

И всерьез подумывал когда-нибудь вернуться, перебраться сюда насовсем.

Где-нибудь – белый на белой скале –
Крохотный домик в Еникале…
Город в две улицы узким балконом
Выпятился над проливом зеленым;
Степь с трех сторон, а с четвертой – простор:
Ветер и зыбь, Киммерийский Босфор.

Прожить старость там, где впервые был счастлив.

…Наглухо на ночь закладывать ставни,
Слушать норд-оста мотив стародавний,
Старые книги неспешно листать
И о Несбывшемся вновь поминать:
Очень подходит к томительной теме
Медленное – по-еникальски – время…

Однако этого «медленного времени» ему не было дано.

До «оттепели» Шенгели не дожил – умер в пятьдесят шестом, в год «развенчания Сталина» Двадцатым съездом.

Первый однотомник Шенгели вышел сорок один год спустя.

На двадцать лет позже первой посмертной книги стихов Волошина, изданной к столетию со дня его рождения…

Декабрь 2017 – март 2018 г.

С.А. Векшинский

«Нам должно клад изобрести…»

Жаркий июльский день 1910 года. Тамань. На берегу Керченского пролива маленький уютный дачный домик. Это – одна из керченских семей, в летней обители которой собралось десятка полтора юношей и девушек в возрасте от тринадцати до семнадцати лет. Это всё товарищи и подруги детей хозяев дома.

Я туда попал случайно и был рад познакомиться с большой группой молодежи. Среди мальчиков выделялся чернобровый красивый юноша, стриженный наголо, с повязанной, как тюрбаном, белым платком головой, смеющийся, веселый и страшно предприимчивый. Все его звали Ёршик. Он был такой обаятельный, что я сразу привязался к нему и также стал звать его Ершиком. В нем была какая-то удивительная предприимчивость, какое-то поразительное умение во всем найти интересность, увлечь остальных. Что бы он ни затевал, оно становилось общим интересом. Он все время был в действии, в движении: то предлагал начать раскопки какого-то найденного им кургана – мы все устремлялись за ним и, конечно, ничего в кургане этом не находили, но не сожалели о том, что целый день копались в глине и песке, разыскивая какие-то древние сокровища. Недостача сокровищ целиком окупалась увлекательными рассказами Георгия об истории древней Патетики, знание которой у него было изумительным. А вечерами, когда мерцают звезды и теплая ночь окутывает землю, Георгий вдруг затевает астрономическую беседу, показывает нам и называет все созвездия, растолковывает, почему планеты имеют возвратные движения на небесном своде, увлекает всех своим пониманием космоса. Это был фонтан всяких сведений!

Когда же речь заходила о Керчи (мы все в это жаркое время из нее переехали в Тамань), то оказывалось, что Георгий знает досконально не только Керчь и ее историю, но знает и всю карту Крыма, вернее – все карты, с древнейших времен, знает все колонии скифские, генуэзские, греческие, римские, знает истории-биографии всех правителей древнего Крыма…

Он называл имена вождей и царей и рассказывал об их временах столь ярко, динамично, артистично, что оторваться от его рассказов было невозможно…

Это было, повторю, в июле 1910 года. Немного раньше Георгий должен был перейти из шестого в седьмой класс Керченской гимназии, но…

Ссора с одним из преподавателей привела к тому, что тот назначил Шенгели переэкзаменовку. Поссорился он и с инспектором, который попытался его «перевоспитать», и, по настоянию этого инспектора, его оставили на второй год. Такого Георгий не стерпел – и уехал в Сибирь, в Омск, откуда за восемь лет до того, после внезапной смерти отца, был перевезен в Керчь, к бабушке, и где оставались помнившие его добрые знакомые отца.

Надо сказать, что материальные ресурсы его были крайне ограничены. Он зарабатывал уроками. Да у бабушки было несколько сот рублей, оставшихся от отца, и небольшая пенсия, причитавшаяся круглому сироте. Однако Георгий твердо верил, что сам пробьет себе дорогу. Ни сиротство, ни бедность не пугали и не угнетали его.

Не знаю наверное, но, вероятно, хлопотами бабушки, происходившей из почтенной и потомственной *керченской* семьи, осенью, когда Георгий вернулся, он был допущен-таки к переэкзаменовке – и блестяще выдержал экзамен.

Вспоминая его школьные годы, могу сказать, что он весь класс держал в постоянном любовно-прикованном к нему внимании. Не было случая, чтобы он плохо или стандартно написал классное сочинение: все то, что он писал, было несколько вызывающе, явно выходило за рамки казенной педагогики, но всегда умно, строго логично…

У него было два… почерка. Да-да, именно два: кроме обычного – «школьного», который мог бы чистотой и внятностью соперничать с гимназическими прописями, он в совершенстве владел и микропочерком, столь мелким, что невооруженным глазом прочитать написанное им было невозможно, разве что с помощью лупы, причем не менее чем пятикратной.

Однажды он подал классное сочинение на маленьком, в осьмушку, листке бумаги. Учитель взорвался, сказал, что это хули-

ганство, что он доведет этот случай до сведения начальства. Но, видимо, любопытство к необычному ученику, а необычайность, оригинальность Шенгели лучшие из наших учителей и замечали, и понимали, и, как сейчас мне представляется, ценили, но внешне соблюдали установленные «педагогические рамки», любопытство, повторю, пересилило, и… на следующем уроке учитель прочитал это сочинение вслух всему классу – и Шенгели получил за него пять с плюсом! Сочинение и правда было очень интересным и содержательным, а по объему нимало не уступало нашим «нормальным» классным писаниям.

В седьмом классе Георгий из-за чего-то, не помню уже причины, поссорился с бабушкой и переселился от нее в семью моего отца. В те месяцы я соприкасался, общался с ним ежедневно – и могу рассказать теперь о том, как он жил и работал в юношескую пору.

Нередко случалось, что Георгий в гимназию не являлся.

Его тогда можно было встретить либо в городской библиотеке, он забирался туда с утра и, получив целую кипу книг, работал, не разгибаясь. Потому что, например, решил детальнейше изучить историю царя Тридимита. Либо занимался вычислением пути Меркурия в его сближении с Землей, и для этого Георгию нужна была восьмизначная таблица логарифмов, библиотечный экземпляр которой был единственным в городе. Решением этой задачи из области небесной механики он занимался довольно долго – и пропущенных в гимназии уроков накопилось изрядно. Но когда классный наставник делал ему по сему поводу внушение, Георгий твердо, а то и возмущенно, отстаивал свое право изучать все так глубоко, как он сам считает необходимым.

Он постоянно трудился, у него не было «пустых дней». И уже тогда его эрудиция нередко ставила в неловкое положение преподавателей, которые пытались учить его тому, что он знал гораздо лучше них.

Именно в седьмом классе из всех его разнообразных интересов начала выделяться тяга к литературе, к поэзии. Я помню его первые стихотворческие опыты, помню, как он читал их вслух и сетовал, нет, верней сказать, негодовал, что его стихи «не звучат», сравнивал их – не больше и не меньше – со стихами Пушкина, говорил, что стихи у него получаются «дубовые» и что нужно

серьезно разобраться в причинах, изучить законы, *управляющие хорошим стихом*.

«Я должен разобраться!» – решил он. И неутомимо трудился неделя за неделей, месяц за месяцем, изучая фонетику, ритмику, метрику стиха. И в это же время углубленно занимался французским языком, немецким, греческим, латынью и – к вящей для меня неожиданности – арабским. И пояснял, что делает все это только для того, чтобы знать – как строится стих…

Уже тогда, думаю, внимательный – взрослый – взгляд мог бы распознать в Шенгели формирующегося поэта и ученого.

Я помню выпускной вечер нашей гимназии, на котором Георгий Шенгели всех поразил большой и, по-моему, замечательной одой, в которой была обрисована жизнь Керчи и нашего молодого поколения. По общему впечатлению, то был шедевр, вполне достойный места в печати. Однако напечатана она не была, я, к сожалению не помню ее, только впечатление, и вряд ли она сохранилась.

А несколько лет спустя я прочитал его стихотворение «Державин» – и внезапно понял, что именно этот лицейский эпизод пушкинской биографии, скорей всего, и подвигнул Шенгели на сочинение *выпускной* оды…

С юношеских лет трудоспособность его была колоссальна. Всякую работу, за которую брался, он считал необходимым выполнить добротно, мастерски, с полным знанием дела. А жажде работать у него была неистощима.

В стихотворении, которое он написал в 1949 году, «В день 35-летия окончания нами гимназии», есть такие строки:

Мы всё любили, знали много,
И жажда делать в нас жила,
И в гору трудная дорога
Такой желанною была…

Эта «жажда делать» прочертилась через всю его жизнь.

И еще из этого же стихотворения:

Не нам стоять! Нам делать надо
За всех, кто изнемог в пути!

И если нет на свете клада,
Нам должно клад изобрести…

Это написано почти через четыре десятилетия после тех июльских раскопок безвестного таманского кургана – и отзывается во мне эхом того жаркого дня, дня знакомства моего с Георгием Шенгели, дня начала нашей с ним долгой дружбы. Потому и захотелось мне вспомнить о нескольких юношеских годах поэта…

1958

*

Векшинский Сергей Аркадьевич (1896-1974) – один из крупнейших «секретных» советских ученых в области электровакуумной техники и радиоэлектроники, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат трех Сталинских и Ленинской премии.

Воспоминания, прочитанные на вечере памяти Шенгели в 1958 г., публикуются впервые.

…он в совершенстве владел и микропочерком… – в упомянутом «совершенстве» автору этих строк довелось безоговорочно убедиться, работая с архивом Шенгели (не без лупы, о, нет!): при увеличении буквы, сливающиеся поначалу в четкую прямую линию, оказываются каллиграфически четкими; и это тем любопытней, что Шенгели с юных лет… носил пенсне (в оном и запечатлен на самой ранней из дошедших до нас гимназических фотографий, отчасти, надо полагать, для вящей солидности, но только отчасти: на абсолютном большинстве фотографий он либо в пенсне, либо – в последние пятнадцать лет жизни – в очках.

«Я должен разобраться!» – решил он… – много лет спустя Шенгели описал, *как* он *разбирался*: «Начав лет в 17 писать стихи, я руководствовался теми тремя страничками из курса «Теория словесности», полученными в пятом классе, в которых говорилось о стихотворных размерах, о ямбе и хорее, но ни звука не было сказано о пиррихии. И мои первые ямбы и хореи были барабанным боем полноударных строк, слагавшихся трудно и звучащих плохо. Желая понять, почему мои правильные стихи тяжелы и неповоротливы, я стал всматриваться в стих Пушкина, Лермонтова и Некрасова и с удивлением обнаружил, что там никаких «ямбов и хореев» нет. Я «открыл» явление пиррихия, что мгновенно развязало мне руки, я занялся систематизацией пиррихических ходов, поисками стиховедческой литературы и пр.; с этого момента начинается и моя карьера как стиховеда».

«В день 35-летия окончания нами гимназии»… – автор, вероятно, из скромности *сократил* заглавие этого (неопубликованного) стихотворения; полностью оно таково: «Сергею Векшинскому в день 35-летия окончания нами гимназии». К нему же обращено написанное двумя годами ранее стихотворение, где поводом послужила *секретная* работа ученого, не бывшая, впрочем, *секретом* для его ближайшего многолетнего друга. С удовольствием публикую здесь эти стихи.

Сергею Векшинскому

Два старых мальчика, два седых гимназиста,
Как бывало, вдвоем сидели и курили,
И обычный дымок скользил и плыл слоисто
В комнате, полной книг и нежной книжной пыли.

Плыл голубой дымок и клубился неверно,
В чашках чай остывал, но теплела беседа;
Два мальчика седых, два питомца Жюль-Верна,
Отыскивали путь средь мирового бреда.

Бремя тайны принес академик поэту:
В ладони он держал смерть и жизнь миллионов, –
И Верховным Судом, оправдавшим планету,
Два стали мальчика, душу друг другу тронув.

Огни за окнами горели, гул трамвая
Врывался в комнату, заглушая слово;
Был мир за окнами, и жил этот мир, не зная,
Что судьба его здесь – средь дымка голубого.

1947

Феликс Кохрихт

Душа моя Мещанская

Напомню читателям, что в 89 номере нашего альманаха я вспомнил послевоенное детство и последующее отрочество, и юность, проведенные в доме 6 по улице Садовой. Мемории озаглавлены «Голова моя Садовая». Они вовсе не только о нашей семье и даже не обо всех наших соседях, а попытка дать хотя бы субъективно, но непредвзятое определение тем годам.

А сейчас – о квартире 50 в доме на Заславского, 2, угол Чичерина. Как и у большинства наших улиц, их название менялись, и не раз. Мы переехали сюда зимой 1969 года из дома 6 по Якира – тогда окраина и строительная площадка – и жили здесь дольше, чем в других местах.

Свое первое имя Мещанская получила в конце XIX века, и это свидетельствовало о том, что в Одессе несколько изменилась концепция городской топонимики. Разумеется, об этом лучше рассказал бы Олег Губарь, но я постараюсь ничего не перепутать и кратко изложить факты. К тому времени в городе уже были улицы, названные в честь выдающихся личностей, а также констатирующие примат (численное преимущество) той или иной национальности в данной локации. И вот дуэт Княжеской и Дворянской превратился в трио, пополнившись Мещанской, и стал примером сословного принципа. Заметьте, я не привел ни одного примера, памятуя о том, что у каждого одессита свой список знаковых улиц. В 1918 году мещане – скромные трудолюбивые горожане – уступили место на домовых табличках создателю Южнороссийского рабочего союза Евгению Заславскому, и это определение продержалось до XXI века. Лишь недавно улица стала носить имя и фамилию Бориса Литвака. Я, член городской топонимической комиссии, голосовал за это.

К тому времени мы жили в новострое на Якира – в первой самостоятельной квартире. И жили счастливо. Но вскоре возникла необходимость объединиться с Таниной мамой, нуждающейся в опеке. Да и ежедневно добираться до Пушкинской в газету и на Пастера, где тогда располагался факультет РГФ университета, было трудно. Принялись изучать объявления с предложениями обмена и остановились на доме Заславского угол Чичерина – сталинке со всеми присущими ей свойствами. Опытные друзья убеждали нас в неравноценности этого обмена: за две самостоятельные однушки тогда давали трехкомнатные. Но что-то заставило меня позвонить, и мне ответил знакомый голос: я узнал Льва – Люсика Межберга, известного художника, с которым мы встречались на выставках. Разговорились, и в итоге мы с Таней через несколько дней легко шли на пятый этаж и без лифта: были тогда молоды.

Межберг делил квартиру с коллегой – Володей Новаком, и оба мечтали о самостоятельном жилье. Квартира нам понравилась - высокие потолки, просторная кухня, но неожиданно главным для нашего согласия стало то, что соседом Люсика через стену был доктор Джонни Иосифович Майер. Замечательный врач, он сумел найти ключи к мятущейся душе Таниной мамы Натальи Сергеевны и стал для нее непререкаемым авторитетом, а для нас мудрым другом.

Пролетела неделя, и мы уже шли впереди грузчиков, которые, пыхтя, тащили на верхотуру старинное тяжеленное пианино, на котором Наталья Сергеевна до войны играла Шуберта в четыре руки с юным Светиком – Святославом Рихтером.

Наш дом был построен в конце 50-х, одна из последних в Одессе сталинок – довольно комфортных, но, увы, уже созданных из других материалов. По традиции их населили партийными и советскими работниками, руководителями предприятий, силовиками. Но были и ученые: на два этажа ниже нас жила замечательная женщина – директор глазного института им. Филатова, его ученица Надежда Александровна Пучковская. Я бывал на операциях, которые она проводила, и вот теперь мы пили чай вместе. До Межберга и Новака в нашей квартире жил знаменитый гроссмейстер Ефим Петрович Геллер.

Особо подчеркну, что наши изначально приятельские отношения с Люсиком в процессе обмена квартирами не только не ухудши-

лись, но и переросли в дружбу на всю жизнь. Согласитесь, это случается не часто. Вспомним хотя бы повесть Юрия Трифонова «Обмен».

Однажды Люсик и Ася (его жена, скрипачка) пригласили нас в дом семьи, к которой относились с особым пиететом. Доцент консерватории Раиса Исааковна Ойгензихт и ее супруг Семен Борисович Горовиц, люди весьма продвинутого возраста, жили в общежитии консы. Их быт, по сути, мало чем отличался от студенческого, но в своей импровизированной двушке с кухонькой Раечка (так звали ее близкие и даже ученики) умудрялась готовить удивительные пирожки и заваривать фантастический чай.

Встреча началась сценой, достойной телесериала. Я попытался представиться, но Раиса Исааковна прервала меня: «Феликс Кохрихт, мы знакомы с вами практически всю вашу жизнь…». В коротком пересказе ситуация выглядела так. Страшным летом 1941 года, когда вокруг Одессы сжималось кольцо оккупантов, из него чудом вырвалась группа женщин с маленькими детьми. Среди них были моя мама и я, младенец. И мы пошли по пыльной раскаленной Николаевской дороге, подвергаясь бомбежке и страдая от отсутствия воды. Раиса Исааковна тогда была тоже молодой и вела за руку сына постарше меня. Когда Люсик рассказал ей о своем новом приятеле и назвал мою довольно редкую фамилию, оказалось, что Р. И. тогда, в 41-м, слету запомнила ее, как и то, что мальчишка был огненно-рыжим…

Нужно ли говорить, что мы обнялись, и наша возобновленная дружба длилась еще много лет… Я так много уделяю места этим воспоминаниям потому, что они сыграли в нашей с Таней жизни особую роль. Я впервые увидел своими глазами мою молодую маму, услышал гул самолетов, ощутил запах и вкус цыбули, которую грыз. Она спасла мне жизнь: остальные дети пили воду из луж и умерли от дизентерии, я же уцелел. Таня увидела на старинном хозяйском пианино фотографию симпатичного скрипача, которого хозяева называли Додиком, – великого Давида Ойстраха, который вырос в этой семье и уже много лет присылал в общежитие на Мечникова пластинки с записями своих концертов и фотографии.

А в семье Вербицких-Завалишиных, принадлежавших до войны к тому же кругу одесской музыкальной интеллигенции, кумиром был и оставался Светик – великий пианист Святослав Рихтер.

И он прислал Наташе фотографии и пластинки… Семья Вербицких-Завалишиных, унесенная вихрем войны, оказалась в Германии, где Таня окончила мюнхенскую гимназию и в конце 50-х, ранее, чем ее мама, самостоятельно вернулась в Одессу. У Р. И. и С. Б. она словно оказалась у себя дома. Добавлю, что через несколько лет Таня подарила знаменитое пианино талантливому юноше, учившемуся музыке.

Особым свойством семьи Ойгензихт-Горовиц было то, что буквально каждый вечер здесь бывали Раечкины ученики, многие из которых уже стали известными музыкантами и педагогами. Упомяну лишь две семьи – замечательный тенор Анатолий Дуда и концертмейстер Вера Беляева, которые приходили сюда с сыном Алешей Ботвиновым; супруги Милкис, распределенные после одесской консерватории в Ленинград и ставшие концертмейстерами в знаменитом оркестре Мравинского. В отпуск в Одессу они приезжали с маленьким сыном Юликом, который тоже ходил с ними в гости, где и встречался с Алешей…

Два года назад я брал интервью у знаменитого кларнетиста Юлиана Милкиса (Канада), который только что триумфально выступил в концерте фестиваля «Odessa Classics», задуманного и созданного выдающимся музыкальным деятелем Алексеем Ботвиновым… Знаменательно, что и в нынешнем военном июле маэстро Милкис дал концерт в нашем оперном театре. А на следующий день нам позвонил из Германии Алеша Ботвинов – здесь начинался уже третий выездной концерт фестиваля «Odessa Classics». А ранее были Эстония и Греция.

Таким образом, уникальная традиция терпеливого бескорыстного самоотверженного служения искусству, стремление передать накопленные навыки и способствовать их творческому развитию всегда были и сегодня присущи Одессе. В какой-то степени эти воспоминания по намерению автора должны передать атмосферу, царившую в те странные годы, – вроде «развитого социализма», но и четкого ощущения того, что грядут перемены.

Сейчас я коротко расскажу о том, в каких знаменательных, а то и знаковых событиях культурной жизни Одессы довелось участвовать мне и кто и зачем собирался на Мещанской, 2. Крайне

важным для меня является то, что сейчас вы, пусть фрагментарно, узнаете и о других локациях, где происходили подобные события, способствующие развитию зарождавшегося нового искусства.

Прежде всего – это квартира Евгения и Валентины Голубовских, живших, кстати, по соседству, на Кузнечной, а впоследствии на площади им. Деревянко. Они начали свою просветительскую и культуртрегерскую деятельность раньше нас, и во многом мы шли по их стопам. Олег Соколов – Музей западного и восточного искусства, Сергей Лущик – на Уютной, где красавицы и умницы Литературного музея заканчивали свои вторые университеты. Салон Риты Ануфриевой-Жарковой – «бабушки» одесского концептуализма. Квартира Люды Ястреб и Вити Маринюка на Мечникова, где собирались члены будущей группы «Мамай», ныне классики отечественного изоискусства. На Петра Великого в Одесском музыкальном училище Николай Голощапов закладывал основы одесской школы джазового образования и формировал свой первый биг-бенд… Несомненно, я назвал не всех, каждый из вас может дополнить этот список.

Из всех достойных, на мой взгляд, отдельного упоминания событий, которые происходили в нашей квартире, я выберу три.

Создание Одесского джаз-клуба

То, что инициативная группа собиралась, как говорится, через стенку с соседним Треугольным переулком, где родился Леонид Утесов, определяет многое. К тому времени тщаниями руководителя одесской филармонии Юрия Петренко, Николая Голощапова и многих из нас в Одессе уже прошли несколько международных утесовских джазовых фестивалей, а места для встреч с гостями в джазовой тональности, джем-сейшенов, диспутов у нас не было. Возникла идея создания джазового клуба, которую поддержал лидер Объединения молодежных клубов Михаил Бочаров, и клуб вскоре открылся в подвальчике на Дерибасовской по соседству с Летним кинотеатром.

Горжусь дружбой с президентами клуба незабвенными Николаем Голощаповым, Юрием Затворницким, Юрием Кузнецовым.

Чугунная ванна – джем-сейшен – нирвана

Утесовские фестивали привлекали в Одессу звезд отечественного джаза. Среди них были и те, с кем мы подружились настолько, что зачастую после концертов они приходили на Заславского – и вечер продолжался, нередко превращаясь в своеобразные джем-сейшены, спонтанное музицирование. Но все же чаще в беседу на взволновавшую нас тему.

Не стану, просто не смогу сегодня назвать всех выдающихся музыкантов, лидеров уникальных ансамблей. Назову лишь тех, с кем дружба длилась и продолжается многие годы. Алексей Козлов, Николай Левиновский, Леонид Чижик, два блистательных Володи из ГТЧ – Тарасов и Чекасин…

Не стану называть тех, кто сымпровизировал этот самый классный и стремный джем в моей жизни. Однажды, когда гости уже собирались домой – по гостиницам (кое-кто остался у нас ночевать), и столпились в коридоре, самый шустрый наконец увидел прислоненную к стене тяжеленную чугунную прохудившуюся ванну. Мы никак не могли дождаться грузчиков… И смелый джазмен сказал примерно следующее: «А давайте, бойс, на бис продолжим джем – вынесем это чудище во двор, и тогда у Феликса и Тани наступит нирвана» (неплохая рифма пришла ему в голову). И вот, пятясь и оглядываясь, ребята выползли на площадку и стали нащупывать ногами ступеньки. И двинулись вниз под посвист лидера: «Когда святые в рай идут!». И тут у меня вырвалось: «Если кто-нибудь из вас сейчас споткнется, советский джаз понесет невосполнимые утраты!». Тут же один из маэстро споткнулся, но все обошлось…

Рождение ЦСИ «ТИРС» и Сороса (Одесса)

О том, как Миша Бесчастнов привел к нам своих приятелей – архитекторов, ставших удачными бизнесменами, Семена Калику и Георгия Котова, я уже рассказывал в предыдущем номере в материале «Голова моя Садовая». Они уговорили меня возглавить

первый в СССР частный Центр современного искусства «ТИРС», собрать для него коллекцию. Что я и сделал. И вскоре в Шахском дворце открылось выставочное пространство, где несколько лет экспонировали свои работы в основном художники, которым путь на официальные выставки либо был закрыт, либо значительно затруднен.

Со временем «ТИРС» стал известен за пределами Одессы, благодаря чему из Киева поступило предложение создать в нашем городе Центр современного искусства под эгидой Сороса. Связующим звеном между столицей Украины, Фондом Сороса и нами стал Саша Ройтбурд, тогда очень плодотворный, инициативный и амбициозный художник. Меня пригласили на смотрины в Киев для знакомства с Дж. Соросом и директором Киевского ЦСИ Мартой Кузьмой. Важно, что Сорос выделил средства для открытия своих ЦСИ – по одному в каждой республике СССР, лишь Россия и Украина получили право создать по два центра. Какое-то время я был президентом одесского.

Прошло время, изменилась ситуация в стране, а вскоре мы жили уже в другой… «ТИРС» и ЦСИ Сороса – Одесса, как свидетельствует соответствующая литература и реальная суть вещей, сыграли свою роль в формировании и становлении современного искусства, и не только в нашем городе…

«Телефункен» для Хрущика

В то время как в «ТИРСе» и ЦСИ Сороса шли бурные обсуждения проектов и выставок, довольно часто к нам на Заславского, 2, вечерком забредал Валик Хрущ. Мы пили сваренный Таней специально для него чаек и говорили вовсе не об искусстве… Хрущик с присущей ему врожденной хитрецой и склонностью поторговаться в процессе обменов «кайфика» на «кайфик» пытался склонить меня к ченчу трофейного немецкого радиоприемника «Телефункен» (он торчал на этой марке) на свой неплохой, но все же классом ниже – «Блаупункт». Ему это удалось.

«Он меня бы расстрелял…»

В нашем доме за это время побывало немало гостей, подавляющее большинство которых заслуживает отдельного разговора. Может быть, это когда-нибудь и произойдет, но сейчас – лишь о троих.

1. Скрипач Владимир Спиваков в расцвете таланта и удачи пришел к нам в день, когда официально стал художественным руководителем своего камерного оркестра.

2. Звезда балета Марис Лиепа был олицетворением сплина и тоски. Недавно он не по своей воле ушел из труппы Большого театра…

3. Московский режиссер Александр Бурдонский был погружен в свои думы, и в конце беседы я спросил его: «Саша, знаю вас как отнюдь не представителя театрального официоза, а скорее тонкого эстета, сторонника экспериментальных систем режиссуры, словом – вольную душу. Что бы, увидев вас таким, сделал ваш дедушка, Иосиф Сталин?». Бурдонский (сын Василия Сталина) с интересом поднял на меня глаза и моментально ответил: «Он меня бы расстрелял».

Альманах «Дерибасовская – Ришельевская»

Если вы читаете эти строки, то вышел в свет 90-й, юбилейный номер нашего издания, что, поверьте, почти чудо. Это уже второй номер, который выходит без Олега Губаря, после эпидемии ковида, и первый – во время войны.

В конце девяностых Евгений Голубовский, Олег Губарь и я составили редколлегию первого в истории одесского издательского дела полноцветного ежемесячного журнала «Одесса». Он выходил несколько лет и был сражен финансовым кризисом.

В 2000 году с миру по нитке мы собрали деньги и выпустили первые номера альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Откровенно говоря, я полагал, что сил и пороха хватит лишь на несколько выпусков. Однако под эгидой Всемирного клуба одесситов, просвещенных меценатов, бескорыстных авторов

выходим уже двадцать второй год! В последних номерах – непременно Михаил Жванецкий и Юрий Михайлик. По-прежнему публикуем Олега Губаря, наши авторы становятся призерами и лауреатами международных конкурсов.

Дай бог подержать руках этот – вышедший, а не пригрезившийся мне номер…

Причинно-следственная связь: сейчас она отозвалась…

А была ли она?.. Насчет причин столь долгого удачливого ведения дел в квартире № 50 по улице Мещанская – Заславского – Бориса Литвака можно предполагать… За неимением места остановлюсь сразу на одной, хотя бы в какой-то мере склонной к логике – конспирологической, отчасти мистической, обосную ее следующим примером.

В восьмидесятые годы в одесской филармонии дал концерт легендарный кубинский джазовый ансамбль «Варадеро». Зал грохотал аплодисментами. С трудом пробился за кулисы, взял интервью у музыкантов, видимо, довольно живое и заинтересовавшее их. Я уже прощался, когда лидер ансамбля выразил желание коллектива (шесть человек): сейчас же, немедленно отправиться к нам в гости, выпить вина и спеть вместе. Ошеломленный, я согласился. Таня, услышав это, в ужасе помчалась домой на высоких каблуках по вечерней Одессе, а было уже 22 часа, впереди марширующей колонны, надеясь хоть что-нибудь найти в нашем холодильнике.

Когда мы, отирая блестящие наряды музыкантов о свежую побелку парадной, взобрались на пятый этаж, стол был уже накрыт. И сегодня Таня не может объяснить, откуда что взялось – и выпить, и закусить. После первого бокала гости взялись за свои дудочки и барабанчики и запели «Бесаме мучо». Я подпевал, пуская тирольские рулады.

Чудо состояло в том, что в нашем партийно-хозяйственном доме не распахнулось ни одно окно, не прогремел

командирский бас с проклятиями, а наоборот – раздались аплодисменты.

И только сейчас, спустя десятилетия, я неожиданно вспомнил, что рассказывал мне Губарь: изначально на углу стояла мельница, справно служившая до войны, во время которой сгорела. На ее фундаменте и построили наш дом. В фольклоре, преданиях многих народов издавна существует поверье, что мельницы строились на местах силы. Мельник и мельничиха в этих сюжетах – люди с легкой придурью, себе на уме, с подвохом, ну и способные на неожиданные поступки. Таковы и Прекрасная Мельничиха из вокального цикла Шуберта, который игрывали Наталья Сергеевна и Светик на нашем фортепиано, и Суровый Мельник из оперы Даргомыжского «Русалка». Повторю за ним из коварного куплета, несколько переиначив:

Какой я мельник? Я – рыжий ворон!

Это – хоть что-то объясняет.

Полагаю, что факт, который я привету ниже, послужит убедительным доказательством того, что даже не профессия Мельника, не проживание по месту его работы, а лишь вибрации сохранившегося фундамента способны пробудить в современном одессите неожиданную легкость в мыслях и подвигнуть меня на неожиданную авантюру.

Домашний телефон в те годы был большой редкостью – он переходил от жильца к жильцу. В нашем случае – от гроссмейстера Геллера к художникам и, наконец, к нам. Однажды, когда мы еще отмечали бесконечное новоселье, раздался звонок, и взволнованный мужчина вскричал в трубку: «Дорогой Ефим Петрович! Наконец я до вас дозвонился! (Замечу, что гроссмейстер выехал отсюда лет шесть назад.) Так вы подтверждаете, что откроете турнир в Йошкар-Оле и сделаете первый ход-белыми?» – «Разумеется, – моментально ответил я. – Я же вам обещал!» – «Слава богу! Средства нам уже выделили профсоюзы! Все уже съехались. Ждем вас!» – «Завтра вылетаю через Свердловск», – голосом Остапа а Бендера ответил я. Я и был им в этот миг.

– Зачем ты это сделал? – спросила Таня, не терпевшая лжи.

Собирался проиллюстрировать свои воспоминания фотографиями, но понял, что не в состоянии выбрать из множества лишь несколько. Остановлюсь на одном снимке: на нем наши коты тех лет – Апельсин и Лукаша. В клетке – гениальный попугайчик Чико, которого Таня научила читать стихи на немецком языке, а меня так и не сумела

– Ты же слышала: средства уже выделены, и еще Йошкар-Ола, несомненно, заслужила этот турнир.

Заметьте: будущий президент Калмыкии и ФИФА К. Илюмжинов тогда еще ходил в первый класс…

Три личности, на которые уповаю, вижу в них надежду на будущее

По алфавиту:

1. Анна Голубовская – фотограф, выставка ее работ в июле открылась в Милане. Она предложила итальянцам ответить на вопрос: «Что для вас война?».

2. Алексей Петухов – джазмен, дает великолепные благотворительные концерты во Всемирном клубе одесситов и на других площадках.

3. Степан Рябченко – архитектор и художник. Работает над проектами, устремленными в будущее. Скоро увидим.

…Из дома по Мещанской, 2, мы уехали в 2007 году. Нынче, проезжая по Успенской в троллейбусе № 2 или в автомобиле, перед знакомым углом тяну голову в окно, пытаясь увидеть наш балкон на пятом этаже, но выросший за эти годы платан закрывает его. За эти годы мы ни разу не были в нашем дворе, не подходили к нашему подъезду.

Виктория Коритнянская

Художники Силин и Ковшаров

Имена этих художников сегодня известны преимущественно узким специалистам, а произведения почти полностью утрачены… Тем не менее они жили и творили в Одессе на протяжении нескольких десятков лет, а по окончании жизненного пути были похоронены на Первом городском кладбище (могилы их, увы, не сохранились) [8]. Мне очень хотелось написать «одесских художников», но, думаю, такое название применимо только к Силину – вероятно, одному из первых профессиональных живописцев, так сказать, «местного разлива», в то время как Ковшаров приехал в наш город из Санкт-Петербурга, будучи уже состоявшимся и весьма известным мастером.

К сожалению, за давностью лет сведений о жизни и творчестве художников Силина и Ковшарова не много, однако и это, найденное в самых разных источниках, безусловно, достойно нашего внимания. Итак…

Е.Е. Силин (1805 – не позднее июня 1860). Ерофей (Иерофей) Епифанович был выходцем из известной в городе династии священников, его отец, брат Иакинф Епифанович и племянники Николай и Александр были протоиереями [35]. В фундаментальном издании С.Н. Кондакова «Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств» [14] и книге «Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817-1859)» [37] о художнике Силине находим следующее: «Силинъ Ерофей Епифаніевичъ. Сынъ священника. Съ 1829 г. – посторонній ученикъ Академіи художествъ. Въ 1838 г. удостоен званія свободнаго неклассного художника за картину съ натуры, изображающую «Семейство за работою».

Портрет архиепископа Гавриила (Розанова). Неизвестный художник, 1848 г. Копия с оригинала Е. Силина. Из собрания Одесского историко-краеведческого музея. Фото В. Оноприенко

После окончания Императорской Академии художеств, в 1839 году, Силин вернулся в Одессу. Об этом мы узнаем из весьма любопытного, на наш взгляд, объявления, напечатанного в «Одесском вестнике»: «Ст.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ академикъ-художникъ Іерофей Силинъ, имѣетъ честь рекомендовать себя одесской публикѣ, что онъ пишетъ образа для иконостасовъ, портреты Государя Императора, портреты съ натуры всякаго рода и величины. Живетъ въ домѣ купца Ширяева в № 3-мъ, по Полицейской улицѣ» [25].

В эти же, вероятно, годы Ерофей Епифанович знакомится с возглавившим новообразованную в мае 1837 года Херсонскую епархию архиепископом Херсонским и Таврическим Гавриилом (Розановым) и начинает активно работать в качестве иконописца. В 1839 г. по заказу архиепископа Кишиневского и Хотинского Димитрия (Сулимы) Силин пишет для Кафедрального собора Рождества Христова в Кишиневе иконы «Голгофская жертва» и «Моление о чаше»; в 1841 г. – иконы для Успенской и Свято-Благовещенской церквей в Одессе (устное сообщение А. Чилея), а также образ «Моление о чаше» для освященной в апреле 1842 года Крестовой архиерейского дома церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая [26]; в 1842 году жертвует в церковь Сиротского дома написанные собственноручно икону и запрестольный крест [27, 28], а также расписывает боковые приделы в освященной в 1843 году Сретенской церкви на Новом базаре[1] [8].

О профессионализме художника Силина, а также о том, как выглядел образ «Моление о чаше» из Крестовой архиерейского

дома церкви, можем судить по небольшой заметке Іер. Іоасафа *«Картина: «Моленіе о чашѣ».*

Въ земной жизни Іисуса Христа особенно трогательнымъ представляется тотъ случай, когда Онъ, готовясь принести себя въ искупительную жертву Правосудію Божію за грѣхи всего міра, молился въ Гефсиманскомъ саду. Время, проведенное Сыномъ Человеческимъ въ моленіи о Чаше, было для Него столь тяжко, что, какъ повѣствуетъ св. Лука, явился Ему Ангелъ съ небеси, и укрѣплялъ Его (XXII, 43).

Замѣчательно, что евангелисты, при всей своей обычной краткости, случай этот – моленіе о Чашѣ – описали весьма подробно, кажется, с тою цѣлію, дабы вѣрующіе видѣли – чего стоило Сыну Божію ихъ спасеніе! – Человѣкъ палъ; нужно было возставить его въ первобытное блаженство, – и вотъ Спаситель молится за него Отцу Небесному до того, что былъ потъ Его, какъ капли крови. Земля – жилище человѣка – подверглась проклятію; надлежало снять это проклятіе, низвести благословеніе, – и вотъ Богочеловѣкъ падаетъ на землю и орошаетъ ее слезами…

Но, вы (обращаюсь ко всѣмъ жителямъ города Одессы) желали бы видѣть сіе трогательное и умилительное зрѣлище, такъ сказать, на самомъ дѣлѣ? Пойдите въ крестовую архіерейскую церковь; тамъ представится взору вашему въ алтарѣ, на горнемъ месте, картина – моленіе о Чашѣ. Что евангелисты изобразили въ письменах, то рука искуснаго художника перенесла на полотно. И какъ перенесено? – смотрите.

Представлена ночь. Лучезарное сіяніе то съ неба, то съ земли отъ лица молящагося, просвѣчиваетъ ночной мракъ и, по естественному направленію, въ легкихъ переливахъ падаетъ на окружающіе предметы. Спаситель, преклонивъ колѣна, молится; Его взоръ обращенъ на Чашу. Но этотъ взоръ проникнутъ невыразимою тоской. Кажется, такъ и слышишь: да мимо идетъ отъ меня Чаша сія! Моленіе усугубляется; но, тоска и грусть превышаютъ законы естества человѣческаго: тяжко, невыносимо – и вотъ слышенъ вопль: прискорбна душа моя до смерти! – Богочеловѣкъ въ изнеможеніи. Для подкрепленія Его является Ангелъ, Ангелъ во всей небесной красотѣ. Посмотрите на сего небожителя, съ какимъ страхомъ близится онъ къ Богочеловѣку!

Скорбь и притрепетное благоговѣніе видимо отразились во всемъ его существѣ. Касаясь изнеможеннаго Спасителя, Ангелъ видится въ какомъ-то недоумѣніи; у него какъ будто мысль за мыслью. Но мысли эти быстро измѣняются; во что-то желаетъ проникнуть и не можетъ; она этого не скрываетъ и какъ-бы вслухъ передаетъ вамъ свое недоумѣніе: «Что я вижу? къ кому я пришелъ на помощь? подъ этою тѣлесною оболочкою я зрю предъ собой Творца вселенной, Бога всемогущаго! Но Онъ требуетъ нынѣ помощи отъ меня – своего творенія; Онъ весь изнемогъ, падаетъ… Боже мой!.. думаю… размышляю… Нѣт, эта тайна непостижима! Исполню лишь то, что мнѣ повелѣно».

Этотъ моментъ – явленіе Ангела – обрисованъ чрезвычайно, схваченъ живо. Мысль художника осуществилась тутъ на самом дѣлѣ. Вообще, въ описываемой нами картинѣ все такъ превосходно оцвѣчено и очерчено, все такъ привлекательно, что, сказать попросту, глядишь и не наглядишься. Честь и слава художнику! Он достиг своей цѣли.

А знаете-ли, кто этот художникъ и откуда? Это нашъ родной русскій, это почтенный Е.Е. Силин.

6-го ноября 1842, Одесса» [26].

К сожалению, сведений о деятельности Силина в последующие годы практически не сохранилось. Вероятно, он продолжал активно и весьма успешно работать вплоть до своей кончины в 1859 или 1860 гг. (некролог, увы, не обнаружен). Об этом свидетельствуют ежегодно публиковавшиеся в «Новороссийском календаре» (с 1854 по 1858 гг. в рубрике «Художники / Иконописцы») объявления живущего «на Гулевой улице, в собственном доме» художника (Новороссийский календарь на 1854-1858, 1860 гг.) и выполненный им в Одессе, вероятно, в начале 1850-х гг., крупный заказ «для вновь построенной в 1855 г. церкви Иоанна Милостивого села Ольшанки (Кировоградская обл.) 12-го кавалерийского округа Новороссийских военных поселений» [19]. Сколько и какие именно иконы написал Силин для указанного храма, неизвестно (по сообщению настоятеля храма, протоиерея Иоанна Малетича, «с тех времен» в церкви сохранилась икона святителя Иоанна Милостивого, однако кто ее автор, никто не знает).

В июне 1855 года Ерофей Епифанович был восприемником при крещении в одесском Спасо-Преображенском кафедральном соборе родившейся у племянника, священника Николая (Силина) дочери Евгении [35].

Последнее упоминание о художнике – объявление о продаже его дома, опубликованное 14 июня 1860 года в 63-м номере «Одесского вестника»: «Продается угловой домъ умершаго художника Ероф. Силина, состоящій въ 3-й части, въ 1-мъ кварталѣ, по Гулевой и Ямской улицамъ, по 1-й – отдельный флигель о 9-ти саженяхъ, съ мѣстомъ въ длину 22 ½, а въ ширину 16 саж., треть всего мѣста занимаетъ садъ, въ которомъ строеніе, нынѣ съ штофною лавкою, приносящею доходъ. О цѣнѣ спросить священника одес. Успенской церкви Василія Силина, или же для окончательной сдѣлки душеприказчика профессора Кишиневской семинаріи Александра Силина въ Кишиневѣ» [32].

О.И. Губарь предположил, что, возможно, указанный дом до настоящего времени сохранился и находится по адресу: улица Толстого, 11. Также Олег Иосифович добавил, что оценочная стоимость дома Силина в 1855 году составляла 2759 рублей серебром (такая цена свидетельствует о том, что здание было одноэтажным, но со службами и в хорошем состоянии), в то время как в 1848 году «дом и флигель художника Силина» оценивались в 1729 рублей серебром (устное сообщение О. Губаря).

Творческое наследие Силина до наших дней практически не сохранилось. Возможно, где-то в храмах или частных коллекциях и есть написанные ним иконы, однако установить это сейчас, увы, по ряду причин не представляется возможным. В то же время в результате длительных поисков нам удалось найти две графические работы художника. В собрании Эрмитажа находятся два портрета, выполненные Силиным акварелью: «Портрет мужчины в черном сюртуке» и «Портрет женщины в белом чепце» (обе работы поступили в музей в 1949 г., размеры произведений: 14,6×12,5 (портрет мужчины) и 14,5×12,5 см (портрет женщины)). Кроме того, в собрании Одесского историко-краеведческого музея находится копия портрета архиепископа Гавриила[2] (с оригинала Силина), написанная неизвестным художником в 1848 г. [13]. К сожалению, насколько точно соответствует изображение на ней оригиналу, мы не знаем,

Портрет мужчины в черном сюртуке.
Е. Силин, 1831 г. Собрание Эрмитажа.
Фото из открытых источников

Портрет женщины в белом чепце.
Е. Силин, 1837 г. Собрание Эрмитажа.
Фото из открытых источников

но составить общее представление об утраченном произведении кисти Ерофея Епифановича мы по имеющейся картине все-таки можем.

Практически одновременно с Силиным в Одессе работал и И.И. Ковшаров (1799 – не позднее 2 сентября 1861[3]) – резчик и позолотчик по дереву и другим материалам, иконописец, художник по интерьерам. Известно, что Иван Иванович – сын старинного смоленского гражданина, после окончания Императорской Академии художеств (с правом на чин XIV класса) работал в Петербурге. В 1827 году по личному приглашению генерал-губернатора М.С. Воронцова он приехал в Одессу, где выполнил росписи плафонов и стен его одесского дворца[4]. После выполнения заказа Ковшаров остался в Одессе и зарабатывал на жизнь оформлением интерьеров церквей, ведомственных учреждений и домов состоятельных одесситов. О былой популярности и востребованности художника, в частности, свидетельствует приведенный ниже фрагмент некролога, опубликованного 2 сентября 1861 года в «Одесском вестнике»: «Искусство Ковшарова в писании цветов и гирлянд, а также в орнаментовке и расписке домов в античном вкусе сделало его известным в крае; все лучшие богатые дома

в Одессе старались воспользоваться его кистью. Иконы, иконостасы, резные и позолоченные рамы и прочие его работы встречаются почти во всех церквях Новороссийского края, Бессарабии и даже Молдавии» [34].

Среди известных нам работ художника:

– изготовление иконостаса в церкви во имя Святого Архистратига Михаила в Алупке [34];

– изготовление иконостаса и роспись кафедрального собора Рождества Христова в Кишиневе[5] (за составление чертежей и сметы на живописные и иконописные работы и выполнение оных художник в 1834 г. получил из областного бюджета 41250 рублей серебром) [39, 38]. Любопытно, что в 1835 году осуществлявший надзор над сооружением собора городовой зодчий И. Гаснет вместе с помощником бессарабского областного архитектора М. Нейманом осмотрели иконостас и сделали ряд замечаний по росписи, подготовленной художником Ковшаровым, как то: неверное изображение святых, небрежность использования в живописи красок, неточность размеров иконостаса и др. Видимо, исправив все недочеты, Ковшаров окончил работы в соборе в сентябре 1836 г. [39];

Внутреннее убранство кафедрального собора Рождества Христова в Кишиневе. Конец XIX – начало XX в. (вероятно, до ремонта собора в 1912 г.). Фото из открытых источников

– роспись и изготовление иконостаса в церкви Святого Благоверного князя Александра Невского при Ришельевском лицее. В 1840 году художник расписал в этом храме внутренние стены, потолок, купол, иконостас (включая частично резьбу по дереву) и царские врата за 500 рублей. Примечательно, что в 1857 г. при переезде лицея и церкви в новое здание по адресу Дворянская, 2,

в отведенное храму помещение была перевезена лишь часть старого убранства, остальное – в том числе иконостас и царские врата работы Ковшарова – были переданы в недавно построенную Крестовоздвиженскую церковь на Пересыпи [18];

– роспись и реставрация[6] иконостаса в Одесском кафедральном Спасо-Преображенском соборе [20, 34]. В частности, в 1853 году И. Ковшаров выполнил в храме реставрацию иконостаса на общую сумму 5200 рублей, в 1859 году – расписал за 200 рублей три потолка (два круглых и один средний), выбелил лепную работу, окрасил на стенах карнизы и впадины [20];

– роспись дворцов Воронцова в Одессе и Алупке [20, 34]. В последнем по рисункам Ковшарова лепщиком, крепостным Романом Фуртуновым были выполнены лепные рельефы потолков в китайском кабинете и «голубой», или «сираскирской», гостиной ([6], по материалам сайта https://worontsovpalace.org). Кроме того, на территории парка Воронцовского дворца в Алупке в 1829 году были построены фонтаны «Трильби» и «Готический», первый по эскизу, второй – по проекту художника И. Ковшарова [2];

Фонтан «Трильби». 1829 г. Построен по эскизу И. Ковшарова.
Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник. Фото из открытых источников

– роспись залов Одесской биржи на Приморском бульваре. В 1828 году Ковшаров выполнил стенную разрисовку живописного плафона под лепную работу в большом зале и наружного лепного фриза [20, 34]. Интересно, что в 1834 г. градоначальник Одессы А.И. Левшин в одном из писем к князю М.С. Воронцову сетовал: «Биржа валится: потолок в большой зале растреснулся, балки погнулись, и штукатурка с живописями Ковшарова падает. Доски под террасою все погнили; пять колонн лопнули; в некоторых стенах оказались трещины. Все чиним, но на чей счет?» [3]. Были ли спасены росписи Ковшарова, и кто занимался их реставрацией, увы, неизвестно.

Ковшаров также был автором декораций в залах и комнатах Биржи для данных городом по случаю приезда в Одессу царского семейства 6 сентября 1837 г. бала и торжественного ужина [17]. Как выглядело убранство некоторых помещений в тот знаменательный день, находим в одном из номеров «Одесского вестника» [22]. К примеру, украшение кабинета и уборной для императрицы «отличалось новостью, вкусом и изяществом. Оно особенно замечательно было по прекрасной мысли, исполнение которой возможно только в нашем климате: увешаны стены кабинета свежими виноградными ветвями, листьями и кистями, этот кабинет казался прелестною виноградною беседкою, поддерживаемою со всех сторон золочеными шестами, вдоль которых вились ветки и висели полные гроздья, он отделялся от бальной залы драпировкою из богатых шалей», а зала, в которой были накрыты столы для ужина, «была отделана с большим вкусом; стены окружены были рядом колон, увешанных флагами разных морских держав, люстры, освещавшие эту залу, были сделаны в виде серебряных якорей, увешанных канатами. Все ее убранство напоминало город приморский и торговый» [22]. Дополним, что основные этапы высочайшего визита («Шествие императрицы в кафедральный Преображенский собор», «Торжественный ужин в здании Биржи», «Танцевальная зала», «Туалетная комната, приготовленная для ее величества государыни императрицы», «Вид одесского порта во время отплытия их императорских величеств в Севастополь» и др.) были запечатлены на полотне Карлом Боссоли. С некоторыми из этих картин (в частности, с «Видом одесского порта во время отплытия их императорских величеств в Севастополь») одесская публика могла познакомиться

на открывшейся 22 сентября 1837 г. (обратите внимание на скорость, с которой была организована выставка: царь и его августейшее семейство покинули город 9 сентября. – **Авт.**) в клубной зале г-на Рено четвертой выставке косморамы г-на Филиппи [23, 24]. Позднее, в 1838 году, литографии этих картин были изданы отдельным альбомом «Воспоминания праздника в Одессе 6-го сентября 1837 г.» в литографской типографии Дмитрия Кленова [5, 21].

Добавим еще несколько любопытных фактов о художнике Ковшарове:

– в 1831 году по требованию московского уездного суда живописцы Иван Ковшаров и Осип Тотти (в числе прочих) были приглашены одесской городской полицией для проведения описи и оценки «кабинета графа Петра Разумовского» [11];

– в Государственном архиве Одесской области Ю.А. Письмаком был обнаружен проект двухэтажного дома с лавкой художника Ковшарова, выполненный в 1833 г. архитектором Г.И. Торичелли по адресу Новый мясной ряд, 15[7] [34]. Был ли построен этот дом – неизвестно, жил ли в нем художник – маловероятно, поскольку во всех выпусках «Новороссийского календаря», начиная с 1836 по 1861 гг., указано, что резчик и позолотчик по дереву, иконописец и живописец стен и комнат (в более поздних выпусках календаря – «живописец комнатный») Ковшаров проживает в Воронцовском переулке в собственном доме (точный адрес – пер. Воронцовский, 2) и принимает заказы на выполнение «иконостасов с резьбой и позолотою, а также лепную работу и разные вещи из искусственного мрамора» (Новороссийский календарь на 1836-1861 гг.). В одной из статей О.И. Губаря серии «Путеводитель по пушкинской Одессе» (2018 г.) также находим, что принадлежавший ранее капитану над одесским портом капитану-лейтенанту Коронелли участок со строениями по адресу Воронцовский переулок, № 2, значится за художником И.И. Ковшаровым с 1834 г. (вероятно, был куплен последним у прежней владелицы, генерал-майорши Ерничевой);

– в 1837 году во время Первой одесской торгово-промышленной выставки, которая проходила в доме купца Крамарева, в двух ее отделах экспонировались: в большом зале – люстра, во второй комнате – «гипсовые: пьедестал, ваза и два круглых стола с мозаическими изображениями и вызолоченные канделябры» художника

Ковшарова. Любопытно, что в художественном отделе, который располагался в третьей комнате выставки, произведения Ковшарова выставлены не были [33];

– «одесскимъ художникомъ И.И. Ковшаровымъ» были подарены: музею Императорского Одесского общества истории и древностей копия портрета фельдмаршала Ласси и гипсовые бюсты «дюка Е.О. Ришелье» и графа М.С. Воронцова (последний «лепилъ» сам Ковшаров в 1823 г.) [16], церкви Святого Благоверного князя Александра Невского при Ришельевском лицее (осенью 1840 г.) паникадило на 22 свечи (белое, местами золоченое), оцененное в 200 рублей [18];

– из творческого наследия Ковшарова до наших дней достоверно сохранились: эскизы стенной разрисовки Одесской биржи на Думской площади (два листа), хранящиеся в Государственном архиве Одесской области [34], фонтаны в Воронцовском парке в Алупке [2] и зарисовки художника в собрании Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника [6];

– из некролога мы знаем, что Ковшаров «умер среди своего семейства, оставленного им в большой нужде» [34]. Если верить данным, выложенным, вероятно, родственниками на страницах сайта https://www.genu.com, семейство художника состояло из жены Аглаи Антоновны Ковшаровой (в девичестве Дюран, дочери французского подданного), семи сыновей (Владимира, Анатолия, Михаила, Сергея, Николая, Константина и Ивана) и сестры Ивана Ивановича – Марии;

– некоторые потомки художника Ковшарова стали известными. Например, сын Анатолий – классный художник 1 степени (звание получено в 1888 г. за «проектъ вокзала близъ города» [14]), после окончания Императорской Академии художеств работал в Одессе и Санкт-Петербурге (ему принадлежат более 23 проектов, преимущественно особняков и доходных домов), после революции эмигрировал во Францию, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (https://ru.wikipedia.org); внук – Иван Михайлович Ковшаров, будучи юрисконсультом Александро-Невской лавры, был арестован за оказание сопротивления при изъятии церковных ценностей и после следствия (так называемый Петроградский церковный процесс, длился с 9 июня по 5 июля 1922 г. [36]) расстрелян в августе 1922 года на станции Пороховые Ириновской железной дороги (в то время пригород Санкт-Петербурга). В 1992 г.

И.М. Ковшаров был причислен к лику святых Русской православной церкви как новомученик Иоанн Ковшаров [4, 12];

– в доме Ковшарова уже после его смерти, в 1864-1865 гг., находилась мастерская и частная рисовальная школа художника Дрезденской, Дюссельдорфской и Антверпенской академий, члена Парижского политехнического института художника Александра Неймана (1831 – после 1871) [1]. Поскольку в статье не указаны инициалы сдававшей Нейману в аренду помещение Ковшаровой, понять, о ком именно идет речь (о жене или сестре покойного Ковшарова), невозможно, также, вероятно, ошибочно указан адрес – Воронцовский переулок, № 3.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность О. Губарю, В. Михальченко, О. Барковской, А. Чилею, О. Крепостяку, Л. Щукиной, Т. Стэвилэ, а также настоятелю храма в честь Святителя Иоанна Милостивого, протоиерею Иоанну Малетичу (с. Ольшанка Кировоградской обл., Украина) и бывшему настоятелю кафедрального собора Рождества Христова в Кишиневе отцу Федору за помощь в написании публикации. Отдельно – огромная благодарность М. Линде за поиск и сбор информации о кишиневских иконах Е. Силина.

Примечания

[1] Наряду с Силиным в работах по оформлению внутреннего убранства Сретенской церкви, очевидно, принимал участие художник Витале (наравне с *Витале* часто пишут *Витали*, имя неизвестно). Об этом с явным неудовольствием упоминает Ю. Крашевский в заметках, оставленных им во время визита в Одессу в 1843 г. Неудовольствие Крашевского связано с неблагоприятным впечатлением, которое произвела на него ранее одна из работ художника. Цитируем: «В костеле (Успения Пресвятой Девы Марии) справа, недалеко от бронзового надгробия Ланжерона висит на стене картина итальянца господина Витале, отражающая момент снятия с креста. Но она такая убогая и чудовищная, дающая представление о таланте (я бы сказал, скорее всего, об отсутствии таланта и знании науки), что у меня сложилось впечатление о недостатке вкуса в Одессе, если речь идет об изобразительном искусстве, чтобы такое уродство повесить в костеле. Если было решено, что данная картина является произведением искусства, по той лишь причине, что итальянец ее написал, то очень жаль становится местных знатоков. В общем, все картины, висящие в костеле, менее чем достойные, либо вообще ничего не стоящие» [17].

К сожалению, найти какие-либо биографические данные о живописце Витале нам не удалось (вряд ли «одесский» Витале и И.П. Витали – скульптор, портретист и педагог, академик и профессор Императорской Академии художеств, одно и то же лицо). В то же время присутствие этого художника явно прослеживается в Одессе в начале 1840-х гг. XIX века, поскольку кроме выше указанной работы в костеле еще одно произведение Витале – портрет покойного доктора Проута с надписью «Основатель Одесской лечебницы» – находилось в Одесской лечебнице для приходящих (доктор Проут скончался 27 октября 1841 г., инициатор создания портрета – статский советник С.В. Сафонов, отчитался о выполнении заказа художником в 1842 г. – **Авт.**) [29, 30]. Кроме того, одна из работ Витале украшала одесский Спасо-Преображенский собор, в частности, согласно описи имущества храма (1903 г.), в алтаре левого придела во имя Святого пророка Ильи и Священномучеников херсонесских на горнем месте находилась подаренная художником, выполненная на холсте и вставленная в золоченую раму картина «Поклонение волхвов» [20].

[2] Портрет был передан в Одесский историко-краеведческий музей из Одесского археологического музея в 1955 году. В собрание последнего он поступил из музея Одесского общества истории и древностей, куда, в свою очередь, был подарен в 1884 году С. Серафимовой [13].

[3] В Сборнике Императорского Русского исторического общества (том 62, 1888 г.) (а также в других источниках со ссылкой на некролог, опубликованный в «Одесском вестнике» № 98 от 2 сентября 1861 г.) дата смерти «художника Ив. Ив. Ковшарова» – 12 августа 1861 г.

[4] Кроме Ковшарова декоративные росписи в залах одесского дворца Воронцова выполнял также итальянец Рампини (имя неизвестно) [15]. Вероятно, Рампини работал в Одессе и позднее, поскольку в выпусках «Новороссийского календаря на 1854-1856 гг.» находим объявление, что иконописец и комнатный живописец Рампини принимает заказы «на Польской улице, в доме Шуманской» (в одном из выпусков – в доме Шумана).

[5] Росписи Ковшарова в соборе не сохранились. Известно, что к началу XX ст. они обветшали, поэтому во время ремонта в 1912 г. стены храма были заново расписаны художником Зориным (возможно, поверх росписей Ковшарова) (в статье A. Plămădeală «Artişti plastici din Basarabia» [40] также упоминается, что поновлением росписей Ковшарова занимался живописец Ф.Р. Райлян (1870-1930)). В 1941 году стенопись была полностью или частично уничтожена в результате бомбежек и пожара (тогда же, вероятно, был разрушен и иконостас Ковшарова). В дальнейшем работы по воссозданию и реставрации росписей велись как при румынах в 1942 г., так и после освобождения Кишинева (вплоть до 1953 г.). В 1962 г. в здании собора был открыт выставочный зал министерства культуры Молдавской ССР, при этом росписи в соборе были уничтожены (по воспоминаниям отца Федора, первого настоятеля храма, занимавшегося его восстановлением после передачи, в 1989 г., в ведомство РПЦ: «Стены в здании собора были голые»), а иконостас (не Ковшарова!) и часть икон были переданы в Феодоро-Тироновскую (или Чуфлинскую), ставшую кафедральным собором Кишиневской епархии церковь (ныне –

Кишиневский Чуфлинский Феодоро-Тироновский женский монастырь) и, возможно, музеи Кишинева (сведения отца Федора). Были ли в числе переданных иконы Силина – неизвестно, в то же время в Феодоро-Тироновском соборе монастыря М. Линда обнаружила икону, весьма схожую на «Голгофскую жертву» Ерофея Епифановича. Принадлежит ли эта икона кисти художника, установить, к сожалению, не удалось. Также критик и искусствовед Тудор Стэвилэ на вопрос М. Линды о возможном местонахождении икон из храма Рождества Христова ответил, что никаких достоверных сведений о том, куда, сколько и какие именно иконы были вывезены из собора и других церквей Кишинева (иконы массово вывозили из храмов города после их закрытия начиная с 1944 г.), а также сохранились ли они до настоящего времени, увы, нет.

Икона «Голгофская жертва», автор и время создания неизвестны. Феодоро-Тироновский собор Кишиневского Чуфлинского Феодоро-Тироновского женского монастыря, г. Кишинев. Фото М. Линды

[6] Судя по всему, Ковшаров был одним из первых, кто занимался реставрацией живописных произведений в Одессе, во всяком случае, это подтверждено документально. Кроме него «обладал искусством склейки хрусталя и фарфора» в Одессе также владелец диорамы в зале коммерческого казино Яцинт Масенц [31].

[7] Новые мясные и рыбные ряды были возведены в 1826-1830 гг. в связи с расширением территории Вольного рынка (Привоза) (после перемещения черты порто-франко с Рыбной улицы на Внешний бульвар) [7, 10]. Впоследствии они сформировали улицу Привозную (между улицами Пантелеймоновской и Новощепным рядом (параллельно им), от Екатерининской до Преображенской). Добавим, что в публикации О. Губаря «Путеводитель по пушкинской Одессе», посвященной специализированным мясным (резничным) и прочим рядам [10], размещен план дома художника Ковшарова в Новом мясном ряду.

Литература

1. Абрамов В. О художнике Александре Неймане (1831 – после 1871). Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 83. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020, с. 215-237.

2. Акт государственной историко-культурной научно-проектной документации по сохранению объекта культурного наследия федерального значения «Реставрация кровли Главного здания Объекта культурного наследия «Комплекс сооружений Воронцовского дворца» (1830-1846 гг.). – Республика Крым, Алупка, 2017.

3. Архив князя Воронцова. Бумаги фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова: письма к князю М.С. Воронцову А.И. Левшина, А.П. Бутенева, И.В. Сабанеева. Кн. 39, VI. – М. 1893. – 532 с.

4. Бронз И. История адвокатуры Одессы. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 77. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2019, с. 60-73.

5. Головань В.И. Сохранение исторической памяти в деятельности М.С. Воронцова. Воронцовский сборник. Вып. 5. М.С. Воронцов и его эпоха: историческая ретроспектива. – Одесса, 2012, с. 27-33.

6. Грицак Е.Н. Бахчисарай и дворцы Крыма. – М.: Вече, 2004. – 206 с.

7. Губарь О.И. Путеводитель по пушкинской Одессе. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 81. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2020, с. 14-36.

8. Губарь О.И. Первые кладбища Одессы. – Одесса: Изд-во «ТЭС», 2012, с. 276, 379 и др.

9. Губарь О.И. Путеводитель по пушкинской Одессе. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 73. – Одесса: ПЛАСКЕ, 2018, с. 10-39.

10. Губарь О.И. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. Альманах «Дерибасовская – Ришельевская». Кн. 41. – Одесса, 2010, с. 18-31.

11. Ижик Л.В. Книжные знаки одесских библиофилов. – Одесса: Одесская нац. науч. б-ка им. М. Горького, 2013. – 131 с.

12. Каталог выставки «Из смерти в жизнь. Путь новомучеников и исповедников». 2020. – 76 с.

13. Каталог выставки «Исторический портрет XVIII – начала XX вв.» из фондов Одесского историко-краеведческого музея. – Одесса: АО «Одесская книжная фабрика», 1996 [стр. не нумер.].

14. Кондаков С.Н. Список русских художников. К юбилейному сборнику Императорской Академии художеств. – СПб., 1915. – 473 с.

15. Константинов В. Загадка старинного особняка. – Одесса: Офсетик, 2012. – 126 с.

16. Краткій указатель музея Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. – Одесса, 1887. – 53 с.

17. Крашевский Ю.И. Воспоминания об Одессе, Едисане и Буджаке: Дневник поездки в 1843 году с 22 июня по 11 сентября Ю.И. Крашевского, действительного члена Одесского общества истории и древностей: перевод отрывков дневника по изданию 1845 года, описывающего пребывание в Одессе с 6 июля

по 29 августа 1843 года / Ю.И. Крашевский; пер. с польского С.В. Михайловой. – Одесса: Астропринт., 2019. – 256 с.

18. Левченко В.В., Левченко Г.С. Олександро-Невська церква Новоросійського університету: історія, персоналії, документи. Праці Державного архіву Одеської області. Том XLIII. – Одеса: ФОП Бондаренко М.О., 2015. – 360 с.

19. Лобачевский В.С. Летопись прихода села Ольшанки Святого Иоанна Милостивого церкви. Прибавление к Херсонским епархиальным ведомостям. – 1891, № 10-14.

20. Мещеряков В.Н. Воссоздание Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора. – Одесса: Феникс, 2017. – 464 с.

21. Моисеенкова Л.С. Личный художник их величеств (жизнь и творчество Карло Боссоли). Материалы по археологи, истории и этнографии Таврии. Вып. XIV. – 2008, с. 574-587.

22. Одесский вестник. 1837, 8 сентября, № 72

23. Одесский вестник. 1837, 22 сентября, № 76.

24. Одесский вестник. 1837, 29 сентября, № 78.

25. Одесский вестник. 1839, 13 сентября, № 73.

26. Одесский вестник. 1842, 11 ноября, № 90.

27. Одесский вестник. 1842, 20 мая, № 40.

28. Одесский вестник. 1842, 15 августа, № 65.

29. Одесский вестник. 1842, 18 февраля, № 14.

30. Одесский вестник. 1843, 10 марта, № 20.

31. Одесский вестник. 1843, 7 августа, № 63.

32. Одесский вестник. 1860, 14 июня, № 63.

33. Первая Одесская выставка. 1837. – 21 с.

34. Письмак Ю.А. Художник Иван Ковшаров (страницы творческой биографии). Conferință științifică internațională: Patrimoniul cultural de ieri: implicații în dezvoltarea societății durabile de mâine. – Кишинев, 2021, с. 212-218.

35. Православная Одесса и Юг Украины: духовные персоналии. 1794-1925. – К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2021. – 656 с.

36. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. – 1973. – 607 с.

37. Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817-1859). –СПб.: БАН, 2015. – 768 с.

38. Цвиркун В.И. Памятники молдавско-российских исторических связей на территории Молдовы. – М.-СПб.: Нестор-История, 2019. – 200 с.

39. Частина А. Творчество архитекторов Бессарабии в первой половине XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения и культурологии. – Кишинев, 2016. – 195 с.

40. Plămădeală A. Artişti plastici din Basarabia. Viaţa Basarabiei. 1933. N 11. P. 50.

Валерий Романов

Первая скрипка

В свой тридцать один год скрипачка, потомственный музыкант Мариам Золоева уже около пяти лет играет первую скрипку в Одесском театре духовой музыки, регулярно выступает с программами потоковой импровизации, играет на джазовых фестивалях в разных проектах. С моей точки зрения, на сегодняшний день Мариам самая колоритная скрипачка на одесской сцене. Она делится своим видением оркестровых процессов с позиции руководителя струнной группы, а также рассказывает о своем творческом пути и воззрениях.

– Первая скрипка в оркестре: что это означает, в чем заключается эта функция?

– Первая скрипка является второй ключевой фигурой в оркестре после дирижера, и называют ее – «концертмейстер». Функция концертмейстера заключается в передаче импульсов и информации, которая поступает от дирижера посредством жестикуляции, к струнной группе в первую очередь, так как струнная группа является основой оркестра и одновременно это самая многочисленная группа, состоящая из пяти подгрупп: первые и вторые скрипки, альты, виолончели и контрабасы.

Для того, чтоб основа была единым организмом, одним целым с единым дыханием, нужен дополнительный регулировщик, координатор движения, коим является концертмейстер. Таково устройство и специфика оркестра. Когда дирижер и концертмейстер друг с другом достаточно сонастроены, между ними образуется настоящая ментальная связь, позволяющая общаться на интуитивном уровне, что в разы увеличивает скорость передачи импульсов и информации между этими фигурами. Концертмейстер,

Мариам Золоева на сцене в составе оркестра

воспринимая и обрабатывая эти импульсы, как проводник, невербально передает их всему оркестру по цепи.

Таково мое виденье этого тонкого, скрытого от глаз процесса.

– А почему в конце выступления дирижер обычно персонально благодарит первую скрипку?

– А почему бы и нет? Шучу. Похоже на то, что эти фигуры обмениваются рукопожатием в знак признательности друг другу за тончайшее волшебное взаимодействие, о котором упоминалось выше. Могу сказать точно, что благодарность переполняет обоих. Я проверяла.

– Скрипка популярный инструмент. Как она сегодня развивается?

– Очень необычная для меня постановка вопроса, но я попробую ответить. Скрипка действительно все еще довольно популярный инструмент, и это радует. На мой взгляд, мышление

современного скрипача не отличается кардинальным образом от мышления скрипача, жившего, например, в XVIII веке. Я подразумеваю технические и исполнительские основы, какие-то постулаты. В любом ремесле, мастерстве, банаузии есть глубокие корни и правопреемство. И в скрипичном искусстве сохранилась определенная преемственность – связь, тянущаяся сквозь столетия от зарождения инструмента до сего дня.

Полагаю, что скрипка эволюционирует прямо пропорционально человеческой эволюции и зависит от развития культуры в целом, от образования новых направлений, стилей или смешения уже существующих и т. д. Сейчас человечество вошло в информационную эру и осваивает цифровые технологии. Это прямым образом влияет фактически на все сферы жизни. На искусство и творческое выражение также. Пару лет назад у меня появилась пятиструнная электроскрипка, которая несколько расширила мои возможности, за что я испытываю благодарность цифровому веку.

– Как эволюционирует скрипичная музыка? Появляются ли новые технические приемы?

– Скрипка самым прямым образом коррелирует с человеком. Без человека, сама по себе, скрипка просто предмет, в лучшем случае экспонат. Но в руках человека она уже становится инструментом. И человек что с ней только ни делает! Скрипичное искусство очень обширно и повсеместно развито. Этот волшебный инструмент можно добавлять по вкусу, в принципе, в любое музыкальное блюдо.

Создаются ли новые приемы? О да, конечно! Например, я частенько придумываю разные способы звукоизвлечения, особенно на концертах импровизационной и потоковой музыки.

– Ты дочь известного мастера шансона, прекрасного композитора и исполнителя Олега Золоева. Как на твое творчество влияет наследие отца, которого, к сожалению, нет с нами?

– В первую очередь на мое творческое выражение, я уверена, влияет генетическое наследие как отца, так и матери, которая является прекрасной вокалисткой и пианисткой. От родителей мне

достался некий набор данных, включая гармонический слух и музыкально-ритмическое чувство, местами джазовое, а также вокальные задатки. Как-то так я это ощущаю. Также есть что-то самобытное, как у каждого человека.

В последнее время благодаря моей близкой подруге, чудесной вокалистке Амрите, мне стало открываться потоковое пение. Она направила меня в это и помогает раскрыться. Папа всегда хотел, чтоб я пела. Чувствую, что тоже начала этого хотеть. Творчество папы и сегодня меня вдохновляет. Кстати, я уже несколько лет вынашиваю идею поставить его замечательные мюзиклы: «Необычайная свадьба» и «Небесный Магадан».

– Где тебе интереснее – в большом оркестре или на камерном концерте?

– Мне интересно любое творческое взаимодействие, где я могу быть полезна и где могу быть принята такой, какая я есть, со своими навыками и видением. Для меня очевидной разницы в ощущениях нет. Я работаю уже более четырех лет концертмейстером в оркестре Театра духовой музыки имени Александра Салика. В нашем театре есть чудесный духовой оркестр, и порой наш камерный коллектив соединяется с духовым, образуя симфонический оркестр. Очень радуюсь, когда меня к сотворчеству приглашают в состав оркестра Украинского театра. Там такие люди чудесные работают!

А вообще, хочу искренне признаться: я никогда не имела тяготения работать на постоянной основе в большом коллективе, как, например, люди трудятся в филармонии или в оперном теат-

Мариам Золоева в составе инструментального трио

ре. Так сложилось, что я стала таким себе кочевым музыкантом, работающим одновременно в нескольких коллективах. Люблю играть в небольших коллаборациях. Например, в дуэте с гитарой или клавишными, в джазовых бэндах и струнных квартетах.

– С одной стороны, свободная по форме импровизационная этномузыка, а с другой – полное подчинение партитуре и дирижеру оркестра. Как ты сочетаешь эти два амплуа?

– У моей души есть запрос и на одно взаимодействие, и на другое. С одной стороны, я потоковая, а с другой – достаточно структурная мадемуазель, но для меня естественно жить и проявляться в мире, соединяя эти два состояния.

Последние годы я увлекаюсь этническими и перкуссионными музыкальными инструментами. У меня есть своя небольшая коллекция, в которую входят варган, бубен, поющая чаша, тибетские колокольчики, дивья (металлофон), тональный лепестковый барабан (глюкофон) и колокольчики Коши. Все это я с большой любовью использую в концертах этнической музыки и саундхилингах.

Мариам Золоева солирует

– Были у тебя ситуации, когда ты шла поперек воли дирижера?

– Я думаю, что даже у дирижера бывают такие ситуации, когда он идет поперек своей воли, то есть наперекор себе. Естественно, у меня такое бывало, чаще невольно, конечно. Мы все живые люди, и порой связь между нами может барахлить, а сигналы искажаться.

– У тебя наверняка есть пара интересных историй из концертной жизни.

– Помню, однажды в гастролях с оркестром после концерта к нам с коллегами один мужчина подвел двух слепых женщин и попросил что-то исполнить для них. Я почувствовала отклик в сердце и согласилась. Когда начала играть, эти женщины стали плакать. Это было очень волнительно и трогательно. Когда я прекратила звучать, они попросили разрешения прикоснуться к моему лицу, к рукам и инструменту, чтоб «увидеть» с помощью рук того, кто для них звучал.

Еще был интересный случай, когда я училась в консерватории. Как-то мне и моей подруге пианистке предложили принять участие в отчетном концерте на кафедре композиции. Надобно было исполнить произведение одного известного преподавателя нашей консерватории. Времени на подготовку было мало, а высоких нот в какой-то там седьмой-девятой позиции было так много, что у меня аж невроз начался. И я прямо на сцене решила импровизировать вокруг нот, которые были написаны в партии. Насочиняла я, как говорят у нас в Одессе, до утра! Исполняла все максимально уверенно, насколько мне позволяла совесть, да еще и в присутствии композитора.

Когда мы вышли из зала, громко с Таней пианисткой рассмеялись и пошли в класс отдыхать. Через минут десять к нам заходит этот композитор и говорит: «Девочки, ну как же вы чудесно сыграли мое произведение! Это было так ярко! Вы прямо почувствовали, как его нужно исполнить. Мне очень понравилось, благодарю вас». После этих слов я стала чувствовать, как подкатывает дикая волна смеха, которую я не могу сдержать. И меня начало прорывать, я начала давиться смехом, кашлять, пытаться сделать серьезный вид, но у меня не получалось. Такое поведение вызвало много вопросов у композитора, но мы с Таней выкрутились с юмором.

А еще я люблю зависать в каком-нибудь джаз-клубе на джем-сейшене. У нас в Одессе проходят великолепные джаз-фестивали, на которые съезжаются музыканты со всего мира, и периодически мне удается вклиниться в какую-нибудь интернациональную коллаборацию. Просто невероятно – наблюдать, как между людьми происходит такой обмен дарами. А еще невероятнее в этом принимать участие. Эти моменты очень расширяют восприятие.

Фото Алеси Карелиной-Романовой и из архива Мариам Золоевой

Борис Эйдельман

«А напоследок я скажу...»

«Уже нам в лица дует
Воспоминаний слабый ветерок».
Эдуард Багрицкий

Сегодня у издательства «Optimum» за плечами почти двадцать восемь лет активной деятельности, свыше 1200 книг тиражом 577490 (эти цифры взяты из документации), свой логотип, получивший известность, думаю, на всех континентах, куда ступила нога одессита. И уже стала воспоминанием цитата из книги Ростислава Александрова «Истории «с раньшего времени» (2002), где в главе «Все дело в налете» он написал: «...Те, кто имеет прикосновение к культурной жизни Одессы и следят за книжными новинками, услышав «Боря и Саша», тотчас поймут, что имеются в виду Борис Эйдельман и Александр Таубеншлак, соответственно директор и главный редактор издательства «Optimum», которых известный филолог профессор Марк Соколянский неиз-

менно величает «оптимистами». И впрямь, нужно быть таковыми, чтобы на свой кошт, страх и риск издать в наше непростое время сборник Бабеля, притом совсем не малым тиражом».

Да, мы с самого начала хотели издавать книги об Одессе. Сейчас, выпустив уже не одну сотню книг в нашей известной серии «Вся Одесса», я определился в главном: книга и история Одессы – вот суть нашей работы. Конечно, каждый волен судить и определять для себя, что есть главное в нашем удивительном городе. Может быть, это «застывшая музыка в камне» – архитектура и градоустройство в целом. Кто-то скажет – музыка (и сколько великих имен приведет в пример!). Естественно, это и искусство, и культура в целом, и наука, и… многое-многое другое. Здесь можно было бы назвать торговлю, судоходство и прочее. Облик нашего города многообразен, как многообразен и народ, его населявший, поэтому трудно все объять. Я же, исходя из опыта работы издательства, утверждаю, что главная особенность Южной Пальмиры – это *книга*. Именно в ней, в книге, отражена наша история, многообразие жизни города, включая неповторимый одесский язык и воздух, такой же неповторимый. Начиная с аббата Николя (1814 г.), Сикара (1818 г.), а также Сумарокова (1799 г., это годы издания их книг) и продолжая возрожденными, переизданными нами Скальковским, Смольяниновым, Надлером и другими. И уже ближе к нашему времени все это подтверждается одесскими классиками – Бабелем и Жаботинским, Багрицким и Олешей, Ильфом и Петровым. Они как бы еще раз обозначили, что Одесса – город книги. И, если можно так выразиться, книга – это сердцевина сердца нашего города. Тогда и сейчас. То, что живет в душах и голосах одесситов, разбросанных по всему свету.

Хочу обратиться к прошлому времени. Великие когда-то заметили, что история повторяется, как спираль. И по утверждению Экклезиаста, все наше сегодня уже было вчера. Можно спорить по поводу примера, который собираюсь привести. В скобках замечу: ни в коем случае не хочу сравнивать уникальное в своем роде издательство «Омфалос» (1915-1920) и его создателей Лопатто и Бабаджана с нами – скромным и никогда не претендовавшим, «не высовывающимся» издательством «Optimum». Просто тезисно.

Первое. «Омфалос» возник в очень непростое смутное время, в 1910-е годы XX века. И мы организовались в непростое бурное время 90-х годов того же XX века.

Второе. Первая книга «Омфалоса» вышла без обозначения издательства в Петрограде в 1915 году, и наша первая книга «Нам ветры тайны нашептали» тоже не имела еще своего логотипа.

Третье. Начальный период «Омфалоса» Сергей Зенонович Лущик, потрясающий исследователь творчества Вениамина Бабаджана, автор уникальнейшего двухтомника его произведений «Из творческого наследия» (кстати, выпущенного «Optimum» в 2004 году), назвал домашним, семейным. Извините, но и у нас первый период жизни издательства носил личный, несерьезный, я бы даже сказал, шаловливый характер. Одним словом, баловством все это выглядело поначалу.

Четвертое. С осени 1918 года круг авторов «Омфалоса» изменился. И в следующих тринадцати книгах участвуют как представители одесской научной и литературной элиты, так и «гости» – авторы, бежавшие от войны и разрухи, подчас печатавшиеся ради пайки. И у нас с 2000 года стали появляться как представители культурной одесской среды: Литературный музей, секция «Одессика» Дома ученых, Научная библиотека имени Горького, краеведы, писатели, – так и просто интеллигентные люди, пробующие свои силы в литературном творчестве, осваивающие мемуарный жанр.

Пятое. «Омфалос» оказался в те тяжелые годы в ряду «культурных гнезд» Одессы. Нам вроде и негоже о себе судить, но подвальное помещение на улице Дворянской много лет притягивало друзей.

И, наконец, шестое. «Омфалос» работал в самые тяжелые годы Гражданской войны с ее разрухой и частой сменой властей. Нам было немного легче, но с разрухой и постоянной сменой вкусов и взглядов властей тоже хорошо знакомы. Считаете сравнение «Optimum» с «Омфалосом» случайным? Не знаю, не мне судить. Но…

Вернемся к нашему издательству. Начать хочется с публикации Олега Губаря, посвященной десятилетнему юбилею «Optimum» (2005). Эта статья как нельзя лучше характеризует сущность того времени, когда, можно сказать, рождался и определялся внутренний мир нашей деятельности. Нам казалось,

что атмосфера в издательстве и тогда (и всегда) была особой, отличной от других подобных заведений в Одессе.

Цитирую Губаря:

«Так и должно быть. Ничего лишнего. Как в старом и добром, и неспешном позапрошлом веке, о котором они издали столько книжек. Просто, без понтов, тепло и по-домашнему. Подвальчик в тихом центре. Книжные полки. Столы письменные. Стулья. Разумеется, книги – в изрядном количестве. Ну компьютер – без этого теперь куда? Да никуда. Разве что в баню или в мир иной. Вот и весь инвентарь, весь инструментарий. Что еще? Скромный, но весьма действенный запас хлебобулочных, колбасных, а ежели очень надо, то и ликероводочных изделий для страждущих авторов – поэтам надо наливать, прозаики напьются сами.

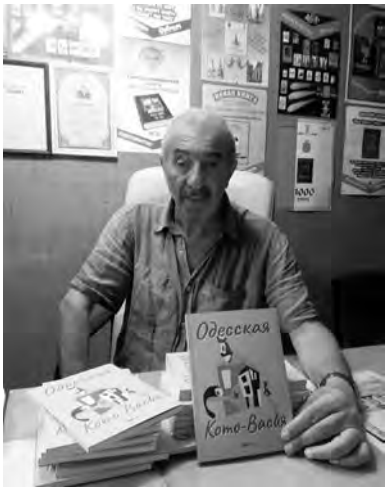
Из роскоши – только рыжий кот, вальяжный такой котяра, символизирующий много чего. Собственно, не кот, а Кот – уважительно, с прописной буквы. Нет, бери выше – Котов. Василий Васильевич. Тот, что в выходных данных всякой книжки значится как «технический редактор В.В. Котов».

В этом мягком приколе лично я усматриваю нечто стратегическое, предопределяющее линию поведения издательства «Optimum» в лице коллег В.В. Котова. Их немного. Дело не в том, что хороших людей и зверей не бывает много. Но, как правило, их не бывает много на одном и том же пятачке жизненного пространства. Хорошие существа обычно сильно распылены, наподобие межгалактических туманностей. А тут триада гуртом.

Они все такие созвучные и разные. Борис Эйдельман называется громко – директор, Александр Таубеншлак – не менее звучно: главный редактор. В.В. Котов мог бы быть сразу утвержден главным художественным редактором, но тогда бы его лишили перспективы, а так у него, надо полагать, обнаруживается стремление к росту. Творческому, естественно.

Вот так и должно быть, повторяюсь. Свое дело надо делать весело, без натуги и надувания щек, играючи. Нет, можно, конечно, задекорироваться, как нынче говорят, зашифроваться, назначить главного по рогам и генерального по копытам – в двуспальных апартаментах с видом на море и обратно. Но как

по мне, лучше вот этак. Заходишь, будто в гости к приятелю или давнишнему соседу по лестничной клетке. Говоришь прямиком, без обиняков: «А не замахнуться ли нам, понимаете, на Вильяма нашего, на Шекспира». И тебе отвечают что-нибудь вроде того, что, мол, на Вильяма – это не наш профиль, а на Александра, понимаете, на Сергеича нашего – можете запросто попробовать. Тем паче – на Исаака нашего, на Эммануиловича, который-то уж точно с нашим профилем.



Качество предоставленных автором текстов ему, разумеется, не гарантируется (не все коту масленица), зато качественное, недорогое и в срок исполнение – голову наотрез. Четыреста книг за десять лет – это, согласитесь, не кот начхал, точнее не Котов, который, сами понимаете, Василий Васильевич.

У Бориса Эйдельмана еще и свои «три кита» идеологических имеются. Первый – по возможности издание качественных текстов. Второй – опять-таки, по возможности дешевизна печатных изданий. Третий – почти безоговорочно выпуск книг об Одессе и одесских авторов, впрочем, и одесситов, обитающих в иных городах и весях, каковое обитание – давным-давно обыденное дело. Декларации эти, надо признать, по возможности же, но успешно реализуются. Здесь хочу сослаться на авторитет известного литературоведа профессора М.Г. Соколянского: «Я бы сказал, что за десять лет издательство обрело свое лицо, и произошло это потому, что в его продукции основное место заняли книги достойные». В их числе Марк Георгиевич отмечает сборник произведений Исаака Бабеля об Одессе, катаевский «Вертер» с отличным комментарием Сергея Лущика, антологию «Где обрывается Россия» – о «смутном времени», двухтомник Вениамина Бабаджана,

произведения Владимира Жаботинского, регионально-историческую серию «Одессика» и др.

Можно без тени иронии констатировать, что никогда мы не имели издательства, выпустившего так много книг по истории города, причем недорогих, общедоступных, да еще и столь стремительно. В так называемой «малой белой серии», как бы имитирующей дешевые издания Павленко и Сытина, на сегодняшний день вышло около сорока книг. Авторы: от Ильи Ильфа, Александра Де Рибаса и Семена Юшкевича до Андрея Добролюбского, Александра Третьяка, Михаила Пойзнера, Ростислава Александрова. Параллельно развернулось издание «большой белой серии», уже распечатавшей второй десяток книг. Здесь примечательны републикации текстов Лазаря Кармена, Сергея Уточкина, Леонида Утесова, повесть Георгия Островского о Вере Холодной и др.

Помимо регионально-исторической «Optimum» издает много художественной, научно-учебной, справочной литературы и книг для детей. Кстати говоря, серия детских изданий недавно отмечена почетным дипломом Всеукраинского книжного фестиваля во Львове. «Optimum» получал престижные награды на любой вкус, включая почетную грамоту Государственного комитета информационной политики, телевидения и радиовещания Украины, дипломы книжной ярмарки «Зеленая волна» в номинациях «Возвращенные имена», «За бескорыстную любовь к Одессе», «Память» и т. д.

В «оптимистическом подвальчике» на Дворянской всю дорогу что-то придумывается, сочиняется, заваривается, бродит, бурлит. Сегодня – проект «Сказки народов Одессы», завтра – «101 вопрос об Одессе», послезавтра – обновленный русскоязычный вариант знаменитой монографии Патрисии Херлихи «Одесса: 1794-1914» и др. Сюда на рюмку чая может заглянуть университетский профессор и маститый писатель, краевед и короед, поэт и искусствовед, старожил и библиофил, начинающий автор и зубы проевший журналюга. «Три кита» всем рады, на берег покуда не выбрасываются, а напротив, выводят многочисленных своих подопечных, так сказать, на чистую воду, где семь футов под килем.

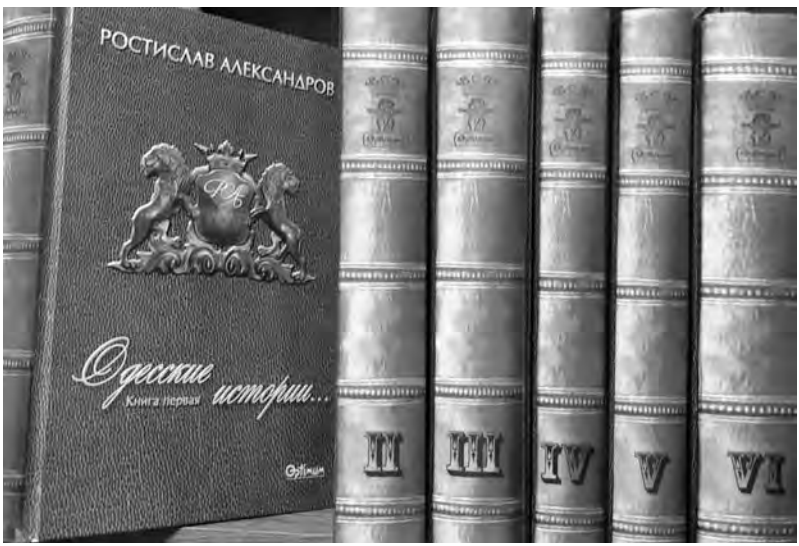
Проходя мимо «Оптимума», я не прохожу мимо. Хочется непременно зайти и согреться приветливыми улыбками Бори Эйдельмана и Саши Таубеншлака, хитро-мудрым равнодушием

с достоинством возлежащего где-нибудь на книжной полке В.В. Котова. Хочется видеть и слышать этих подвижников, у которых нет за душой ничего, кроме совести и любви. Хочется приносить сюда тексты и устанавливать их на незыблемой тверди земной».

Мы гордимся, что у нас много лет был такой верный друг. Олег Губарь, безусловно, один из самых достойных авторов издательства, знаток истории Одессы, бескорыстный постоянный консультант и прекрасный собеседник…

И действительно, одесситы стали приходить к нам и приносить свои тексты об Одессе, тем самым утверждая: мы вместе на тверди земной. И не только приходили, но и присылали со всех концов земли – из Германии и Израиля, США и далекой Австралии. Для многих из них «Optimum» стал своеобразной альма-матер. Без ложной скромности вспомним о тех, кто благодаря нашему издательству состоялись как писатели и вошли в писательскую среду современной Одессы.

Начну с Первого (Первого с большой буквы), и вы поймете почему. Александра Розенбойма (Ростислава Александрова) знали



по публикациям с середины 60-х годов прошлого века в популярной одесской газете «Комсомольская искра». Он был удивительным рассказчиком и знатоком анекдотов. И главное, знал город от и до. Не зря его первая книжка, опубликованная у нас в 2002 году, называлась «Исхоженные детством». Эти слова из бабелевского рассказа «Детство у бабушки» (а Александр Юльевич был, пожалуй, лучшим знатоком Бабеля в Одессе) предопределили не только основную линию его творчества, но и весь наш издательский путь. Можно смело утверждать, что мы создали друг друга. Во многом благодаря нам он стал писателем, а его художественное решение своей первой книги подтолкнуло нас к созданию Малой и Большой серий «Вся Одесса». Это, в свою очередь, определило триаду – концепцию издательства: «Книги одесситов, книги для одесситов, книги об Одессе». До последних дней книги Ростислава Александрова издавались у нас. Было выпущено пятнадцать его книг многотысячным тиражом. А потом мы издали полное собрание сочинений этого удивительного одесского автора, и «Одесские истории» в шести томах стали нынче бестселлером (редкий случай для Одессы – пожалуй, можно вспомнить лишь шеститомное издание произведений Аркадия Львова, напечатанное на Одесской книжной фабрике в начале нынешнего века).

А потом, словно из гоголевской «Шинели» (не смогли удержаться от высокопарных слов), вышли писатели, краеведы и поэты: Л. Авербух, А. Горбатюк, В. Рывкин, А. Хасин, В. Нетребский, А. Дорошенко и многие другие, достойно пополнив историко-краеведческую литературу Одессы.

Например, Леонид Григорьевич Авербух – одессит в седьмом поколении, известный врач – оказался и одаренным литератором. Мы издали его восьмисотстраничную жизненную эпопею «Видел. Слышал. Знал», где, по самым скромным подсчетам, упоминается более семисот имен. Помнится, поначалу, придя в «Optimum», он стал известен читателям своими забавными стихотворными миниатюрами – «ленчиками». У него были творческие удачи в других жанрах: «Рассекреченные судьбы», о разведчиках невидимого фронта, две книги «Одесские музы поэтов» – интереснейшие исследования! Всего мы издали де-

вять книг Леонида Авербуха, и немалым тиражом. Замечу вскользь, здесь и далее речь идет о тиражах скромного одесского издательства. Правда, в двухтысячные годы, годы расцвета, тиражи порой доходили и до десяти тысяч экземпляров, но в основном от трехсот до двух тысяч.

Хочется упомянуть нашего автора Аркадия Хасина. Он прошел гетто, посвятил морю более пятидесяти лет, пройдя путь от самых начал до старшего механика. Его феноменальная память, знание всего и вся о ЧМП, о знаменитых капитанах и пр. позволили ему приобщиться к литературному творчеству и воплотились в изданные у нас более шестнадцати книг, которые выходили с завидным постоянством в период с 2000 по 2017 годы. По его книгам следующие поколения смогут многое узнать об Одессе как морской столице Украины.

Безусловно, Александр Дорошенко – особая жемчужина в нашей короне авторов. Доктор наук, профессор академии холода, блестящий педагог, воспитавший десятки ученых. Он не успел, увы, воплотить в книгах все свои планы, все свои мечты. Но и то, что мы напечатали, даже по названиям, думаю, интересно: «Сентиментальное путешествие. Гениальная эпоха», «Атлантида евреев. На реках вавилонских», «Сохрани мою речь», «Отпусти мой народ» и, конечно же, «Мой город». Книга, которую он писал всю свою жизнь и, издав четырехтомник, постоянно говорил о продолжении. Он останется навсегда в сознании знавших и читавших его как энциклопедист, знаток истории и религии. Глубокий аналитик литературы, блестящий стилист, мастер слова.

Говоря об издательстве, я, прежде всего, вспоминаю об авторах, а они своими книгами говорят об Одессе.

Были в нашей практике удачные примеры коллективного творчества. Речь об уникальной книге – своеобразном калейдоскопе Одессы начала прошлого века «Где обрывается Россия» (2003). Это плод многочасовых споров, дискуссий в издательстве. Над книгой работали: А. Яворская, замдиректора по науке Одесского литературного музея (составитель), Татьяна Щурова и Ольга Барковская, сотрудники отдела искусств ОННБ, С. Лущик, Р. Александров и многие другие, вносившие свою лепту – свои материалы и находки. Это длилось в наших стенах многие дни, принесло желанный результат: книга имела приятный международный резонанс и давно стала библиографической редкостью.

Нельзя не упомянуть здесь еще об одном авторе и ее книге, вошедшей в число лучших по истории Одессы. Речь о профессоре Гарвардского университета Патрисии Херлихи и фундаментальной работе «Одесса. История. 1794-1914». Автор, приезжая в Одессу, неоднократно бывала у нас в издательстве. Мы подготовили и издали с ней еще одну книгу: «Европейский город Черноморья». Были планы на дальнейшее, но, увы, им не суждено было сбыться. Как и планам других, близких по духу авторов, ушедших в безвременье. Не стало Сергея Лущика, Ростислава Александрова, Олега Губаря, Александра Дорошенко, Леонида Авербуха. Меня радует и утешает хотя бы то, что буквально накануне своей смерти они успели подержать в руках при полном сознании свой последний литературный труд. И мы успели это сделать!

Можно назвать многих и многих, чьи имена неразрывно связаны с «Оптимумом» и стали известными в нашем городе после книг, изданных у нас…

Сегодня многое в деятельности издательства стало историей. Все, что я здесь хотел изложить, свои мысли и воспоминания, вовсе не преследует цель *само*… (любования, восхваления, рекламирования и т. д., и т. п.). Доказательством может служить хотя бы факт отсутствия на протяжении почти тридцати лет издательской деятельности своего рекламного сайта в сетях. И при этом достаточная известность, о чем свидетельствует изрядное количество книг, тиражи, авторы. Я решился на эти скромные заметки-воспоминания о прошедшем, потому что годы существования издательства «Optimum» в независимой Украине – это неожиданное и, по-моему, удивительное явление для Одессы. В 1994 году, согласно перечню выходивших тогда «Желтых страниц» (своеобразный рекламный справочник по городам), в Одессе отмечалось свыше восьмидесяти различных полиграфических структур. Это было естественно: бизнес всякого рода рос, как грибы после дождя. И где сейчас большинство из них?! Выжили не многие. Скажем откровенно: зачастую это были просто полиграфические

структуры чисто технического характера. А издательство как живой, творческий, культурный, я бы сказал, интеллектуальный организм, объединяющий разнообразную среду города, – было на Дворянской, 7, под названием «Optimum».

Горжусь, что наш логотип можно встретить в разных странах. Сутью издательства изначально была доступность книг читателю (принцип известнейшего издателя Сытина: «Книга должна быть дешевле хлеба»). Мы никогда не изменяли своему девизу: издавать книги об Одессе, одесситов-авторов и для одесситов. И это был верный посыл. Музеи города, национальная библиотека, члены научной секции книги и секции «Одессика» при Доме ученых и многие авторы, писавшие доселе в стол, – все стали непременными и постоянными участниками (именно участниками!) этого удивительного и необычного издательства. Издательства – при полном отсутствии коммерческого направления и меркантильного интереса.

Публикации

302 **Алена Яворская**
«И льются радостные строки,
И верю я опять в мечты…»
Вениамин Бабаджан
Из неопубликованного

Алена Яворская

«И льются радостные строки, И верю я опять в мечты...»

«Я пишу стихи, несмотря ни на что, и уж наверное, никогда не перестану писать…»

Чудеса случаются. В самое страшное, самое тяжелое время им находится место. Иначе нельзя и сказать о том, что в дни войны вышла книга «Вениамин Бабаджан. Из творческого наследия. Сергей Лущик – Вениамин Бабаджан – Жизнь и творчество».

Именно Сергей Зенонович Лущик в конце прошлого века восстановил из чудом уцелевших в годы Гражданской войны и репрессий писем, книг, документов биографию молодого поэта, художника, книгоиздателя, воина Вениамина Бабаджана (1894-1920).

Бабаджан прожил всего двадцать шесть лет – так мало! – и успел сделать так много! Три книги стихов, две книги о любимых художниках – Сезанне и Врубеле, книгоиздательство «Омфалос», которое он организовал и которое за два года Гражданской войны выпустило в Одессе двадцать книг. Последняя – «Сонеты» Эредиа в переводах Г. Шенгели, вышла в 1920 году. Осенью того же года Вениамина Бабаджана расстреляли в Феодосии как бывшего офицера.

И действительно, Вениамин Бабаджан был на фронте мировой войны (тогда ее еще не называли Первой) с первого до последнего дня. Успевал еще и писать стихи в больших «амбарных» тетрадях. Чудом они уцелели, чудом вернулись в семью, к сестре Тотеш. И уже не чудо, а настойчивость Сергея Зеноновича помогла добиться разрешения работать с этими тетрадями, а затем и получить их в дар.

В 2004 одесский «Мемориал» предложил издать книгу стихов расстрелянного поэта. Лущик привлек к работе меня и Ольгу

Вениамин Бабаджан. Одесса, 1915. Собрание С.З. Лущика

Барковскую. О том, как создавалась эта книга, я уже писала, позволю себе повторить.

Моей частью работы была расшифровка и набор стихов и дневниковых записей из рабочих тетрадей – работа настолько же тяжелая, насколько и увлекательная. Текст одного, самого сложного для прочтения из-за неразборчивого почерка и многочисленных исправлений стихотворения был прочитан полностью после пятнадцати попыток – а подсчет начался далеко не сразу после первой неудачи. Работала я в доме у Лущиков.

Затем Сергей Зенонович сжалился над трудом переписчика и разрешил взять тетради на работу, поближе к компьютеру. Надо ли говорить, что, опасаясь неодобрения Лущика, я перечитывала каждую распечатку по десять раз. Но все равно хоть одну не поставленную в нужном месте запятую он находил. И приговаривал, заставляя заново переделать: «Не жалейте бумаги на высшее образование».

Наконец я отобрала сто стихотворений. Дальше сокращать рука не поднималась. Но были еще Лущик и строгий редактор Ольга Барковская. Итак, собрались мы втроем. Дальнейшее напоминало описанное Ильфом и Петровым голосование авторов насчет судьбы Остапа Бендера. Каждый из нас, получив список стихов, ставил крестик возле достойного, на его взгляд. Вкусы не совпадали, мнения резко расходились. Но в результате возобладали женская логика и женская солидарность – нам с Олей нравились одни и те же стихи. Я благоразумно предоставила редактору право на отстаивание нашей точки зрения. Лущик вынужден был пойти на уступки.

Так я написала десять лет назад. Из ста стихотворений было отобрано сорок девять, многие из тех, что мне нравились и казались достойными, в книгу так и не вошли. Особенно рьяно я отстаивала ироническую «Песнь о ветчине и поэтессе» – увы, безуспешно. Сергей Зенонович коварно подкупил Ольгу обещанием не сокращать текст книги о Сезанне, и я была повержена.

Денег, которые выделил «Мемориал» не хватило. Часть добавили издатели (книгу печатал «Optimum»), часть Галина Безикович, а остальные – сам Лущик. Книга вышла тиражом всего 300 экземпляров, и долго потом еще исследователи из Франции, США, Италии, Японии просили прислать экземпляр.

История любит повторяться, это аксиома. И когда в прошлом году на заседании комиссии по социально значимым изданиям при Одесской

облгосадминистрации было принято решение переиздать двухтомник, денег хватило на очень небольшой тираж. Книга вышла в издательстве «Астропринт», она полностью повторяет первое издание, мечты дополнить текст остались лишь мечтами.

Но выход книги хочется сопроводить публикацией стихов, которые с болью в сердце мы вычеркивали из списка два десятилетия назад. И опять, как много лет назад, я отбирала и вычеркивала – иначе была бы еще одна книга.

В. Бабаджан. Автопортрет с трубкой. Одесса, 1919. Одесский художественный музей

В свое время Лущик принял решение располагать стихи в хронологическом порядке, этот же принцип я сохраняю и сегодня. И можно проследить, как меняется, взрослеет поэт.

Сохранились три тетради стихов Бабаджана. И если две первые названы незатейливо «Стихи» и «Стихи 1915», то последнюю, самую объемную, начатую на фронте и продолженную в Одессе, он назвал «Идеи и затеи».

Практически все стихи Бабаджан датировал, можно по ним проследить и географию его передвижений. Дольше всего госпиталь, в котором Бабаджан служил, – размещался в местечке Ратешул-Луй-Харет. «Ратешул-Луй-Харет – зима, весна и лето. / Как надоел Серет и берега Серета», – писал Бабаджан.

Первая книга стихов Вениамина Бабаджана «Кавалерийские победы» вышла под псевдонимом Клементий Бутковский, часть стихов в тетрадях помечены «Из К. Бутковского».

Молодой поэт влюбляется, но о его музах мы знаем до обидного мало. Больше всего – о юной пианистке Анне Фельдблюм, которой Вениамин посвятил книгу стихов «Всадник». Потом была таинственная Ива, или Иветта. И последний роман – уже после возвращения с фронта – с девушкой-художницей. Ее именем Бабаджан называет свою последнюю

книгу – «Зоя». С ней же он встретил последний в жизни Новый год. И одно из последних сохранившихся стихотворений – об их любви.

Мы пьяны, мы сошли с ума
От шалостей, любви и хмелю.

Тетрадь со стихами, которые писал Бабаджан в 1920 году в Феодосии, не сохранилась – пропала, была уничтожена, возможно, лежит на старом чердаке, как когда-то лежали письма Бабаджана в доме на Троицкой.

Вениамину Бабаджану, убитому осенью 1920-го, незадолго до смерти исполнилось двадцать шесть лет. Всего двадцать шесть…

Вениамин Бабаджан

Из неопубликованного

* * *

Хочется дышать свободней
И нельзя – ужасный зной.
Над деревнею сегодня
Клочья ваты шерстяной.
Это тучи и не тучи.
Эти тяжкие клубы
Так медлительно-летучи,
Так свинцово-голубы.
Яркое небес сиянье.
Пыльный жар дорожных плит.
Воздух ясен. Расстоянья
Эта ясность коротит.
Отдаленные селенья
И далекие холмы
По волшебному веленью
Нынче озираем мы.

Май 1915, Рагузно

В. Бабаджан. Май 1915. Собрание С.З. Лущика

* * *

Вечер. Сладкая прохлада.
После бурного дождя
Пар в аллеях темных сада
Вьется, вьется, восходя.
Трель безумная в болоте.
Сонной птицы голоса.
Все в томленье, все в дремоте
И на всем, на всем роса.
И в томленье целуются тени
В отдаленье у кустов
В этой неге, в сладкой лени
Поцелуи влажных ртов.
Поцелуи… а в трясине
В тине, в синей темноте
Гимн лягушачьей святыне
Песнь могучей красоте.

Май 1915, Рагузно

* * *

В ночи далекая пальба
И бестолковая гармоника…
Луна струится, голуба,
На узкий выступ подоконника.
Открыто в огород окно.
Над пылью гряд – мельканье лунное.
Кропит зеленое вино
Луна, колдунья тихострунная.
И непонятны, и грубы
Визг песни и шрапнель далекая,
Когда овраги голубы
И ночь сияет светлоокая.

Июль 1915, Холоюв

Сонет

Вам отдаю сонет печальный,
Воспоминанье странной встречи
О, тяжко было в час прощальный
Вести изысканные речи!
Все в памяти. Наряд Ваш бальный,
Красивые худые плечи,
Кругом несносный блеск хрустальный.
Лампады, лампионы, свечи.
Все миновало. Ныне, в поле,
Я рад спокойствию и воле,
Киванью дальних тополей.
Убогой пестроте селений,
Осенней черноте полей
И быстроте своих движений.

28 августа [1915], Княгинино

* * *

Магдалине В.

В тот день, Ваш раб подобострастный,
Я Вас впервые увидал.
Вы были сказочно прекрасны,
Рот странный был как роза ал.
С улыбкой томного волненья
И чуть страдальческой всегда
Вы своего обыкновенья
Живописали мне года.
Свободно нить беседы нашей
Тянулась, темы не ища…
Зеленый муж с зеленой чашей,
Весь в складках красного плаща,
Глядел из рамы. Пламень взора,

Кровавый весь его наряд,
Осанка гордая синьора –
И страсть, и яд.

Январь 1916, Мокрое

* * *

Нимбы табачного дыма,
Блестки сердитых пенсне.
Дальше скорее и мимо,
Как в удушающем сне.
Вечер – довольно. У ночи
Слишком видений и снов.
Дням постылым бы короче,
Снам бы побольше часов.
Пусть непробудною сказкой
Станут пустые года.
Не поспешить ли с развязкой,
Не оборвать ли следа?

8 февраля [1916], Мокрое

«КБ – Клементий Бутковский»

Из чего Бог сотворил дороги?
Право, кажется, из желатины!
Лошади перетрудили ноги,
Жалко погибающей скотины.
Мокрым небом вымочило ветки
Голых мартовских кустов и липок…
Скучные поэты и поэтки,
Слушайте: здесь пенье скрипок.
Здесь гениальный коленкор на небе
Растянул бессмертный декоратор,

Здесь забота о насущном хлебе
Открывает летний театр.
Бросьте ваши нежные созвучья,
Приходите в лес дорогой топкой.
Слушайте, как в марте воют сучья,
Как зверье шуршит лесною тропкой.
Только уж без слов: смотрите тихо:
Небо так желто, так дымно серо.
В вас умрет словесная шумиха,
Как без водки гнусная гетера.

4 марта 1916, Мокрое

* * *

Март, дождик шлепает в окошки,
Проснулся сад, почти весна.
И в желтом зеркале дорожки
Вот-вот блеснет голубизна.

Но я с тревогою, с тоскою
Гляжу в слезливое стекло…
Ах, Боже, отчего весною
Так сердцу смутно тяжело?

Все-все, что осенью струится,
Как уходящая печаль,
Готово снова возмутиться,
Как только миновал февраль.

Как только пасмурные тучи,
Нахмурившись в последний раз,
Расторгнут тающие кручи
И обнажат палящий глаз.

12 марта 1916, Москва

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Лущика

Из К.К. Бутковского

Каждый день все те ж картины,
Равнодушье и тоска.
Дребезжаньем мандолины
Развлекается рука.

Солнца луч, прямой и тонкий,
Упадает на окно.
Рябью лиственной плетенки
Все стекло испещрено.

За окошком – май. Погода.
Примиряющая тишь…
В комнате ж в углу комода
Прячется под книгой мышь.

7 мая 1916, Шпаков

* * *

Анне Фельдблюм

Не смерть страшна. Она желанной
Казалась каждому не раз.
Молчание пугает нас
И подвиг молчаливо бранный.

И мы, воители искусств,
Не знаем горестнее муки,
Чем эти связанные руки,
Чем этот ум, который пуст.

Нет музыки, и мы иссякли.
Мы жаждем. Кто нас напоит?
Не тот ли, кто и сам скорбит,
Кто сам томим тоской? Не так ли?

15 мая 1916, Одесса

Мучительный сонет

Ей же [А. Фельдблюм]

Семнадцать дней пробывши в отпуску,
Я видел Вас едва четыре раза,
И каждая улыбка, слово, фраза…
Как все забыть? Все кануло в реку
Прошедшего. И ныне все для глаза
Одна тоска. Я берегу тоску
Невозвратимого. Усердно тку
В душе кристалл блистательный алмаза.
Но много ли осталось для души
Сих дней мечтательно-слепой глуши,
Очаровательного упоенья?

Дни близки тяжких будней и тревог,
А в тягостях вседневного боренья,
Скажите, кто из нас не изнемог?

29 октября 1916

Из К.К. Бутковского

На всем и полусон, и нежность
Морозного утра.
Полей слепительная снежность
И даль из серебра.
Дают коня. Звенит дорога,
Бежит навстречу лес.
В нем тишина считает строго
Подковы. Быстро слез,
Иду кустами, весь в сугробе,
Двустволка за плечом.
С утра в карманах тяжесть дроби
И мысли – ни о чем.

8 января 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Ночь темней, собаки злее,
И заборы высоки.
Милая, дай знак скорее
Мановением руки.
Скрипнет темное окошко,
Ты порхнешь, как птичка в сад,
Я ж, как кошка, я ж, как кошка,
Милой птичке буду рад.
Присмиревшие собаки
Нас не тронут – как не так!
Я, как всякий, я, как всякий,
Всякий кот – боюсь собак.

17 февраля 1917, Ратешул-Луй-Харет

Медлительное посвящение

Вы далеко, но я – весь Ваш.
Моя печаль неисцелима.
Мой чертит нервный карандаш
Все, все, что памятью хранимо.

И возникает, как в тумане,
Из сети пятен и штрихов
Как бы бутон из лепестков –
Очаровательная Ани.

30 марта 1917, Ратешул-Луй-Харет

Песнь о ветчине и поэтессе
(Глистогонное)

Раз жила поэтесса. Была ветчина.
Поэтесса была голодна.
Поэтесса была лучезарно чиста.
В ветчине же таилась глиста.
Поэтесса сказала: «Желудок мой пуст,
Ветчина, ты услада для алчущих уст.
Для души моей радость – дыханье весны,
Для желудка – кусок ветчины».
Но коварства и гордого свинства полна,
Ничего не ответила ей ветчина.

Убегая, в недели слагаются дни.
Так ведется у нас искони.
И теченье бегущих без устали лет
Поэтесса считает и числит поэт.
Время лечит болезни. Ему не в пример
Иссушая, томит и грызет солитер.

Злой негодник, вселяющий в душу боязнь,
Знай, тебя ожидает ужасная казнь.
Пусть пока торжествуешь преступный свой рост,
Поэтесса с утра начинает свой пост.
Что уж хуже? Не надо и порки.
Вдруг, о ужас, – река из касторки!
Где котлеты, бычки, ветчина и кефир?
Страшным душем течет на тебя лишь эфир
И разят ядовитые травы.
Солитер, не снесешь ты отравы!..

Вновь была поэтесса. Была ветчина.
Поэтесса была голодна.
Поэтесса сердито сказала: «Теперь
Не вселится в меня отвратительный зверь», –
Ветчину развернула в азарте
И сказала кухарке: «Поджарьте…»

26 мая 1917, Одесса

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Лущика

* * *

Душный ветер в открытое окошко,
Сверкают молнии. Гроза, гроза!
Гроза на закате. Пылает небо
Море отражает его алость.
Шелковое, розовое и зеленое,
Оно еще спокойно. Там далеко
Уже вскипает сереющая муть.
Лодки торопятся к берегу.
Дачники ушли с пляжа.
На дороге крутится веселая пыль, –
Велосипедист куда-то отчаянно несется.
Сколько суеты и страхов!
Пугает всех Божье торжество,
И люди боятся взглянуть на небо.

А ведь гроза идет стороной.

6 июня 1917, Одесса

Из цикла «Смешная любовь»

Я не прощу тебе плохих духов
И бородавки, что на подбородке.
Смешон набор пустых и громких слов
И вид, разочарованный и кроткий.

Я мщу за первую свою любовь,
За лживую, насмешливую ласку,
За грубо подрисованную бровь
И на щеке размазанную краску.

И скучно мне. Я устарел в любви,
И целомудрие мое – уродство.
Ну что ж, приди ко мне, зови, лови –
Ты навсегда утратила господство.

Свободен я. Насмешлив, зол и дик.
Быть может, я смешон, но все ж – свободен.
Не говори с досадою: «Старик,
Он просто слаб и никуда не годен».

Нет, страсть во мне. Палящая, она
Меня томит бессонными ночами.
Но воля гордостью закалена
И лживыми бесстыдными речами.

30 июня 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Сердце, сосуд неизбывной печали,
Терпкой любовью наполнен до краю.
Много любившие, все испытали
Сладкую горечь, которую знаю.

Подвиг ли это, любовь без исхода,
Смутное чувство без слов и упрека?
Или еще тяжелее свобода,
Долгие дни без борьбы и урока?

Или страшнее для сердца пустого
Дали безлунные, лунные дали
Мутную влагу налившие снова
В сердце, сосуд неизбывной печали?

25 июля 1917, Мовилица

* * *

Опять я нездоров, опять мне что-то холодно,
Кружится голова, шумит в ушах.
Бессмысленно трудящегося молота –
Вот сердца стук. Звенит за взмахом взмах.

Дни ясные. И солнышку заглядывать
Еще не лень в раскрытое окно.
Уже сентябрь. Не хочется загадывать,
Когда за тучи скроется оно.

Болезнь меня опутывает ласково.
Я много сплю. Нет мыслей, лень одна.
И как паук, настойчиво и ласково
Плетет свои тенета тишина.

Ах, вот бы умереть теперь безропотно.
Смерть не страшна, она – последний вздох.
Десяток слов немого шепота –
И сердца стук осекся и умолк.

25 сентября [1917], Саскут

* * *

Вам благодарность, вам хвала
За то, что там, в стране страданий,
Улыбка ваша нам была
Нежней, чем зов воспоминаний.

За то, что там, где все – печаль,
Улыбчивые ваши речи
Нас грели так, как греет шаль
В тоске иззябнувшие плечи.

Есть подвиг – имени не дал
Ему еще язык негибкий:
Тот знает, знает, кто страдал,
Как тяжело страдать с улыбкой.

21 марта [1918] по дороге в Одессу

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Лущика

Осень

Не чувствуешь ли ты, что в октябре
Как будто все просторнее в природе,
Как будто бы в летучем янтаре
Веселье-смерть гуляет на свободе.

Холодная бледней голубизна,
И ветер разгулявшийся гуляет,
И щедро северная сторона
Нам стаи птиц пугливых посылает.

И словно кто-то правит торжество –
Веселое и странное убранство!
Как все пестро! Но что пышней всего –
Роскошное во всем непостоянство!

Дни все короче. По ночам луна
Меж туч меняется в неровном беге.
И веет северная сторона
Порывистым дыханьем льдистой неги.

8/21 августа 1918

* * *

Красавица, чтоб впредь не раздражать поэта,
Заметь, прелестная, пожалуйста, вот это.
Не экономничай на платьях. Но портних
Бери всегда с разбором. Часто в них
Мы ошибаемся, ища в Палэ-Рояле
Вершин рукомесла. Меж тем едва ли
С тобою соглашусь. Меня проверить чтоб,
На Александровском проспекте в «Modes of Robes»
Попробуй заказать себе такое платье,
Чтоб страстные его не портили объятья.

Август 1918

* * *

Прозрачность дней – счастливая примета:
Не светлой высоты голубизна,
Не тихий май, не зреющее лето,
Она во мне, в моей груди она.

Часы текут во власти мысли ясной,
С утра еще томит забытый сон,
Но к вечеру, как зов любви прекрасный,
Забудется и побледнеет он.

Одна в груди прозрачная тревога.
За этот дар могу перенести
Такую боль, так бесконечно много,
Что мне легко и радостно в пути.

Ноябрь 1918, Одесса

* * *

Мы вышли. Влагою дышала
Предутренняя тишина.
В лучах рассвета погасала
Изнеможенная луна.

Туман висел над берегами
И стлался низко по волнам.
И слов не стало между нами,
И спать не захотелось нам.

Ночная тяжкая усталость
Уже не заступала глаз,
Когда медлительная алость
Между волнами разлилась.

Так отлетела ночь печали,
Любви, улыбок и вина,
Когда мы Новый год встречали
И провели ее без сна.

[Январь 1919]

* * *

О, повелительница злая,
О, муза! Вновь невесел я.
Ах, не тюрьма ли голубая
Любовь печальная моя?

По вечерам, поэт покорный,
Пишу стихи, и ты со мной
Мой труд несмелый и упорный
Оберегаешь тишиной.

И льются радостные строки,
И верю я опять в мечты,
А к утру отлетаешь ты
В свой край блаженный и далекий.

И я один творю свой день
Из будних мыслей и ошибок,
Забыв урок твоих улыбок
И робких грез развеяв тень.

В тоске по улицам блуждая,
До ночи повторяю я:
Ах, не тюрьма ли голубая
Любовь печальная моя?

5 января 1919, Одесса

* * *

Не расколдован тесный круг,
Уединенье не изжито,
Для новых слов и новых мук
Еще дорога не открыта.

Всю нежность выпила мою
Любовь печальная, и боле

В. Бабаджан. 1915-1917. Собрание С.З. Лущика

В иссякшем сердце не таю
Ни пламенной, ни легкой воли.

Нет радости. А дни бегут
Однообразной чередою.
Однообразный бег минут
Зовет к молчанью и покою.

Но знаю – будет некий день
И окрыленный, и влюбленный –
Я призову к порогу тень
Моей тоски уединенной.

4 февр. (22 янв.) 1919

* * *

Вот, наконец, зима пришла,
Кругом сугробы навалила,
Нежнее розы расцвела
Румянцем на лице у милой.

По улицам, шурша в камнях,
Промчалась буйною метелью
И в спящих родила сердцах
Охоту к хмелю и веселью.

Пять дней у нас заведено –
Катанье, песни, поцелуи,
И пенит светлое вино
Неиссякающие струи.

А завтра, если на санях
Кататься мы поедем в поле,
Ты мне шепнешь тихонько: ах…
Объятьям не противясь боле.

В неделю процветет зима,
Но всю короткую неделю
Мы пьяны, мы сошли с ума
От шалостей, любви и хмелю.

7 февраля 1919. Воскресенье

«Клементий Бутковский»

В землянке

Бунт мышей у нас на крыше,
Визг, смятенье и возня.
Отчего бунтуют мыши,
Разве плохо у меня?

Голодна? – Отведай свечки,
Сыра, хлеба, ветчины.
Холодна? – У нас на печке
Можно греться до весны.

Только знаю: мышью братью
Лаской не убедить.
Уж не лучше ль под кроватью
На ночь кошку посадить?

24 сентября 1916

* * *

Скрипят намыленные щеки,
Четыре носа вверх глядят,
И парикмахер быстроокий
Струит свой дирижерский взгляд.

Какое совершенство линий
В движеньях бреющей руки!

И бритвы реют, как смычки,
Лаская подбородок синий.

24 марта 1917, Ратешул-Луй-Харет

* * *

Горько пахнет в палатке полынь,
Но ее не пугаются блохи.
Скачут весело между простынь –
Что им брань и сердитые вздохи!
Терпеливо блоху стерегу
А поймаю – не будет ей спуску.
Две недели ногтей не стригу –
Все для блох берегу на закуску.

5 июля [1917]

* * *

Когда от скуки убегаешь
В театр, в концерт или на бал,
Я вижу, милый, ты скучаешь,
Разочарован и устал.
Но если ты забыться хочешь
От вечной скуки на войне –
Напрасно, милый мой, хлопочешь.
Твои мечты – мечты одне.
И на войне, ей-богу, скука,
Скучна походная наука,
Артиллерийская – суха,
В штабах – бумага, чепуха.
Кавалерийские победы
Теперь неведомы бойцам.
А все гусарские обеды
Скучны – ты это знаешь сам.
Итак, скучай ты лучше дома,

Где теплый у тебя клозет,
Где ты с бутылкою боржома –
Разочарованный поэт.

25 сентября. Саскут [1917]

* * *

Да, я мертвец, и важные приметы
Тому имеются. Любовью дни
И лаской не согреты,
И всех надежд погашены огни.

И труд бесплоден. И печаль без боли,
И солнце без улыбки. И тоска
Привычкой стала. И в унылой роли
Испепеленного – мне жизнь легка.

Но есть в душе еще одна струна,
Которая звенит не умирая.
Она хранит меня. И мне она
Быть может, отворит ворота рая.

Она звенит, уже едва-едва,
Когда гляжу на слезы тех, кто любит.
Когда я слышу горькие слова,
Что счастьем нас дарит любовь и губит!..

[декабрь 1918]

* * *

Ты мне сказала: избегай
Любви печальной и тяжелой.
Свои труды оберегай
Заботой легкой и веселой.

И я улыбкою прикрыл
Печаль любви неутоленной
Глубоко в сердце затаил
Жестокий жар и бред влюбленный.

Я повторяю: жизнь ясна
Пряма дорога, труд спокоен,
И силы мне любовь дала.
Я большей муки недостоин.

25 января н. с. 1919 [Одесса]

Сокровища из сокровищницы

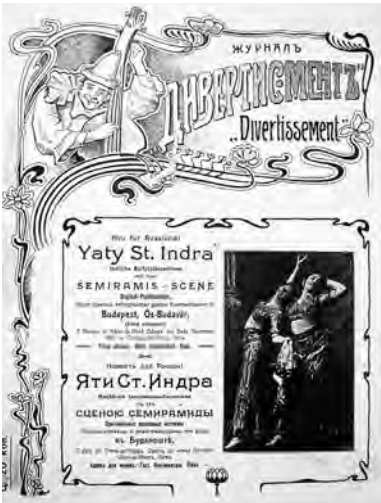
332 Татьяна Щурова
«Ты грустишь, но о чем?
Не о прошлых ли днях?..»

Татьяна Щурова

«Ты грустишь, но о чем? Не о прошлых ли днях?..»

90-й номер альманаха!.. Юбилейные события, как правило, кроме самых положительных эмоций вызывают легкую грусть и ностальгию. Пусть не окончательно, но что-то итожится, невольно оглядываешься назад, вспоминаются дни, когда готовился первый номер…

Тогда появилась удачная идея давать в каждом выпуске альманаха материал в рубрике «Наши предшественники» и таким образом постепенно знакомить с интереснейшей историей старых периодических изданий. Задумано это было не просто ради завлекательных «картинок ретро». Такие публикации давали возможность возвратить современному читателю избранные страницы из некогда популярных одесских альманахов, журналов и газет конца XIX – первой трети XX вв., придуманных и осуществленных энергичными незаурядными личностями. Сегодня мало кто помнит имена издателей и редакторов многочисленных газет и журналов, но именно они умели, как выяснилось, зорким глазом разглядеть будущих мастеров слова и графики, ставших известными далеко за пределами Одессы и составивших славу города, который, по меткому выражению Михаила Жванецкого, не зря называют «мировым роддомом талантов».



На пожелтевших страницах остались бесценные свидетельства. Эти старые публикации помогают окунуться в атмосферу города тех десятилетий, проследить, например, как менялся его юмор, что волновало горожан в политике и в повседневной жизни. Уже не раз отмечалось, что «мы с вами получили в наследство море, архитектуру, особенный язык и неповторимую ауру

города». Листая «страницы ушедшей жизни», поражаешься удивительной способности одесситов «сочетать в себе черты страстного патриота

и космополита». За немудреными сюжетами скрываются ирония и наблюдательность, а за высмеиванием всегда стоит неизменная преданность Одессе – это у нас до сих пор неистребимо ни при каких обстоятельствах во все времена.

В начале 80-х гг. XIX столетия Одесса активно училась издавать иллюстрированные, «гламурные», как мы бы сегодня сказали, журналы для широкого круга читателей. Такими получились «Маяк» и «Пчелка», наполненные политической и светской информацией, обзорами художественной, театральной и музыкальной жизни, а также большим количеством иронических поэтических опусов и забавных карикатур.

А в «Одесском юмористическом альманахе» за 1894 год, изданном в год столетнего юбилея города, находим любопытную карикатуру на редактора газеты «Одесский листок» В.В. Навроцкого, преподносящего свое издание Прекрасной Даме Одессе в виде торта, символизируя как бы духовную пищу для города, необходимую не менее экспорта пшеницы.

В. В. Навроцкій. Пріими, родная, отъ нѣжнаго сына твоего. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.
Одесса. Спасибо, сынъ мой. Этого мнѣ и нужно. Вѣдь "не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ".

ОГОНЬКИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: Одесса, Ришельевская ул., № 3, телефонъ № 79-63.

Редакторъ принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ отъ 10—12 ч. утра.
Секретарь редакціи принимаетъ ежедневно отъ 10—12 ч. утра.
Рукописи менѣе 1 листа не возвраща.

Суббота, 1 іюня (19 мая) 1918 года. № 3.

го, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огоньковъ“
я источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.).

Согнувъ надъ міромъ острыхъ два плеча
Раскрой, о вѣчность, желтыя страницы,—
Гдѣ нѣмы королевскія гробницы,
И тлѣетъ византійская парча...

Пусть на пути затерянныхъ временъ
Я, юный, встрѣчу мой далекій призракъ
И руки тонкія въ тяжелыхъ ризахъ
Увижу вновь печаленъ и влюбленъ.

Юрій Олеша.

Время от времени в одесской периодике наблюдался очередной взрыв издательской активности. Энтузиасты, достав деньги на первые номера и придумав броские названия («Одесские тайны», например), смело выпускали свои детища. Как правило, в таких журналах обыгрывались житейские ситуации, быт одесситов, варьировались сюжеты адюльтера, сопровождавшиеся забавными рисунками многочисленных талантливых графиков. При этом почти всегда было заявлено «планов громадье» и ощущалось большое желание охватить все сферы не только обществен-

ной, но и всечеловеческой жизни («Чайка», «Звон», «Начало» и др.). К сожалению, намеченный размах и обещания оставались лишь в душевных порывах издателей-редакторов. Жаль, но так случилось и с еженедельником «Сколопендра» (1908), задуманным талантливым скульптором Владимиром Издебским (создателем всемирно известных «Салонов») вместе с журналистом Борисом Флитом (Незнакомцем), оформленным художником Михаилом Соломоновым – изящный модерн его рисунков и виньеток очень украсил издание. Увы, вышло лишь три номера.

В то же время не устаешь восхищаться предприимчивостью одесситов, сумевших в 1907 году создать солидный журнал «Дивертисмент», посвященный миру «и театра, и зрелища, и др. увеселений», и выпускать его (с перерывом) около девяти лет! Помешала Первая мировая война, затем революция – театральный мир тоже рушился и видоизменялся. Или же ежедневная газета «Одесское обозрение театров» (1911-1917) с либретто и программами одесских театров, иллюзионов, цирка, сохранившая ценнейшие сведения о разнохарактерных зрелищах и развлечениях наших предков. По этим и другим периодическим изданиям

можно заметить, что у одесситов «раньшего времени» было множество художественных впечатлений, журналы изобиловали именами известнейших драматических и оперных артистов, всемирно знаменитых музыкантов и дирижеров. Одесса никогда не забывала и об эстрадных жанрах, стремясь забавлять почтенную публику, предлагая ей, по выражению одного остроумного журналиста, «рюмку театрального удовольствия». Имена Владимира Хенкина, Леонида Утесова, Изы Кремер были любимы и популярны. Все это позволило потом Луначарскому назвать театральную ситуацию в Одессе «ярмаркой развлечений».

Просторная всех эпох, соединяйтесь!

СИЛУЭТЫ № 37

„Когда Еврейский Императорский театральный пролетариат Ленинграда и Москвы напрягает все усилия, чтобы завоеванный октябрьский день превратить в советскую эпоху. В то время Украина нарождалась в дьявольском танце социальных схваток. Пролетариат тут понес наибольшее количество жертв. Ручей погромщиков были созданы руины из еврейских местечек. Теперь мы идем по этим местам с другими песнями. Еврейские комедианты унаследовали у наших отцов-раввинов-революционеров исключительную манду мизин и превратили ее в пафос революционный драмами. Мы напрягаем последнюю улыбку уходящих от нас и эту улыбку в мизерадостный октябрьский смех превратили. Мы пришли на Украину не по спорой, а с радостью. Под марш октябрьской победы мы смеемся своей комедиантский народ на Украине. Это наше последующая революционная миссия!“. Фаззилс

Л.Б.

мизэльс „200.000“.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ. ЦЕНА 20 К.

АНТРАКТЪ

Всегда въ громадномъ выборѣ мужское дамское дѣтское мѣховое и форменное платье

Элегантно одѣвайтесь въ розничномъ магазинѣ Торговаго Дома

Бр. С. и Х. Славихъ

Улица Кондратенко (Полицейская). № 37.

Цѣны оптовыя. Безъ запроса.

Курсы рисования, черчения и скульптуры художника Ю. Р. БЕРШАДСКАГО.

№ 1 Въ новооткрытомъ № 1 мануфактурномъ и суконномъ магазинѣ М. Ф. Кофмана и Л. С. Рабиновича

Получены послѣднія новости по умѣренным цѣнамъ.

Александровской проспектъ угол Еврейской, д. Боргарова.

Къ сезону !!!

КАШНЕ ВЯЗАНОЕ по 75 К.

ПРЕДЛАГАЕТЪ МАГАЗИНЪ БѢЛЬЯ и ГАЛСТУКОВ

Д. РОЗЕНБЕРГЪ

РИШЕЛЬЕВСКАЯ, 25.

Редакторъ-Издатель М. С. Шлезингеръ.

2 сер. Вторникъ, 6 Октября 1909 г. Ц. 2 коп.

АНТРАКТ

Ежедневная художественно-театральная газета программами и либретто всѣхъ театровъ и иллюзіоновъ.

№ 1 Въ новооткрытомъ № 1 мануфактурномъ и суконномъ магазинѣ М. Ф. Кофмана и Л. С. Рабиновича къ осеннему сезону получены послѣдніе новости по умѣрен. цѣнамъ.

Александровской проспектъ угол Еврейской, д. Боргарова.

Послѣ театра идите ужинать въ „Квисисамъ“

Встрѣча въ Гоуд Дунѣ.

ВИНА Т-ВА „КАРМЕЛЪ“

В старой одесской периодике были свои изюминки журналистики. Многие из них связаны с именем Бориса Флита (Незнакомца), популярного фельетониста газеты «Одесские новости». Он славился необычайной работоспособностью и плодовитостью, успевал печататься почти во всех многочисленных периодических изданиях, быть в них к тому же то издателем, то редактором. В 1911-1912 гг. он издавал журнал «Крокодил» (появившийся в Одессе, кстати, на десять лет раньше своего известного тезки). Незнакомец тогда рассмотрел в гимназистах, студентах, начинающих художниках будущих мастеров. В журнале появились первые публикации Эмиля Кроткого, Ефима Зозули, Николая Топуза, рисунки и карикатуры Федора Сегаля, Сандро Фазини (старший брат И. Ильфа) и др. Со многими из них он потом продолжил сотрудничать в журнале революционной сатиры «Бомба» (1917-1918). Этот журнал до сих пор считается образцом периодического издания, талантливо и разнообразно отразившего сложнейшее время. Незнакомец также привлек к работе молодых поэтов Юрия Олешу, Валентина Катаева, Бориса Бобовича, художников Михаила Линского, Сигизмунда Олесевича, Израиля Мексина, MADa.

Большое количество периодических изданий появилось в Одессе в 1918 году. Легкий непринужденный смех юмористических изданий начала века резко сменился непривычно горьким для нашего города юмором. Веселые названия журналов и газет тщетно пытались хоть на время развеять «удушливую, тяжелую атмосферу жизни» («Яблочко», «Маленький Сатирикон», «Одесский чудак», «Шпилька»). Однако жизнь продолжалась, никакие испытания не могли заставить талантливых людей отказаться от любимого дела и осуществления своих замыслов, несмотря на то, что «театр жизни соперничал с театральной драматургией». Залы были переполнены, об этом свидетельствуют популярные журналы того времени «Фигаро», «Мельпомена», «Восход», «Южный огонек», «Жизнь».

Хочется также вспомнить журнал «Шквал» (1924-1933), не потерявший своей значимости спустя многие десятилетия. Он незаменим при изучении социальной и художественной жизни Одессы середины 1920-х – начала 1930-х гг. благодаря своей документальной фиксации фактов, событий, насыщенному иллюстративному материалу. Исследователи не раз обращались к публикациям И. Бабеля, Ю. Яновского, В. Каверина, Леся Курбаса, Д. Маллори (Б. Флита), стихам Э. Багрицкого, С. Кирсанова, Т. Тэс, И. Микитенко, очеркам художника и педагога М. Жука.

За двадцать два года существования альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» удалось рассказать на его страницах почти о восьмидесяти редких периодических изданиях. Газеты и журналы старой Одессы с каждым годом, как хорошее вино, только набирают ценность, к ним часто обращаются исследователи, краеведы, коллекционеры. По рекомендации редколлегии альманаха в 2009 году был выпущен сборник «Благоухающий пепел», куда вошли многие из публикаций рубрики

«Наши предшественники». Книгу открыла благожелательная вступительная статья Евгения Голубовского.

С 52-го номера в альманахе появился раздел «Сокровища из сокровищницы», позволивший значительно расширить диапазон тем в публикациях. Богатейшие фонды Одесской национальной научной библиотеки дали возможность рассказать о книжных коллекциях М. Воронцова, Г. Маразли, М. Толстого, библиографических редкостях, подаренных Одессе французской художницей-меценатом Сюзанной Савари (1930-2016), первой среди иностранных граждан получившей звание «Почетный гражданин Одессы». Интересно было разыскивать литературу, которая есть далеко не в каждой библиотеке. Мы смогли поделиться сведениями о редких изданиях, скажем, по истории карикатуры, происхождению игрушки, организации Одесской киностудии, узнать больше о таких личностях, как Константин Скальковский, Сергей Уточкин, Сара Бернар, Гуго Риман (автор прекрасного «Музыкального словаря»), о французском ювелире Рене-Жюле Лалике, театральных деятелях Александре Кугеле, Сергее Радлове, актрисе Полине Нятко и многих других.

Конечно, ретро-литература и, в частности, старая одесская периодика отражают свое время: что-то в них устаревает на сегодняшний день, уходит злободневность шуток, но при этом никак не теряется значимость этих изданий, сохраняющих уникальные фактографические материалы, редчайший иллюстративный ряд, отличную одесскую рекламу – кладезь идей и для современных предпринимателей. Это важные документы при изучении истории Одессы, и они также могут быть школой для современных журналистов всех видов СМИ, ибо им выпадает миссия постараться так же талантливо отразить наше не менее сложное время.

В юбилейной книге альманаха хотим напомнить вам «избранные страницы» из публикаций минувших лет.

Двѣ розы.

Мнѣ жаль тебя, невянущій цвѣтокъ,
Что ты расцвѣлъ на проволочной вѣткѣ.
Душистый вѣнчикъ медленно поблекъ
Въ холодной вазѣ у твоей сосѣдки.

Но, отцвѣтая, помнила она
Ту блѣдную зарю, когда неслышно
Серебрянной росой окроплена
Она впервые распустилась пышно.

И помнила, роняя лепестки,
Немногихъ дней любовную усладу,
По вечерамъ усталую прохладу,
Часы покоя, нѣги и тоски.

А ты цвѣтешь въ углу, не отцвѣтая,
И жизнь твоя—безрадостная быль.
Твоя корона, огненно-пустая,
Росы не зная, собираетъ пыль.

Веніаминъ Бабаджанъ.

Одесса
Фотография

Шикарные дамы –
Живые рекламы:
Меха, бриллианты,
Чулки, кружева.
Такие ж брюнеты –
Крикливо одеты,
С иголочки франты,
Пуста голова.
Везде экспортеры
Ведут разговоры:
«Погрузка. Нагрузка,
Разгрузка. Вагон».
И вновь о вагоне
Звучит у Фанкони
Изысканный «русско-
Одесский жаргон».
У женщин беседы:
«Любовь до победы.
Измены. Амуры.
Влюблен. Влюблена».
И снова амуры,
И миниатюры,
И сердце культуры –
Кафе Робина.
Обычай здесь дикий:
Соперничать в шике.
Жизнь призрачно-ложна
И чувства плохи.
Но небо. Но море.
Но солнце. Но зори, –
За это ей можно
Простить все грехи.

Жак Нуар

Об одесском языке

«Человек – это слог» (по Бюффону). Речь одессита ярка, красочна, неглубока по содержанию, но эластична, остроумием не блещет, но иногда ослепляет или же ударяет в нос, подобно хорошей одесской сельтерской воде. Ощущение получается не то чтобы уж очень неприятное, но с непривычки не всякий переносит.

Прежде всего, заметим, что одессит – это особая разновидность людей, с национальностью нисколько не связанная; это русский, еврей, грек, армянин и т. д. Это всякий человек, не обязательно родившийся в Одессе, но, во всяком случае, настолько любящий этот город, что, находясь на Монблане или в лазуревом гроте острова

Капри, вдруг иногда вздохнет и скажет: ах, Одесса-мама!

Вот у детей этой мамы и существуют особые выражения; назовем их «одессизмами» в pendant к галлицизмам и т. п., словам и выражениям, свойственным определенным народностям и непереводимым на другие языки.

Многие одессизмы распространяются за пределы родного города, и их можно услышать в Маяках, Слободке-Романовке, Аккермане и даже Балте.

Приведу некоторые примеры.

Одессит говорит: «Я нечаянно лопнул стакан». Конечно, не нужно быть специалистом-филологом, чтобы заметить, что выражение это, с точки зрения русского языка, неправильно: глагол «лопнуть» не действительного залога, а потому после него не может быть прямого дополнения (стакан). Однако такая фраза имеет право на существование, ибо ее нельзя заменить другой, такой же краткой и имеющей тот же смысл.

Еще говорят в Одессе: «Я видел тетю вашу идти по Ришельевской улице». Здесь, очевидно, влияние французского языка. Сравните, например: Je vois vous chanter, что значит буквально: «Я вижу вас петь». Укажу еще на некоторые одесские фразы.

«Сема, не дрожи диван: ты лопнешь все пружины».

«Ходить пешком или ехать на трамвае – это две большие разницы».

«Вчера на улице была страшная мокрота».

Недавно, сидя в «Иллюзионе», я слышал, как один одессит обратился к громко разговаривающему соседу с замечанием: «Товарищ, вы мне мешаете впечатляться!». И это выражение мне очень понравилось, как новое, оригинальное и очень соответствующее.

Почему одесситу-южанину нельзя того, что можно Игорю Северянину, в особенности теперь, когда у нас равноправие?

Есть у нас один очень известный писатель. Русские писатели считают его еврейским, а еврейские писатели считают его русским. Так и не знали, куда его причислить, пока не открыли, что он пишет на чистейшем одесском языке. Среди его произведений есть «Распад», «Король», «Приключения Леона Дрея», «Комедия брака» и другие. Желающих поближе ознакомиться с одесским языком мы прямо отсылаем к этим произведениям (Семена Юшкевича. – **Ред.**). Это мы считаем тем более необходимым, что в Лазаревском институте восточных языков кафедры одесского языка пока еще не существует.

Маноля

Въ порту.

Хорошъ воскресный день въ порту, весной.
Возня лебедокъ не терзаетъ слуха.
На тепломъ камнѣ грѣется, какъ муха,
Рабочій, оглушенный тишиной.

Я радуюсь тому, что я одна,
Что я не влюблена и не любима,
Что не боюсь я солнцемъ быть палима
И стать смуглѣй кофейнаго зерна;

Что я могу присѣсть легко на тюкъ;
Вдыхать неуловимый запахъ чая,
Ни на одинъ вопросъ не отвѣчая,
Ничьихъ не пожимая нѣжно рукъ,

Что передъ сномъ смогу я тихо пѣть,
Потомъ сомкну, какъ дѣвственница, вѣжды,
И поутру нехитрыя одежды
Никто не помѣшаетъ мнѣ надѣть.

Вѣра Инберъ.

Двѣ шарады.

Кухарка говоритъ пожарному:

– Угадайте, что я вамъ загадаю.

– А что?

– Первую часть въ горшкѣ варятъ, вторую лѣтомъ ѣдятъ, третья я, а все цѣлое – какая я бываю, когда васъ вижу.

– Гм. Гм… что же это?

– Щи-слива-я!

– Угадайте мою теперь, – предложилъ пожарный: – первое въ горшкѣ варятъ, а второе съ нимъ вмѣсте тоже варятъ, а цѣлое – я принесъ.

– Ну, что же?

– Суп-рисъ – отвѣчалъ пожарный.

ЗНАМЕНИТОСТЬ.

Есть у меня знакомая одна старушка Л. Встрѣчаю это я ее на дняхъ и спрашиваю:
– А что?! Сынокъ то вашъ, старшой, удался?
– Какое удался? Горе мыкаю съ нимъ, да и только!
– Отчего такъ?
– Да вотъ поди ты – пишетъ!
– Такъ что?!
– А то, что мало въ Одессѣ, такъ еще въ другомъ городѣ знаютъ, какой онъ дуракъ!

Лапенсъ.

На одесском пляже. 1900 г.

Правила утонченнаго кокетства для дамъ порядочнаго круга.

Талiей надо маневрировать умѣло, чтобы ни одно ея движенiе или уклоненiе отъ перпендикулярной линiи не проходило для мужчинъ безслѣдно, и оставляло въ сердцахъ хотя бы искру любовнаго трепета.

Шею и трудь можно показывать на балахъ и вечерахъ, но только тѣмъ, у кого сiи части тѣла бѣлы и полны. Сухопарую, желтую или красную шею лучше прятать подальше, а если уже приходится показывать, то только въ фальсификацированномъ видѣ.

Игра шеей и бюстомъ составляетъ высшую школу женскаго кокетства, а потому тѣмъ дамамъ, у кого сiи предметы прекрасны – надо умѣло и талантливо утилизировать ихъ достоинства.

Многiя дамы любятъ носить корсетъ очень высоко, чтобы показать этимъ, что у нихъ большая грудь. Но этотъ обманъ сейчасъ-же обнаруживается, если посмотреть на даму сзади.

Ножки можно показывать только хорошенькiя... Дамы, у которыхъ ножки слегка напоминаютъ ножища бегемота, – должны ихъ стараться прятать и по возможности не выходить гулять въ дождливую погоду.

«Я васъ люблю!!! Я прошу вашей руки!!!»
– Я согласна отдать нам свою руку. Но только руку – не больше!

Улыбка много способствуетъ женскому успѣху... если у дамы зубы хорошiе. Увы! – если нѣтъ, то, mesdames, лучше прячьте улыбки ваши въ карманы.

Пожиманiе плечами – весьма соблазнительная мѣра для воздѣйствiя на сердца мужчинъ. Если у дамы хорошiя, круглыя плечи, то пожиманiе

ими всегда производить на мужчинъ свое пріятное дѣйствіе, какъ вообще всякое красивое движеніе женскаго тѣла.

Ногти надо держать въ полномъ порядкѣ и безъ траура, даже во время семейныхъ несчастій. Траурные ногти идутъ только царапающейся тещѣ.

Зубы надо держать въ порядкѣ, и на мѣсто выпавшаго – сейчасъ-же слѣдуетъ вставлять новый.

Въ танцахъ не надо забывать, что прикосновеніе играѣтъ въ любви огромную роль.

Дарить поцѣлуи слѣдуетъ безотчетно, страстно и незабвенно: холодные поцѣлуи слѣда не оставляютъ, и лучше ихъ попусту не разбрасывать.

Объясняться въ любви – первой не слѣдуетъ; но авансы дѣлать – обязательно.

Авансомъ называется: оставлять нѣсколько долѣе свою руку въ рукѣ кавалера, подмигивать ему глазками, значительно улыбаться, садиться къ нему поближе, слегка касаясь кавалера своимъ платьемъ, устраивать свиданія и т. п.

Карасубазарецъ.

СЧАСТЬЕ

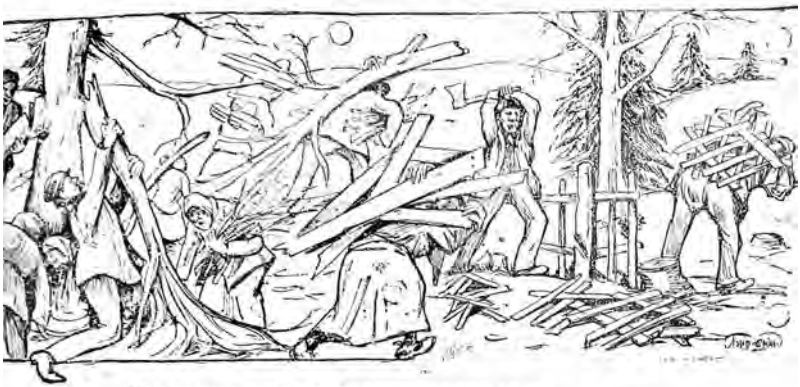
Из цикла «Несерьезные стихи»

От моря пахнет гвоздикой,
А от трамвая как будто кожей.
Сегодня, ей-богу, не дико
Ходить с улыбкой на роже.
Пусть скажет, что я бездельник,
Вот этот симпатичный дворник,
А мне все равно: понедельник
Сегодня или там вторник...
Во рту потухший окурок,
А в сердце радость навеки.
С табачной вывески турок
Прищурил толстые веки.
Смеяться? Сказать? — кому бы
Кому в глухое оконце?
Солдаты прошли, и на трубах
Кричало о счастье солнце...
А сверху, чтоб было жарче,
С балкона, где мопс на цепочке,
Осколком зеркала мальчик
Солнце разорвал на кусочки.

Юрий Олеша

ТРЕБУЕТСЯ
КомпаньонЪ
для очень выгоднаго дѣла.
Свѣдѣнія: Полицейская 37, кв. 3.

ОДЕССКІЯ КАРТИНКИ.



Рубка населеніемъ ботаническаго сада.

Вчера.

Вчера прибой у черныхъ скалъ дымился,
И звѣзды тлѣли въ пепелъ облаковъ,
Я такъ давно любовью не томился,
А такъ давно во мнѣ постъ любовь!
Звенятъ въ церквахъ. И надъ сосѣдней крышей
Заря чиста, огниста и свѣтла.
Я такъ давно колоколовъ не слышалъ,
А такъ давно поютъ колокола!

Валентинъ Катаевъ.

Одесситка.

(Изъ утерянной поэмы).

Нѣтъ словъ, стара моя попытка,
Но... новыхъ темъ подъ солнцемъ нѣтъ!
Цвѣтокъ Одессы – одесситка –
Стиховъ восторженныхъ предметъ.
Сорвавъ съ минувшаго завѣсы,
Ищу забытыя слова...
О васъ, о женщины Одессы,
Гремить до сѣвера молва.
И кто, въ безчувственности стойкій,
Сумѣлъ предъ вздохомъ устоять,
Прочтя у водъ холодной Мойки
Письмо съ ошибками на «ять»?
Когда-то пылкій Альталена
(Его Чуковскій такъ назвалъ)
Во мракѣ питерскаго плѣна
По вашимъ взорамъ тосковалъ.
И я, мятежныхъ чувствъ избытокъ
Съ трудомъ втѣсняя въ склепы строфъ,
Глаза прелестныхъ одесситокъ
Хвалить безъ устали готовъ!

О городъ – смѣсь племенъ и націй!
Ты, здравой логикѣ въ ущербъ,
Цвѣты прославленных акацій
Забылъ вплести въ свой юный гербъ.
Вотъ символъ города – кокетки –
Душистый цвѣтъ, покрывшій вѣтки
Подобьемъ легкаго снѣжка,
При первомъ вѣтрѣ пасть готовый,
Слегка хмѣльной, слегка дешевый
И... надоѣдливый слегка!..

Эмиль Кроткій.

Тоже одесситка.

В шести зеркалах

У меня есть мышонок, приятель негаданный
В моей комнате, очень похожей на склеп.
Он шатается пьяный от шипра и ладана
И от скуки грызет мои ленты и креп.

Он живет под диваном. И следит очарованный,
Как уж многие дни у него на глазах
Неизбежно и верно, как принц заколдованный,
Я тоскую в шести зеркалах.

Каждый вечер из-за шифоньерки березовой
Мой единственный, маленький друг
Деликатно просунет свою мордочку розовую
И, тактично вздохнув, отойдет за сундук.

Я кормлю его кексом и старыми сплетнями
О любовниках Муськи и танго гашиш.
Или просто делюсь впечатлениями летними
О моей неудачной поездке в Париж.

А когда я усну, он уж на подоконнике
И читает по стенам всю ту милую ложь,
Весь тот вздор, что мне пишут на лентах поклонники
О Пьеро и о том, как вообще я хорош.

И не видит никто, как с тоскою повенчанный
Одинокий, как сволочь в осенних полях,
Из-за маленькой, злой, ограниченной женщины
Умираю в шести зеркалах.

А.Н. Вертинский

Город

Многоцветные витрины,
Миллионы жадных глаз, –
Размалеванные Фрины,
Груди, плечи напоказ.
Как прилизанные крысы,
Семенят на каблучках
Современные Парисы
При усах и в котелках.
Фаты, купчики, гимнасты...
Шум, движенье, гам и звон...
Здесь разящие контрасты
Бьют в глаза со всех сторон.
Вот табло: у лавок модных
Рать бесштаников стоит...
Груды яств у тьмы голодных
Возбуждают аппетит.
Рай – удел смиренных духом,
Я не спорю, но пока
Их судьба – с голодным брюхом
Созерцать окорока.
Пятна пестрых объявлений:
«Фарс»... Спермины... Лампы «Блиц»...
Сколько ярких впечатлений,
Сколько серых слов и лиц!
Вот кокетка в экипаже,
С ней рядком – известный туз.
Рой девиц в ужасном раже
Льнет к любимцу местных муз.
Драка... жулика словили –
Правит суд городовой...
Крик: кого-то задавили –
Распростился с головой.
Ах, бедняк... А впрочем, что же!
Что жалеть тебя... увы!
В этом шуме все мы тоже,
Как и ты, без головы.

Эмиль Кроткий.

О женщинахъ

I.

Гейне упорно ухаживалъ за одной барыней, сначала кокетничавшей съ нимъ, а потомъ необращавшей на него никакого вниманія. Наконецъ онъ пересталъ за ней ухаживать.

— Вы, кажется, отказались отъ прежнихъ надеждъ? спросили его.

— Напротивъ; я только понялъ, что кокетка—та-же тѣнь: бѣгите за ней, она побѣжитъ отъ васъ; но попробуйте бѣжать отъ нее и вы увидите, какъ быстро она за вами погонится.

II.

— Я могу похвастаться, что знаю женщинъ, сказалъ однажды Наполеонъ г-жѣ Сталь.

— Вы много берете на себя, государь.

— Ничуть. Я наблюдалъ ихъ и охарактеризую четырьмя словами: добродѣтельная женщина говорила мнѣ — «нѣтъ». Страстная и легкомысленная—«да». Капризная—«да» и «нѣтъ». Кокетка—ни «да», ни «нѣтъ».

Кто она?

ОДЕ-ржима недостаткомь:
С-ыплетъ фразами безъ толка...
СИ-льно чтитъ Парижа моду...
ТКА-ни носить лишь изъ шелка.

МЕРИ.

Никто не сравнится красою туманной
Съ прелестною Мери, мечтою желанной.
Ищите, ищите, найдется ль одна,
Которая съ Мери сравниться годна.
Съ блистающей Мери, усталой и нѣжной,
Томительно нѣжной, всегда безмятежной,
А эти фіалки, фіалки очей,
Что тихо сіяютъ средь звѣздныхъ огней!..
Въ нихъ тайная прелесть, въ нихъ радость, мечта.
И трепетно манятъ, туманять уста.
О, нѣжная Мери, всегда и всегда
Ты свѣтло прекрасна, а вамъ никогда
Безумные люди, такой не найти.
Въ ней радость и нѣжность, и къ счастью пути...

Анатолій Фіолетовъ.

Усталость.

П. Краснову.

Я усталъ, ничего не дѣлая,
Отупѣлъ, безпрерывно думая,
Оттого и гляжу угрюмо я
И душа, какъ страница бѣлая.
Растерялъ я слова красивыя,
Бьются мысли мои въ истерикѣ...
Можетъ быть, мнѣ нужна Боливія?
Можетъ счастье мое въ Америкѣ?
Или въ знойныхъ пескахъ, подъ пальмою,
Вновь верну я мечты узорныя
И сумѣю унять печаль мою,
Распустившую крылья черныя..
Я теперь въ своей скучной спаленкѣ
Жизнь аскета веду угрюмую,
Поглощенный упорной думою:
Почему я не умеръ—маленькимъ?..

Ж. Топузъ.

Пародія на романсь.
(Изъ пережитаго).

Сіяла ночь такъ ясно, такъ невинно.
Сидѣли мы вдвоемъ въ гостиной безъ огней:
Я не сумѣлъ достать ни капли керосину,
Хоть и въ восьми хвостахъ торчалъ я восемь дней.

Хотѣлось озарить хоть свѣчкой наши встрѣчи
И вам глядѣть въ глаза, забывъ о суетѣ.
Увы, мой милый другъ, кусались страшно свѣчи,
И намъ пришлось сидѣть, конечно, въ темнотѣ.

Сіяла ночь, суля сердцамъ отраду...
Хотѣлось чаемъ васъ хотя бы угостить;
Но не было, увы, ни крошки рафинаду
И не было огня, чѣмъ воду вскипятить.

Хотѣлось доказать, какъ вашъ приходъ мнѣ дорогъ:
Дать съ масломъ хлѣба вамъ, волнуясь и горя;
Но стоилъ масла фунтъ, повѣрите ль, три сорокъ,
И мнѣ пришлось вамъ дать кусочекъ сухаря.

Сіяла ночь такъ чисто, вдохновенно.
Сидѣли мы, дрожа въ галошахъ и въ пальто:
Я не сумѣль достать ни одного полѣна
И фунтъ угля хотя бъ мнѣ не принесъ никто.

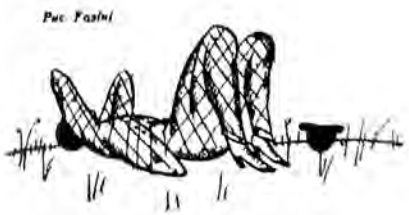
Отъ холода къ словамъ любви мы были глухи:
Любить въ такой морозъ едва ли благодать.
И такъ хотѣлось мнѣ достать кусокъ макухи.
Прижать къ груди и съ нимъ оть счастья зарыдать...

Тузини.

* * *

Когда вечерній чай съ вареньемъ въ
теплыхъ булкахъ
И крѣпокъ и душистъ—мнѣ любо
вспоминать,
Какъ было хорошо въ приморскихъ
переулкахъ
Въ оранжевой листвѣ шелковицу
искать...
О, дѣтство давнее! О, краденыя
дыни
И капитанъ Майнъ-Ридъ, въ тѣ
дни наивныхъ вѣръ,—
Когда на берегу, бродя по красной
глинѣ,
Я, замирая, ждалъ разбойничьихъ
галеръ...
И такъ прошли года, опьянные пылью
Да запахомъ садовъ, легки, какъ даль-
ній звонъ,
Чтобы всплывать во снѣ неуловимой
былью,
Изъ розовой страны, гдѣ яркій сбыл-
ся сонъ...

Юрій Олеша.



ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Путешествие

360 **Екатерина Безпалова**
Ода Суэцкому каналу

Екатерина Безпалова

Ода Суэцкому каналу

30°42′18″ с. ш. 32°20′39″ в. д. / 30.705° с. ш. 32.344167° в. д.

Стаи дней и ночей
Надо мной колдовали,
Но не знаю светлей,
Чем в Суэцком канале,
Где идут корабли
Не по морю, по лужам,
Посредине земли
Караваном верблюжьим…

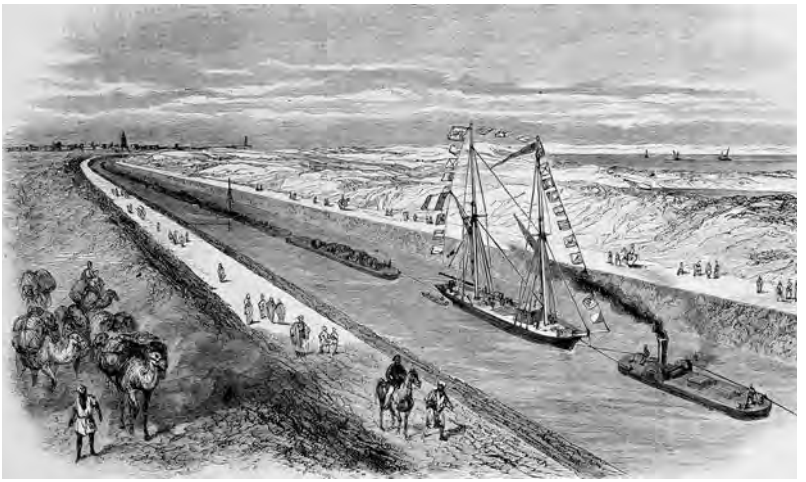
Н.С. Гумилев

Тень от вибрирующей лампы на штурманском столе отражалась на карте большой тучей, нависшей над всем Суэцким каналом, доселе не видавшем таких ливненесущих чудес. Одним движением руки туча была отправлена далеко на восток, а судно продолжило следовать заданным курсом по направлению к Аденскому заливу, уже прославившемуся во всем мире в связи с бурной деятельностью аборигенов, возомнивших себя непобедимой угрожающей террористической силой, вгоняющей в страх все мировые державы чисто теоретически и моряков всех стран и национальностей на реально существующей практической основе. А ведь каких-то лет двадцать назад мои приятели, живущие в черноморской Одессе, с неподдельным удивлением в глазах слушали шокирующие истории о том, что пираты существуют и поныне, а не закончили свое земное существование с Генри Морганом, Фрэнсисом Дрейком, Себастьяном Перейрой – Негоро, капитаном Крюком и Джеком Воробьем.

Минутной стрелке судовых часов оставалось проделать последний оборот и перескочить в новый день, оставив мою вахту позади, обозначив ее окончание последней промежуточной точкой на карте и соответствующей записью в судовом журнале. Осмелюсь поставить под сомнение справедливость суждений о том, что судовой быт однообразен, и каждый новый день напоминает предыдущий и последующий. Едва ли можно назвать какую-то другую работу, которая в прямом смысле слова позволяет находиться в непрерывном динамическом движении, постоянно преодолевая расстояние от порта до порта длиною в сотни и тысячи миль, изменяя свое физическое местоположение на глобусе ежесекундно. Любой член экипажа, как бы он ни был занят своими прямыми должностными обязанностями, может легко найти ежедневно несколько минут, чтобы уловить какой-то прекрасный момент, который природа преподносит безвозмездно двадцать четыре часа в сутки. При благоприятной погоде, находясь на пути следования, всегда есть один закат и один рассвет. Не каждый человек, живущий даже на берегу, имеет

постоянную возможность наблюдать это столь банальное и настолько же удивительное явление во всей красе ежедневно. Будь на месте любого моряка англичанин Вильям Тернер, или нет, лучше Айвазовский, написавший около шести тысяч картин за жизнь, он просто рисковал бы сойти с ума, поскольку стал бы писать не две-три картины в неделю, а по две на день. Пурпурный диск солнца в северных широтах, медленно льнущий к линии горизонта на закате и плавно разрезающий холодное темно-синее пространство под ним. А уже через несколько дней, выйдя на палубу с противоположного борта, видишь огромную малиновую тарелку, быстро ускользающую вниз из розово-сиреневой бесконечности, чтобы мгновенно раствориться в теплых водах южных широт и до рассвета числиться затонувшей.

Судовой тик-так просигнализировал завершение вахты и напомнил, что луна уже давно заняла свое законное место, бросив широкую почти ксеноновую дорожку на черную морскую магистраль. Настало время романтических размышлений. Чем



еще заняться, стоя в очереди, чтоб попасть в конвой для прохода Суэцкого канала? Как какой конвой? Самый обычный convoy, объяснили мне бывалые, очень удивляясь тому, что я обозвала конвой караваном. Не став грузить моряков своей лекцией о «ложных друзьях переводчиков», я спустилась в каюту.

Почему Горькое? Почему озеро? Почему посередине канала озеро? Почему Суэцкий, а не Саидский, если начинается с Порт-Саида, а закачивается в Суэце? Интересно, сколько моряков, проходя Суэцкий канал десятки раз, мимолетно задают себе эти вопросы? Никто не прокалывает себе уши и не делает особых татуировок по случаю пребывания в водах Суэцкого канала, но этот эпизод никоим образом нельзя назвать непримечательным. То, что Суэцкий канал – искусственный судоходный канал в Египте, соединяющий Средиземное и Красное моря, положено знать любому школьнику, детали же подскажет любой справочник – «имеет длину в 193 (162) километра, ширину 205-225 метров, глубину до 24 метров». Самобытным и колоритным Суэцкий канал считают многие, но вряд ли задумываются о величии этого гениального изобретения. А зря: между прочим, лишают себя достойной возможности насладиться соприкосновением с одним

из рукотворных чудес, поныне существующих и процветающих. Тончайшая ниточка, ставшая условной границей между Африкой и Евразией. Кратчайший водный путь между Индийским океаном и акваторией Средиземного моря Атлантического океана. После его строительства суда смогли попадать из Европы в Азию, не огибая Африку.

Со слов моих коллег по экипажу собирательный образ Суэцкого канала получился вот таким: «Подойдя ко входу в канал, мы бросили якорь в ожидании конвоя. Для тех, кто не в курсе, канал столь узок, что суда могут проходить только поочередно в одном направлении. Ожидание проходит в условиях локального колорита. Лодки и катера местных торговцев атакуют судно в страстном желании коммерческих сделок. Владея английско-арабско-русским суржиком, местные навязчиво предлагают с доставкой на борт всевозможные местные товары за любую валюту и по бартеру. Двадцать долларов или банка судовой краски – и «РолеХ» твой, металлолом – на папирусы, б/у одежда или мыло – на арахис и каркаде, да и что угодно на что угодно. Важно только не проморгать, чтоб судовое что угодно не тиснули в процессе товарообменных отношений. Пока экипаж борется за сохранность судового имущества, капитан готовит презенты для агентов и властей. Это исконная не оспариваемая местная традиция. Судно штурмуют пройдохи всех мастей и целая орава представителей карантинных и эмиграционных властей. Все что-то клянчат. Дождавшись своего конвоя, суда выстраиваются в очередь-караван и со скоростью не более десяти-одиннадцати узлов в сопровождении лоцмана следуют до Горького озера.

Все лоцманы Суэцкого канала позиционируют себя самыми великими проводниками на всех морях и океанах и требуют к себе соответствующего отношения, выражаемого в нескольких блоках «Мальборо», «Нескафе» и желательно печенья в жестяных банках. Пожилые бывалые лоцманы могут изъясниться на ломаном русском. Помимо лоцмана на борт поднимаются шлюпочники вместе со своей лодкой и местный электрик. Местный электрик якобы ответственен за то, чтоб судовой прожектор, установленный на судне специально для прохождения канала, исправно работал. Египтянин всегда готов предложить и свой

прожектор за бакшиш, а если что-то вдруг пойдет не по плану, то во всем все равно будет виноват судовой электромеханик. Шлюпочники выполняют пассивную и активную функции. Их пребывание на судне необходимо на тот крайне неприятный случай, при котором судно по тем или иным причинам во время следования в конвое окажется неспособным осуществлять дальнейшее движение, и его потребуется немедленно пришвартовать вдоль песчаных берегов канала, никоим образом не оборудованных для сего малоприятного мероприятия. При благоприятных обстоятельствах шлюпочники и электрик занимаются активной торговлей на палубе или внутри выделенных им помещений, клянчат еду и кока-колу. Их торговая деятельность негласно, но достаточно однозначно одобряется египетскими властями и является традиционной. В ассортименте обычно местные египетские сувениры: папирусы-анубисы-сфинксы-пирамиды-тутанхамоны-клеопатры, восточные сладости, каркаде, арахис,

китайский электроширпотреб. Предприниматели принимают любую валюту, включая слабо конвертируемые гривны. Другие предприниматели, шипшандлеры, доставляют к борту судна на катерах снабжение и провизию. Вот-вот еще начнется бункеровка. Одним литературным словом точно не опишешь происходящее… Кругом кипит сумасшедшая суета. В Горьком озере судно обычно бросает якорь на несколько часов, а затем продолжает двигаться дальше по каналу, сдает электрика, шлюпочников. Последним покидает судно лоцман с «Мальборо»-«Нескафе»-трофеями. Когда-то Суэцкий канал даже шутя называли Marlboro canal. В общих чертах как-то так.

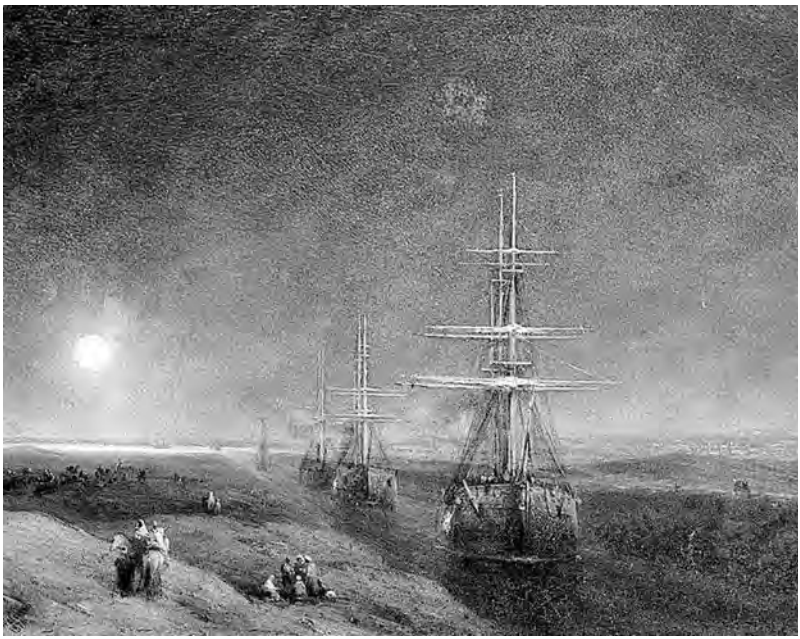
Мне же все-таки хотелось разглядеть в этой суматохе что-то прекрасно-великое. Например, вспомнить, что еще Размес II и его последователи видели явную экономическую выгоду в строительстве Суэцкого канала, или скорее его предшественника – «канала Фараонов», связывавшего Суэцкий залив Красного моря с Нилом. Хотелось даже поспорить с Аристотелем, отмечавшим, что на самом деле фараоновский проект провалился. Впрочем, как и позднее венецианский, османский и наполеоновский. Бонапарт потратил десятки миллионов франков на проект строительства канала, соединяющего Средиземное и Красное моря, но, потеряв интерес к завоеванию Египта в целом, потерял и интерес к проекту в частности. К концу XIX века другой француз – консул, аристократ и дипломат Фердинанд де Лессепс, завершил сложные инженерные расчеты и с одобрения египетской и турецкой сторон основал в Париже компанию по строительству Суэцкого канала. Лессепса не смутило то, что его приятель Ротшильд умолял его не заниматься этим проектом. Египетское правительство получило сорок четыре процента всех акций, Франция – пятьдесят три процента, и три процента приобрели другие страны. По условиям концессии акционерам полагалось семьдесят четыре процента прибылей, Египту – пятнадцать процентов, основателям компании – десять процентов. Ее основной капитал равнялся двумстам миллионов франков. В обещанный Лессепсом шестилетний срок построить канал не удалось. Вначале работы проводились с использованием принудительного труда бедных слоев населения Египта, позже к ним присоединились сотни

паровых машин и земснаряды, но строительство продолжалось одиннадцать лет. Общая стоимость канала к 1872 году достигла четырехсот семидесяти пяти миллионов, а к 1892 году – пятисот семидесяти шести миллионов.

За семь лет до официального открытия канала проштрафившийся мичман с корвета «Ястреб» Александр Ковалевский был направлен в Египет, и 29 марта 1862 года в «Одесском вестнике» он сообщал о преимуществах строящегося канала для международного судоходства и Новороссийского края в частности.

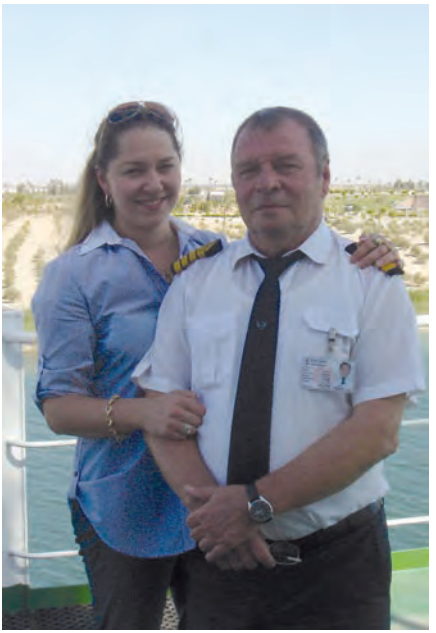
Канал был торжественно открыт для судоходства 17 ноября 1869 года проходом сорока восьми судов. Фрегат посла Великобритании уступил яхте французской императрицы право возглавить конвой, а в середине парадного конвоя были и два одесских парохода со ста двадцатью пассажирами. На борту «Генерала Коцебу» присутствовали адмирал Н. Чихачев, Н. Соллогуб и И. Айвазовский. По случаю открытия канала итальянскому композитору Джузеппе Верди была заказана опера «Аида». В Египет приехали императрица Франции Евгения (супруга Наполеона III), император Австро-Венгрии Франц Иосиф I с министром-президентом венгерского правительства Андраши, голландский принц с принцессой, прусский принц, Золя, Готье, Ибсен. Прежде Египет не знал таких торжеств и не принимал так много высокопоставленных европейских гостей. Празднование длилось семь дней и ночей и обошлось хедиву Исмаилу в двадцать восемь миллионов золотых франков. И только один пункт программы торжества не был выполнен: известный итальянский композитор Джузеппе Верди не успел закончить заказанную по этому случаю оперу «Аида», премьера которой должна была обогатить церемонию открытия канала. Вместо премьеры в Порт-Саиде был устроен роскошный бал, а чуть позже внешние долги Египта привели к тому, что канал стал французско-британским, а потом чисто британским.

Тем не менее Айвазовский успел создать целый цикл работ, посвященных открытию Суэцкого канала. Говорят, что, приехав в Каир и показав Верди свои работы, он смог убедить того завершить работу над «Аидой». Египетское турне очень впечатлило художника. В воспоминаниях он делится эпизодом,



И. Айвазовский. «Суэцкий канал»

свидетелем и участником которого стал. «Когда наш пароход входил в Суэцкий канал, шедший впереди его французский пароход сел на мель, и пловцы принуждены были переждать, покуда тот снимется. Эта остановка длилась часов пять. Была прекрасная лунная ночь, придававшая какую-то особенную, величавую красоту пустынным берегам древней страны фараонов, отторгнутую каналом Лессепса от азиатского материка. Чтобы скоротать время, пассажиры русского парохода устроили импровизированный вокальный концерт: г-жа Киреева, обладая прекрасным голосом, приняла на себя обязанность запевалы; стройный ход подхватывал. И вот на берегах Египта звучали песни о «матушке Волге», о «темном лесе», о «чистом поле» и понеслись по волнам, осеребренным луною, ярко светившею на рубеже двух частей света».



SAFETY FIRST

По Константинопольской конвенции 1888 года судам всех государств разрешался транзит канала в мирное и военное время. В 1956 году президент Египта Гамаль Абдель Насер отвоевал и национализировал Суэцкий канал на радость счастливым потомкам фараонов.

Моему воображению не удалось разместить всю эту разодетую публику на пустынных бежевых берегах канала. Проскользнула лишь мысль о том, что мой дедушка не раз ходил этой же дорогой в восточные края, скорей всего, всматриваясь в те же изгибы канала. Наверное, он не мог себе представить, что его дочка так воспитает меня, что я буду тоже смотреть с капитанского мостика на ту же картинку. Для моего папы этот проход канала был, кажется, восемьдесят девятым. Пройдет каких-то пару лет, и египтяне расширят центральную часть канала на тридцать пять метров, что позволит «караванам» ходить навстречу друг другу с 2015. С юга на север суда будут следовать по старому руслу, а назад – по новому. Время ожидания при проходе по каналу значительно уменьшится, а пропускная способность увеличится с сорока девяти до девяноста семи судов в сутки.

К 2022 уже мало кто будет помнить о пятнадцати иностранных судах «Желтого флота», застрявших в Горьком озере в 1967-1975 в результате шестидневной войны, приведшей к семилетнему закрытию Суэцкого канала с необходимостью последующего разминирования. Скоро забудется и сенсационная посадка на мель огромного контейнеровоза «Ever Given», блокировавшего в прошлом году на шесть дней оживленный судоходный канал. Десять лет спустя я подзабыла, почему именно якорь не хотел отдаваться в Горьком озере, почему рулевой матрос внезапно потерял сознание, стоя на руле в «конвое», но точно помню, что лоцман хвастался красотой единственного достойного здания – королевского дворца, тем, что под каналом проложен скоростной тоннель, а один из двух мостов считается самым длинным поворотным мостом в мире, тем, что в 2011 году через Суэцкий канал прошло 17799 судов, при этом на транзите судов египетские власти заработали 5,22 миллиарда долларов. Вот где оно, настоящее египетское счастье! Какие там Шарм-аль-Шейх и Хургада вместе с пирамидами-луксорами-карнаками, Александрийскими библиотеками и маяками!

В трехстах метрах от канала можно разглядеть сорокаметровый монумент, посвященный защитникам Суэцкого канала в Первую мировую войну и возведенный в 1930. Французские скульпторы выполнили его из сардинского гранита. Стилизованные восьмиметровые гранитные скульптуры олицетворяют разум и силу, а просвет между пилонами символизирует Суэцкий канал. Памятник Автомату Калашникова остался позади, в Исмаилии. Говорят, что этот монумент был возведен в благодарную память основному оружию, когда-то остановившему израильскую агрессию, но исходя их того, что он официально называется «Памятником защитникам Исмаилии во время Войны Судного дня» (Арабо-израильская война 1973 года), легенда происхождения известна лишь неизвестному мне скульптору. Хорошо помню, что хотелось взглянуть с моря на два затонувших судна, привлекавших когда-то внимание с шезлонга в Шарме, но от усталости в ушах играла «Аида», и даже померещился Экрюль Пуаро, расследующий смерь не на Ниле, а на Суэцком канале. Это был тот морской день, когда от напряжения и усталости засыпаешь, едва дойдя до каюты. А завтра… Завтра был тот день, когда от бездеятельности можно было деятельно помечтать, но это уже совсем другая морская история.

Ах, Одесса

372 **Григорий Яблонский**
Был новый день войны

375 **Евгений Ушан**
Иронические строки

379 **Марина Линда**
Город моего сердца

Григорий Яблонский

Был новый день войны

Юбилей под звуки сирен

Отмечали какой-никакой, но юбилей – полвека с момента рождения хоть не местного, но известного, не забытого даже из-за начатой врагами войны литературоведа и критика Аникина. Особых приглашений не было – сам Кропарев, а также Бабич и Омельчук под вой сирен нашей поднебесной обороны явились куда надо и в назначенный час, задолго до темноты комендантского.

Трамваем доехали, ногами дошли. Виновника события долго искали, но нашли! Открыли и откупорили принесенное. Всё как положено в наших авторских, а тем более критических междусобоях. Складчина, магазин, тяжесть в руках – самый молодой донесет, помучится, остальное как получится.

Приподнимаясь для первого тоста, лидер компании Кропарев начал свою выношенную речь о той особой роли, которую наш дорогой Аникин сыграл не только в развитии, но и в самой жизни здешней писательской организации. При этом сам тостующий таки сумел показать свой явно глубокий дух и слегка расслабиться усталой позой, когда остаканился первой полной дозой и стал закусывать с народом своим весомым бутербродом.

– А вот чего мне хочется ос-собо подчеркнуть, – насыщался Кропарев, вновь обретая свой известный в здешних творческих кругах «выступальный» дар, – так это пр-рыстальное внимание еще начинавшего крытика Аникина к твореньям своих старших товаришей. Напомню первую же его крры-тичную заметку – и на кого-чего?! На мой самый крупный тогда роман «Радужныи горизонты». Ну и как он на него отры-агировал – как?! Своим подколом: «И где тут спектр в романе сером, голом?». Как вспомнишь, так и вздрогнешь!..

И вот тут, когда хотели вздрогнуть по второй, донесся вдруг сирены вой!.. Да такой, что замерли между собой, ожидая с недопитыми стаканами отбой. И только опытный закусывать и допивать здешний лидер не позволил долго ждать:

– Свое н-новое лит-полотно… – вспомнил он, – я ж творил уже как голова нашего… п-пэнь-клуба! Но и такой крычащий факт не помешал нашему еще з-зеленому литератур-вэду и крытику отозваться на мой глубоко идейный заголовок романа «Мы все ходили тут под красным кумачом» со своей пэрэ… строечной рыфмой: «И теперь вам, значит, сырость нипочем?». Ну да… Извиняюсь, не сырость, а серость, вот так ее и выдал наш Аникин с едучим знаком вопроса в прэссе выше нашего пень-клубовского спроса!..

Чтобы как-то разбавить биографию этого Аникина его короткой судьбой, решили сразу наливать под третий тост – и тревоги отбой.

– Ну а как с твоей поэм-кой, Фили-мон Про-хорыч, – прожевал Кропарев Бабичу, – чего с твоими «Районными бабами» сотворил наш Аникин? От одной фразочки той его ры-зензии затрясет: «Простят ли наши женщины такую литпакость?».

Бабич затрясся и пролил мимо своего стакана.

– З-зачем же вы так?! – позволил себе обратиться уже к самому виновнику Кропарев. – Зачем вместо того, чтоб нежно пес-товать и щедро ли-леять рядом творрящих, как это делали все наши совковыи литведы, чего вы, Аникин, на нас накликали беды, обзывая наши творренья «партийной пеной» и другими епититами, не говоря уже про эти ваши, как их… мета-хворы! Не можете ответить, а?!

Юбиляр не отвечал. Бабич кое-как разлил оставшуюся водку. Уже не шла, но кое-как залили.

– А тогда ж!.. – не обращая уже внимания на остатки закуси побагровел Кропарев, – вы ж, откуда-то взявшийся в нашей местности крытик Ани-кин, продолж-жали запускать свои кры-тичскии стрэлы и даже ставить вопросы о наших тираж-жах, «как партийную бездарщину на порченых дрожжах» – мол, не продается такое-сякое книжное! И это ж – про нас, про уже впис-санных тогда в литфонд писсателей!.. Про признанных в нашей области мэтров пера!.. Так чего у нас теперь война – из-за чего она?! Чё молчите, Ани-кин?!

Юбиляр молчал. Бабич дрожащей рукой разбрызгал последние капли из оч-чень большой водочной бутылки. Вокруг да около.

– То-то же!.. – с трудом поднялся на ноги Кропарев и выдал собственный «ахворизм»: – Какой ты нам бальзам, такой мы тебе и фе-миам!..

– Н-надо бы убрать тут… – еще раз вздрогнул Бабич.

– Его уб-билей – пусть и убирает. Пошли отсюда!..

– А к-куда идти?.. – проговорил, озираясь, автор первого самоизданного сборничка Омельчук.

Густые сумерки опускались с неба, становясь комендантской темнотищей на кладбище. И только вновь заботливо завывшая сирена напомнила, где выход.

Евгений Ушан

Иронические строки

* * *

В песках горячих Ланжерона,
Где дамы в стрингах от-кутюр,
Я встретил старину Делона
И молвил вежливо: «Бонжур!»
Наверно, был Делон под мухой,
А может, понял не вполне –
Он потрепал меня за ухо
И двадцать гривен подал мне.
И я, купюрой окрыленный,
Пошел в распивочный подвал –
Побольше б нам таких Делонов,
Чтоб люд с похмелья не страдал.
И все ж меня обида мучит:
Я беден, а Делон – магнат.
Мог дать купюру и покруче,
Хотя бы евро пятьдесят.

* * *

Где только я не спал по пьяни:
В тарелках с яблочным пюре,
Храпел в заморском пармезане
И даже в паюсной икре.
Я пил в кафе и на пленэре
И спал в канавах без затей,
И на моем дурном примере

Учили матери детей.
Пусть я не нажил миллионов –
Не бесполезна жизнь моя.
Ведь сколько будущих Платонов
И доморощенных Ньютонов
Я отвратил от пития?
Недаром жил я на планете,
Добра от ближних не тая –
Как хорошо, что есть на свете
Такие граждане, как я!

* * *

Живем мы мирно со старухой,
У нас с ней полный паритет –
Она меня ударит в ухо,
А я по шее ей в ответ.

Коль бьет, то, значит, любит пылко,
И мы так любимся всерьез:
Она меня по лбу бутылкой,
А я ей поварешкой в нос.

А после мы в изнеможенье
Лежим в истоме и молчим –
Какое все же наслажденье –
Такой изысканный интим.

И, связаны любовью прочной,
Горя от страсти неземной,
Мы презираем секс порочный
И не хотим любви иной.

* * *

Построить загородный дом
Я предложил супруге.
Чтоб был там сад и водоем,
И флигель для прислуги.
Но выбрать было нелегко:
Мы так и не решили –
Построить в стиле рококо
Или в романском стиле.
Но вспомнив заработок наш,
Мы смету изменили:
В расход пошел второй этаж,
Исчезли флигель и гараж,
Колонны сократили –
И мы построили шалаш
В постафриканском стиле.
Пусть не позвать в шалаш друзей –
Плясать в нем несподручно,
Но нам с женой и без гостей
Не будет ночью скучно.

* * *

Июль, пора бесстыжая –
Грешное бытие.
На речке дева рыжая
Купалась без бюстье.
Как Ева первозданная,
Не ведая стыда,
С каких небес, желанная,
Спустилась ты сюда?
Любовь пришла непрошено,
Как молнии ожог,
И я позвал хорошую к себе
На файф-о-клок.

Зарделась вишня спелая,
Сказала: «Не могу.
Я тело свое белое
Для мужа берегу.
Я в этом деле строгая –
Пусть страсть тебя не жгет.

Ну разве грудь потрогаешь,
Но денежки вперед.
Ох, времечко бесстыжее!
Погряз в распутстве свет!

И я ушел обиженный,
Сказав блуднице: «Нет!»
Таких конкретных девушек
В стране у нас завал –
И все же жаль, что денежек
Я в этот день не взял.

Марина Линда

Город моего сердца

Я не получила ее в дар при рождении. И не впитала с молоком матери. Я повстречала ее, уже повзрослев. И в ту самую минуту она ворвалась в мою жизнь, изменив ее навсегда. Теперь я думаю, что мы были предназначены друг для друга изначально, просто Вселенная немного отложила нашу встречу для большего эффекта.

Впервые ступив на перрон одесского вокзала, я растворилась в этом воздухе, и с тех пор, в какой бы точке мира я ни находилась, он витает в моей голове, струится по венам, окутывает кожу. Через какие-то промежутки времени запас его начинает беднеть, и я знаю: пора возвращаться.

В чем секретный код этого города? Я не знаю. Разве можно объяснить, за что любишь? Этот город нужно увидеть, а увидев – почувствовать. И тогда все становится просто и понятно.

Если плохое настроение – значит, нужно ехать на море. И нырнуть поглубже, так, чтобы животом по песку. И слушать воду. А еще можно бродить по линии прибоя, отпуская все заботы в махровую пену и переминая пальцами песок. Или с разбегу броситься в волны с пирса, так, чтобы потом еще долго прыгать на одной ноге, вытряхивая из ушей морскую воду вместе с неприятностями.

А если давно не улыбался – значит, нужно ехать в город. И идти в его самое сердце – в одесские дворики. Туда, где небо запуталось в бельевых веревках. Где даже развалины и ветхие наружные лестницы смотрят на всех самоуверенно и слегка вызывающе. Где в окнах постоянно что-то шкварчит, петунии в вазонах пахнут жареными бычками, а дамочки в халатах и тапочках выходят не только в магазин, но и в кафе. Туда, где живет самое счастливое в мире племя – одесские коты. Самые вальяжные, упитанные

и хамовитые уличные коты, других таких нигде не встретишь. Они имеют себя за хозяев во дворах и – уж будьте уверены – измерят вашу стоимость в сосисках незамедлительно. Не успеете глазом моргнуть, как они раскрутят вас почище вокзальных гадалок.

А если в организме вдруг случится дефицит романтики – значит, нужно дождаться ясной безлунной ночи и обязательно самым таинственным образом пробраться на опытную площадку Гидрометцентра, что на Французском бульваре. Нет, не для опытов. Просто ночью, особенно безлунной, там случается чудо: звезды соприкасаются с морем. Чтобы чудо произошло, нужно взять с собой любимого человека, встать вдвоем на самом краю обрыва, раскрыть пошире сердца, и тогда ночное море поглотит звезды и перельется пьянящим потоком в самый сладостный поцелуй в вашей жизни.

Еще можно бродить под желтыми фонарями и пинать ногами платановые ежики. А если повезет, и город окутает туман, тогда непременно нужно бежать на Приморский бульвар через Тещин мост, Колоннаду и Воронцовский дворец, чтобы потом медленно пробираться сквозь гущу напоенного морем воздуха, пока в клубах его не покажется Пушкин. Идти, удивляясь изгибам платановых веток и отвечая сердцем на гудки маяка.

А еще в Одессе есть Фонтан без фонтанов, Стена без дома, Староконный рынок без лошадей. И, конечно же, Привоз. Кто-то считает, что Привоз – это сердце Одессы. Я же думаю, что Привоз – это ее совесть. Ибо нет более душевного и искреннего базара на свете.

Да, Одессу нужно видеть. И слышать. И не спорьте. Она дышит свободой. И эта свобода пьянит, как эликсир, один глоток которого заставляет мыслить, творить, мечтать.

А ее люди? Они же улыбаются! Да, порой грустят и злятся, иногда скрипят зубами и сжимают кулаки. Но улыбаются – что бы ни сотрясало мир вокруг! Под магией этих улыбок рушатся горы с плеч и камни с сердца. Становится ясно, что все мы вместе – плечом к плечу, что все развеется, как летняя гроза. Но всегда будет сиять улыбкой Бога такая мудрая и вечно юная неповторимая Одесса.

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Я за жизнь без цифр 6

Юрий Михайлик
Желтый камень 9

Под звуки воздушной тревоги

Галина Крюк
Шлях 12

Евгений Майков
Одесса, ты как? 13

Анна Михалевская
Цветы, которые взойдут 19

Елена Андрейчикова
Прошу, поговори со мною о войне 22

Виктория Коритнянская
Ангелы на войне 26

История, краеведение

Андрей Добролюбский
Археология подземной Одессы 30

Галина Семыкина
«…познакомился с очень милым человеком, М.А. Дохтуровым» 44
М.А. Дохтуров
Отрывки из поэмы М. Д. 51

Александр Бирштейн
Канава 60

Олег Губарь
Пара чая для одессита 66

Одесский календарь

Анатолий Глущак
О войне, об Одессе и о море 72

Проза

Наиль Муратов
Живое пиво и метавселенная 76

Алекс Сино
Вам и не снилось, или Once Upon a Time in Miami 105

Ирина Озёрная
Держи осколок 117

Ольга Лесовикова
Вдень нитку в иголку 133

Елена Андрейчикова
Не береги себя 136

Поэзия

Юлия Пикалова
Не убий 140

Елена Михайлик
Поднебесный глаз 152

Александр Щедринский
Когда бы меня целовала 156

Елена Зимняя
Война 163

Майя Димерли
Только радость впереди 168

Евгения Печенегова
Из цикла «Жизнь» 170

Искусство – жизнь – искусство

Марк Яковлев
Dora 172

Елена Погорельская
Памяти друга и соавтора 201

Елена Каракина
Свидания с поэтом 206

Евгений Деменок
Украинское искусство в Венеции 215

Вадим Перельмутер
Поэт Причерноморья 225

Феликс Кохрихт
Душа моя Мещанская 253

Виктория Коритнянская
Художники Силин и Ковшаров 265

Валерий Романов
Первая скрипка 281

Борис Эйдельман
«А напоследок я скажу…» 288

Публикации

Алена Яворская
«И льются радостные строки, И верю я опять в мечты…» 302

Вениамин Бабаджан
Из неопубликованного 306

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Ты грустишь, но о чем? Не о прошлых ли днях?..» 332

Путешествие

Екатерина Безпалова
Ода Суэцкому каналу 360

Ах, Одесса

Григорий Яблонский
Был новый день войны 372

Евгений Ушан
Иронические строки 375

Марина Линда
Город моего сердца 379

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 90

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 90

Издается с 2000 года

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 26.07.2022
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 100 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «ТакиБук»
Украина Одесса, ФЛП Карпенков О.И.
Свидетельство ОД № 121 от 20.01.2003 г.
E-mail: takibook.odessa@gmail.com. Тел.: +38 (067) 486-20-34
www.takibook.od.ua